

READER

Version 2.0

THE RUSSIAN EMPIRE 1790–1830: IN SEARCH FOR NARRATIVES FOR THE ALEXANDRINE AGE

Mainz, March 23–25, 2017

Inhaltsverzeichnis

Benjamin Conrad:

„Un bon système de finances doit être regardé comme l'ame qui vivifie l'État.“ European Experts and Russia's State Finances.....4

Alexander Orlov

Британское влияние на идеи модернизации России в эпоху правления императора Александра I (1801-1825 гг.)14

Franziska Schedewie

The diplomacy of Alexander I as from his family letters32

Elena Vishlenkova

Chaotic Times? Mastering the Imperial Medical and Health Care System.....46

Lorenz Erren

Россия – Республика? Заметки по поводу представлений декабристов о нации ..59

Vadim Parsamov

Республиканские модели в русской политической культуре 1815-1825 гг.74

Sergey Polskoy

Понятия конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе на рубеже XVIII-XIX вв.95

Alsu Bikstasheva

Divided Power: Tsar, Governor and the Local Society in Government Kazan.....130

Alexander Bauer

Центральная администрация и локальное общество на Урале181

Victor Taki

Construction of Center and Periphery in the Reign of Alexander I. The Case of Bessarabia, 1812–28. 195

Konstantin Troianovsky

„A Volhynian Revolution“: an episode from the history of relations between the Polish Nobility and Imperial Government in the Age of Alexander I 211

Vladimir Bobrovnikov

Ориентализм и империя в александровскую эпоху: создание горцев-туземцев на Кавказской пограничной линии 223

Benjamin Conrad

„Un bon système de finances doit être regardé comme l'ame qui vivifie l'État.“ European Experts and Russia's State Finances

I Introduction

“Un bon système de finances doit être regardé comme l'ame qui vivifie l'État”¹ is a quote taken from the first sentence of a memorandum, which was written by Friedrich Würost (1762–1831), Ludwig Jakob (1759–1827) and Michail Balugjanskij (1769–1847) in 1809. Those three constituted the special committee of finances founded by Michail Speranskij. In those years Speranskij was one of the most important or maybe the most important advisor of Imperator Alexander I. The quote translates into English as: “A good system of finances should be recognized as soul that refreshes the state.” It reminds the reader that a state without money cannot fulfil its tasks in a positive way.

This speech is divided in two parts. The first deals with the two **experts and their language – French** –, the use of French and the problems it caused. The second examines the knowledge, that the experts brought to Russia and gives some information on **how** this **knowledge was transformed into real policy.**

II The Experts and their Language: French

As said before, Speranskij's secret committee of finances consisted of three members, Friedrich Würost, Ludwig Jakob and Michail Balugjanskij. None of these three were of Russian origin. Würost and Jakob were originally from Germany. Balugjanskij is even claimed by three nationalities, he was born in Hungary in a village that now belongs to Slovakia and he was of Rusyn origin. Various spellings of his name exist.

How did Ludwig Jakob enter the Russian service? After the shutdown of his home university in Halle by Napoleon's French troops in 1806 Jakob resettled to Charkov in the Russian Empire. There, he served as professor for state sciences. Speranskij took notice of him because Jakob tried to calculate the amount of circulating Assignate Roubles in an article on

¹ Idées préliminaires qui pourront servir de base au plan général à dresser sur le rétablissement des finances de Russie (Dez. 1809), in: РГИА СПб, ф. 560, оп. 10, д. 338.

Russian paper money. This number was of course secret. In a simplified version, Jakob's calculations went like this: At first he took the last official sum of Assignate Roubles in 1788, stated in an Ukaz of Catherine the Great. That was 100 Mio. Assignate Roubles. Jakob assumed, that authorities under Catherine the Great lied and that the real number of Assignate Roubles stood already at around 150 Mio. In 1808, the exchange rate of the Assignate Rouble had fallen to one to three Silver Roubles. Considering both facts, he took the 150 Mio. by three and got 450 Mio. Assignate Roubles. Finally, he added some mio. Assignate Roubles to his calculation because he thought that the exchange rate could not fully express the visible overflow of paper money.

Jakob's calculation was extremely misleading in respect to the calculation of the Assignate Roubles in 1788. In this year, only 100 Mio. Assignate Roubles circulated, as stated in Catherine's Ukaz. But as a coincidence, the data for 1808 was right. In 1808, 477 Mio. Assignate Roubles circulated. Speranskij read Jakob's memorandum and ordered him to come to St. Petersburg and to take part as member of the special committee of finances alongside Würst and Balugjanskij. Speranskij did not tell Jakob the whole truth as he told him, that his calculations were absolutely correct. But for Speranskij it was obviously most interesting to read the various different assumptions connected to Russian paper money. In his papers, Jakob recommended for the future the use of only one united rouble instead of the silver, copper and Assignate Rouble.

The second example is that of Robert and Pierre Voûte. Both were descendants of the Voûte family, a protestant – Huguenot – family originally from Southern France. In the 16th century during the religious wars in France, they resettled in Amsterdam. From 1793 until 1797 Robert Voûte served twice as authorized representative of the Amsterdam Trade and Bank House of Hope & Co. in Poland and Russia. His young nephew Pierre joined in 1796.

Voûte's task was to convince Catherine the Great to cover the interest and loans that Dutch trade and bank houses paid to the Polish state and Polish magnats. Those magnats were unable to pay interests or to repay the loan because their estates had been seized by Russians during the partitions of Poland. The Polish state itself could not pay interests or repay the loan due to the fact, that it had been dissolved in 1795.

Until the death of Catherine in 1796, Voûte could not fulfill his task. But Catherine's son Paul was more approachable in questions referring to Poland. In 1797, he achieved three conventions between the houses of Amsterdam and Russia. In these conventions, Russia

accepted all interest and loan payments demanded by Voûte. The sum stood at 88.3 Mio. Dutch Guilders (108 Mio. Assignate Roubles in 1801). As Paul was highly impressed by both Voûtes, he made both of them to bankers of the court alongside José Pelho and Alexandre Rall in 1798. As a company of court bankers, they beared the name "Vôute, Velho, Rall & Co." Both examples of experts on finances show that **there was no formalized procedure of an expert to get a high position in Russia.** The Voûtes and Jakob got their positions in St. Petersburg simply through coincidences. Of course, one could not reach such a position without a certain expertise and knowledge. But reflecting all the circumstances, one cannot be surprised by the fact that not every personality was a good choice. After some months, Pierre and Robert Voûte left Russia. Officially they were in poor health, but it is likely that they were not capable of bearing all the intrigues at the court. That maybe saved their lives. Baron Richard Sutherland, a predecessor of the Voûtes, died in 1791 under more or less unknown circumstances. Maybe he committed suicide. He was definitely put under high pressure.

200 years after their family's expulsion from France, Robert and Pierre Voûte still **spoke French** midst of them. This definitely helped them in Russia, because French was the main communication language used in those days. It was not a secret language. Many people in Russia knew the language quite well, including the nobility and high ranking politicians as well as the empress and the emperor. Jakob and Speranskij of course convened in French and the memorandum of Würst, Jakob and Balugjanskij was delivered in French as well. The Voûtes also spoke French with the young earl, whom they took with them while traveling for weeks from Berlin to St. Petersburg by carriage in 1796. The young earl was no less than Karl von Nesselrode, the same Karl von Nesselrode that served as Russian foreign minister from 1814 until 1856 and could not read or write Russian.

But a society based on a social split of languages caused also special problems. The first problem of smaller mistakes was already mentioned by the quote earlier. While the standard of French generally was very high more **problems were caused by the necessity of translation** from various languages into French or Russian or from Russian to French and vice versa. Two examples: In May 1794 Robert Voûte was invited by the court of conscience of St. Petersburg as witness in the proceedings of the house de Bary of Amsterdam versus its former partner in St. Petersburg, Michel Trosien. This invitation arrived him in Russian. On the backside was written a translation into French. As one can see, there are two different

versions of the authority that invited. In the Russian version, it is “Sankt Peterburgskaja Gubernija”, while in the French version it is “La Ville de Saint Petersburg”. One may think, that these translation mistakes simply happened. But the two versions of Voûte’s conventions of 1797 with Russia are also not identical. And here, we do not have an invitation to a court, but treaties containing the transfer of millions of Assignate Roubles. All in all limited is known about the problems that foreigners had in Russia or the mistakes and problems their languages and especially French. But it is obvious, that various smaller and bigger problems occurred.

III From the Expert’s Knowledge to Real Policy

Voûte wrote on the Russian bureaucracy in 1793: “All these bodies were headed by military men with no understanding of the job [...]. They spent more time talking than working, and every day saw decision taken which conflicted with earlier ones.”² This negative view towards Russia, seen as a powerful but bad administered country, can widely be found in lots of different sources of experts.

How to deal with a country on which your look is rather arrogant? Voûte tried to find the best way for his houses in Amsterdam and Russia to deal with the Dutch debts. For this, he wanted to achieve that Russia would pay back all the debts plus interests. But on the other hand, he also knew the hard situation of Russia’s finances inherited by Paul and his government from his mother Catherine the Great. In order to prevent Russia from going bankrupt, he split the repayment of the loan in two periods. For the first period until 31st of December, 1809, Russia had to pay the interest only. The Russian government could decide freely from 1798 to 1809, how much of the loan they would repay. In the second period beginning in 1810 the rest of the loan had step by step to be repaid.

With this policy, Voûte was personally quite successful. As told before, he and his nephew were occasional court bankers of Russia, but after some months decided to return to Holland. His great diplomatic success had, of course, its price. Appendix 3³ was created exclusively for this conference and tries to give an indication of how high the foreign debts were in respect to the state income of Russia in 1801. This can only be a guesstimate, due to

² Marten G. Buist, *At spes non fracta, Hope & Co. 1770–1815*, Den Haag 1974, p. 131.

³ See last page of this paper!

the fact, that we do not know the state expenditure from 1797 until 1802.⁴ The data shows, that we can assume the foreign debts of Russia at around 113% of the total state income. It could be 20% plus or minus, but all in all the exact percentage does not matter. It shows clearly that one year of Russia's state income was to be transferred to the Dutch trade and bank houses. Therefore it came not as a surprise that the sureties given by Russia had to be raised. Under Catherine the Great, for one loan the toll of the city of Riga given as surety was sufficient. In 1798, no less than the whole state revenue had to be given as surety by Russia to Hope & Co., especially all tolls of the capital of St. Petersburg, Finland, Estonia, Livonia and Courland.

This situation pushed Russia to the edge of bankruptcy. In the first period of repayment from 1798 to 1809, the diplomatic loophole created by Voûte was therefore widely used. The first and only repayment referring to the Dutch debt occurred under Alexander in 1803, containing a sum of 2 Mio. Dutch Guilders. It is not that the governments of Paul and Alexander did not intend to repay the loan. The wars and other expenditures in the years from 1798 until 1809 simply gave them no possibilities than to postpone. This meant that 86.3 Mio. Dutch Guilders still had to be repaid. In 1809 this sum corresponded to 243 Mio. Assignate Roubles, due to fact, that Russia had printed millions of Assignate Roubles. In 1809, 243 Mio. Assignate Roubles meant 82% of Russia's total state revenue of 297 Mio. Assignate Roubles.

These numbers can lead to the misinterpretation that the situation slightly improved from 1801 to 1809, because the share of the Dutch debts on the state revenue shrank from 108% to 82%. Unfortunately, this is untrue because it depended strongly on the political climate. In 1810, Russia repaid 0.2 Mio. Assignate Roubles to Hope & Co., making the Dutch debt shrink from 86.3 to 86.1 Mio. Dutch Guilders. Russia as well left the continental blockade and reduced its trade with France-ruled Europe while Holland was incorporated into the French Empire. So at the end of 1810, 86.1 Mio. Dutch Guilders corresponded to 507 Mio. Assignate Roubles or 197% of Russia's revenue in 1810. This extreme rise was alone and only forced by the political alienation between the French and the Russian Empire.

Coming from expertise to policy, Jakob, of course, was right in 1808 when he claimed that the high number of Assignate Roubles should be reduced. But in reality, it again doubled

⁴ In 1796, the state revenue was 55 Mio. Assignate Roubles. In 1803, it stood at 111 Mio. Assignate Roubles. For the guesstimate, a revenue of 100 Mio. Assignate Roubles for 1801 is assumed.

from 1808 until 1816. The great problem of experts like Jakob was that they calculated with long peace periods, a problem, which apparently could not be solved. Every year saw new wars and coalitions following and replacing elder ones, new peace treaties always claiming a "perfect peace and amity", for example that one of Tilsit between France and Russia, resulting in a five-year-peace from 1807 to 1812.

IV Conclusion

The given examples of experts are showing two points. First, the expertise of a Ludwig Heinrich von Jakob or a Robert Voûte and others could not prevent any empress or emperor from waging wars. Therefore state finances were not seen as the most important guideline. This fact limited their expertise unfortunately to the moment when they submitted their papers and memoranda or achieved their political goal. The next years created almost every time unexpected new situations. Jakob did not expect, that the number of Assignate Roubles had to be doubled until 1816. Voûte did certainly never expect the Russian army to be that victorious that it could conquer Amsterdam and then there create a need for new compromises.

Second, we learn, that Russia was regarded by the experts as part of Europe. It was not only the French speaking elites. For the Dutch bankers the expectation that the Russian state with its German empress on top would behave like other European states played an important role. Previous empresses and emperors failed in getting loans from abroad, but for Russia under Catherine that changed. Of course, Voûte expected the loaned money to be paid back as other European states did before. Both facts are clear signs that an integration process of Russia into Europe had taken part in the decades of Catherine the Great.

Victorious Russia in 1815 finally found its own solution. After the victory over the French Empire and its allies, the governments of the United Netherlands and the United Kingdom declared to accept one fourth of the Dutch debts. So finally the Dutch and British taxpayer financed half of Russia's war against the Ottoman Empire from 1787 until 1791, for which most of the money was spent. For the bank house Hope & Co., it made no difference from whom their company and their bondholders. After years of waiting, the company in 1815 got their amicable tone towards Russia back. „La cause de toutes les nations, celle de

l'humanité, doit passer avant tout"⁵ wrote Hope in an excusing notice to their bondholders in November 1815. Furthermore, it explained that the Russian emperor Alexander I. had been that busy in liberating Europe from France under Napoleon that he had to delay the payments. The above quote reads in English as: „The fate of all nations, of the humanity is more important than everything else.“

⁵ Avis (09.11.1815g), in: Stadsarchief Amsterdam, toegangsnummer 735, deel 2029.

Appendix:

1.) Selected biographical information – Ludwig Heinrich (von) Jakob

Picture: Ludwig Heinrich v. Jakob: Denkwürdigkeiten aus meinem Leben. Halle/Saale 2011

* 26.02.1759g in Wettin (north of Halle/Saale), † 22.07.1827g in Lauchstädt (south of Halle/S.)

1816 peered by the Russian Empire

1789–1806 professor for philosophy at the Friedrichs-University of Halle/Saale (1806 closed by the French occupation forces)

1807–1816 professor for state sciences at University of Charkov

1816–1827 professor for state sciences at the renewed Friedrichs-University of Halle/Saale

1808 wrote a paper called “On Russian paper money” (printed in 1817 in a modified version)

1809–1812 member of various institutions in St. Petersburg, e.g. the special committee on Finances headed by Michail Speranskij

2.) Selected biographical information – Robert Voûte

Picture: Marten G. Buist, Hope & Co. 1770–1815, Den Haag 1974, p. 466.

*13.02.1747g in Amsterdam, †15.06.1823g in Oudshoorn (south of Amsterdam).

1811 peered by the French Empire

1793 representative of Hope & Co., Amsterdam, at the Sejm of Poland-Lithuania in Grodno.

1793–94 and 1796–98 representative of Hope & Co. to Russia, mainly in Moscow and St. Petersburg.

1798 court banker as co-owner of the company "Voûte, Velho, Rall & Co." in St. Petersburg

1811–13 Highest Director of Finances of Holland as part of the French Empire, in 1812 trying to achieve convenient provisions for Hope & Co. after France's expected victory over Russia

3.) Russia's Foreign Debts in 1801⁶

a.) Dutch debt (all administered by Hope & Co., Amsterdam⁷)

- accepted debts of the Polish-Lithuanian State: 4.9 Mio. Dutch Guilders⁸ = 6 Mio. Assignate Roubles ≈ 6% of the 1801 state income.
- accepted debts of Stanisław II. August Poniatowski, the last King of Poland: 3.5 Mio. Dutch Guilders⁹ = 4.3 Mio. Assignate Roubles ≈ 4% of the 1801 state income.
- accepted debts of the Polish-Lithuanian magnat families Czartoryski, Jabłonowski, Lubomirski, Ogiński, Potocki and Sobański: 7.5 Mio. Dutch Guilders¹⁰ = 9.2 Mio. Assignate Roubles ≈ 9% of the 1801 state income.
- combined debts of Russia at all trade and bank houses of Amsterdam: 53.5 Mio. Dutch Guilders¹¹ = 65.5 Mio. Assignate Roubles ≈ 66% of the 1801 state income.
- debt of Russia at the trade and bank house de Wolf, Antwerpen: 3 Mio. Dutch Guilders¹² = 3.7 Mio Assignate Roubles ≈ 4% of the 1801 state income.
- "In different private treaties with different and private persons": 15.9 Mio. Dutch Guilders¹³ = 19.5 Mio. Assignate Roubles ≈ 20% of the 1801 state income.
- average debts paid back every year under Paul I.: 0 Roubles, 00 kopecks¹⁴

b.) Genoese debt

- debt of Russia at Regny & Co., Genoa = 3 Mio. Piasters¹⁵ = 3.7 Mio. Assignate Roubles¹⁶ ≈ 4% of the 1801 state income.
- average debts paid back every year under Paul I.: 0 Roubles, 00 kopecks¹⁷

Overall: 88.3 Mio. Dutch Guilders + 3 Mio. Piasters = 111.9 Mio. Assignate Roubles ≈ 113% of the 1801 state income.

⁶ Preliminary guesstimate by the author of this paper.

⁷ Procuration des Intérés dans les [sic] Emprunts de Pologne, autorisant Mr. Voûte a [sic] prendre les arrangemens [sic] couvenables, doit a [sic] Petersbourg Varsovie Berlin ou Vienne pour la liquidation des dits emprunts etc., Traduction en francais [sic], 13.05.1796g.

⁸ Acte de Cession/Актъ в уступки, Voûte-Russia, 30.06.1797j.

⁹ Acte de Cession/Актъ в уступки, Voûte-Russia, 30.06.1797j.

¹⁰ Actes de Cession/два акта в уступки, Voûte-Russia, 30.06.1797j and 29.10.1797j.

¹¹ ПСЗ 18 326а, 15.01.1798j.

¹² ПСЗ 18 326а, 15.01.1798j.

¹³ ПСЗ 18 326а, 15.01.1798j.

¹⁴ Hope & Co., Amsterdam, à R. Voûte, Paris, 22.06.1813g.

¹⁵ Н. Бржеский, Государственные долги России, С.-Петербургъ 1884, с. 140.

¹⁶ The accordance of the exchange rate of Guilders and Piasters appears to be a coincidence.

¹⁷ Klaus Heller, Die Geld- und Kreditpolitik des Russischen Reiches in der Zeit der Assignaten (1769–1839/43), Wiesbaden 1983, p. 54.

Александр Анатольевич Орлов

Британское влияние на идеи модернизации России в эпоху правления императора Александра I (1801-1825 гг.)

Эта история началась задолго до прихода к власти императора Александра I. Все существенные внутренние реформы в России (Ивана IV Грозного, Петра I, Екатерины II, Александра I, отмена крепостного права в 1861 г., дарование Николаем II ограниченных политических свобод в 1905 г.), а также революции начала XX в. во многом связаны с внешнеполитическими факторами. Россия, окружённая сильными и опасными соперниками (или врагами), оказывается перед необходимостью ускоренной модернизации и, естественно, её правители обращают внимание на опыт самых развитых стран. При этом наблюдается стремление широко перенимать достижения в сфере экономики и крайне осторожно - в политике, дабы не потерять власть и не поставить страну на грань революции.

Прежде чем перейти к эпохе Александра I, позволю себе несколько важных предварительных замечаний. Британское влияние на идеи модернизации в России впервые проявилось при Петре I. Царь, побывавший в Англии в 1698 г., интересовался техническими новинками, в первую очередь, в области кораблестроения, и особенностями политической жизни страны. После возвращения домой он немедленно использовал английские изобретения, но, в то же время, говорил: в России «англинская вольность... не у места, как к стене горох»¹, т.е. не может быть востребована и поэтому никому не нужна. В отличие от него, Екатерина II обратила самое пристальное внимание на труды английского юриста Уильяма Блэкстона. По приказу императрицы профессор права Московского университета С.Е. Десницкий перевёл на русский язык первый том сочинения Блэкстона «Комментарии к английским законам»². Издание осуществил выдающийся просветитель Н.И. Новиков³.

¹ Рассказы Нартова о Петре Великом. Л.Н. Майкова. Приложение к LXVII-му тому Записок Импер[аторской] Академии Наук. № 6. СПб., 1891. С. 82, № 121.

² Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. 4 vols. Oxford, 1765-1769. Екатерина знакомилась с сочинением Блэкстона по французскому переводу. - Blackstone W. Commentaire sur le lois d'Angleterre. Trad. par Gomicourt. T. 1-6. Bruxelles, 1774-1776. Она включила работы Блэкстона и Д. Юма в список произведений для обязательного чтения наследника престола вел. кн. Павла Петровича. - *Скоробогатов*

Но отношение Екатерины II к труду Блэкстона было не таким, как, скажем, к знаменитому сочинению «О духе законов» (1748 г.) французского философа Ш.-Л. Монтескье, которого она, по собственному признанию, «обобрала» для составления «Наказа» Уложенной комиссии 1767 г. Императрица полагала, что славяне и норманны в древности оказали серьёзное (если не определяющее) воздействие на формирование англо-саксонской государственной и судебной традиции, следовательно, здесь ничего принципиально нового, по сравнению с законами, появившимися на русской почве, найти не удастся. Цель изучения труда английского юриста (Екатерина начала знакомиться с книгой в 1774 или 1775 г. и два года не расставалась с ней, заполнив толстую тетрадь в 385 страниц «Выписками из шести томов Блэкстона, толкователя Аглицких законов») состояла для неё в том, чтобы классифицировать российское законодательство по примеру английского. «Я ничего не делаю из того, что у него в книге, но это для меня пряжа, которую я разматываю по своему», - писала она 4 августа 1776 г. немецкому публицисту и дипломату (её корреспонденту в Париже) барону Ф.-М. Гримму. Знакомство с трудом Блэкстона убеждало Екатерину II, в частности, в следующем: в России высшая законодательная и исполнительная власть должна оставаться в руках монарха, признающего примат закона⁴.

К Блэкстону Екатерина II обращалась по всем юридическим вопросам, особенно при выработке принципов реформирования Сената (верховного органа управления империей)⁵. Некоторые идеи Блэкстона были использованы при составлении «Устава благочиния» 1782 г. Этот устав утверждал в российском праве новые понятия о видах преступлений: против личности, собственности, «народного» правосудия, «тишины» (то есть общественного спокойствия), здоровья и торговли, тем самым позиционируя личность, собственность и общество в качестве объектов государственной защиты⁶.

А.В. Цесаревич Павел Петрович. Политический дискурс и социальная практика. М., 2004. С. 71. Об интересе Павла к трудам Блэкстона см.: Там же. С. 102, 142, 149.

³ [Блэкстон У.] Истолкования Аглинских законов г. Блэкстона, переведённые по Всевысочайшему повелению Великой законодательницы Всероссийской с подлинника Аглинского. Кн. I-III. М., 1780-1782.

⁴ Кологривов С.[Н.] Новонайденный труд Екатерины Великой // Русский архив, 1908. Кн. II, № 6. С. 169-177.

⁵ Иконников В.[С.] Сенат в царствование Екатерины Второй // Русский архив, 1888. Кн. I, № 1. С. 32-37, 40.

⁶ По оценке историка из Высшей школы экономики (ВШЭ) Г.О. Бабковой, «во второй половине XVIII в. это было знаком серьёзных изменений во взаимоотношениях между подданными и властью, которая, "предохраняя" "безопасность" и собственность "каждого особо гражданина", формировала условия для

Екатерина II деятельно занималась экономикой, прежде всего, внешней торговлей, и укреплением обороноспособности государства. Для этого в Россию приглашали из Англии мастеров различных технических специальностей, а также морских офицеров⁷. Но, с другой стороны, интересы отечественной промышленности требовали постепенного освобождения от британского влияния. Незрелость экономических институтов крепостнического государства могла привести к тому, что обладающий свободными средствами английский предприниматель займёт в них лидирующие позиции⁸. Екатерина II пыталась побудить русских купцов основывать свои торговые конторы в Лондоне, чтобы они продавали там экспортные продукты с наибольшей выгодой, получая добавленную стоимость и доставляя её (в виде денег или товаров) в Россию⁹. Накопленные средства можно было использовать для продолжения реформ¹⁰. С другой стороны, она продолжила (в бóльшем масштабе) деятельность императрицы Елизаветы Петровны по отправке русских студентов в британские университеты. И.А. Третьяков и упоминавшийся выше Десницкий учились в

гарантий "государственной вольности" и собственной трансформации в "законную монархию". - Бабкова Г.[О.] Проект «Уголовного уложения» Екатерины II и «Комментарии на английские законы» У. Блэкстона. Проблема трансфера // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI-XX вв.). Сборник статей / Под ред. М.Г. Муравьевой. СПб., 2011. С. 245.

⁷ Кросс Э.[Г.] Британцы в Петербурге: XVIII век / Пер. с англ. Н.Г. и Ю.Н. Беспятых. СПб., 2005. С. 176-280 (Главы 5, 6) [далее - Кросс Э.[Г.] Британцы в Петербурге...]; Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII - первая половина XIX вв.). Очерки. М., 2008. С. 37-48.

⁸ «Экономические и культурные связи между Россией и Великобританией достигли в XVIII в. выдающихся результатов. Великобритания стала основным торговым партнёром России. Целые отрасли российского производства работали, в основном, на удовлетворение британских потребностей в товарах, необходимых для кораблестроения, промышленности и населения "Туманного Альбиона". Отметим в этой связи, прежде всего, чёрную металлургию, полотняное дело и пенечный промысел. Несмотря на изменчивость внешнеполитической конъюнктуры, на случавшиеся кризисы, ставившие обе страны на грань полного разрыва дипломатических отношений, экономическое и культурное партнёрство не только не прерывалось, но и расширялось». - Дёмкин А.В. Между двумя эмбарго: британское купечество в России в 1801-1807 гг. // Проблемы исторической географии и демографии России. [Сборник научных статей]. Вып. I / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 2007. С. 314-329. Подробнее об этом см.: Дёмкин А.В. Британское купечество в России XVIII века / Отв. ред. А.А. Преображенский. М., 1998. Характерно, что автор монографии, изданной в конце XX в., полагал: «...история взаимоотношений британского и русского торгового капитала, равно как и британских деловых людей и государственного сектора российской экономики, должна изучаться ещё и для того, чтобы выявить всё лучшее, что способствовало бы прогрессу в экономической кооперации современных России и Великобритании, к чему, на наш взгляд, имеются реальные предпосылки» (с. 3).

⁹ Русско-британские торговые отношения в XVIII веке. Сборник документов / Сост. и автор введения А.В. Дёмкин. М., 1994. С. 67. «Записка», составленная в Коммерц-коллегии (1774 г.) по итогам опроса купца британской «Российской [Московской] компании» Н. Кавана (Каванака).

¹⁰ Эти опыты оказались неудачны и средств в казну не принесли. За весь XVIII в. из более чем 500 россиян, посетивших Англию, всего лишь 12 чел. были связаны с торговлей. - Кросс Э.[Г.] У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 348, 352-354, 356, 358-361 (далее - Кросс Э.[Г.] У Темзских берегов).

университете Глазго и в 1761-1764 гг. посещали лекции Адама Смита¹¹. Получив в 1767 г. степени докторов права и вернувшись на родину, они во многом способствовали популяризации смитианства.

Отметим, что в России идеи Смита были неизбежно адаптированы, но, в то же время, восприняты русскими раньше, а в чём-то и глубже, чем в Англии. Смит, например в пятой книге («Об обязанностях государя или государства») своего знаменитого «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) утверждал: разумный протекционизм необходим, если без него в конкурентной борьбе с иностранцами могут погибнуть важные отрасли отечественной экономики, обрекая на голодную смерть значительную часть населения. Более того, по его словам, «некоторые отдельные отрасли торговли, которые ведутся с варварскими и нецивилизованными народами, требуют чрезвычайного покровительства»¹².

После победы Англии в Семилетней войне 1756-1763 гг. увлечение всем французским (галломания) начало сменяться в Европе англomанией, прежде всего, в бытовой сфере (домашний комфорт, моды, садово-парковое искусство и т.д.). Англomания вскоре пришла и в Россию и Екатерина II была не чужда новому увлечению, что побудило аристократов обратить на него внимание¹³. (Впоследствии англomания [как стремление защититься с помощью законов от всевластия самодержавной монархии] приобретёт политический оттенок¹⁴.) Всех внуков императрицы воспитывали няни-англичанки. Старший из них - великий князь Александр Павлович - до назначения к нему воспитателем швейцарца Ф.-С. Лагарпа говорил по-английски, но совершенно не знал французского языка.

Став в 1801 г. императором, Александр I столкнулся с вызовом Французской революции. Новые условия требовали от него реформирования всей сферы

¹¹ Там же. С. 142-148. При чтении лекций по юриспруденции и моральной философии Смит рассматривал и экономические проблемы.

¹² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 526.

¹³ О развитии англomании в России см.: Предтеченский А.В. Англomания // Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия / Сост. Т.Н. Жуковская, Л.М. Предтеченская. СПб., 1999. С. 40-101. О моде на устройство в России последней трети XVIII в. английских садов см.: Рейман А. [Л.] «Для меня ты лучший сад...». Британские садовники в Санкт-Петербурге // Пинакотекa, № 18-19. М., 2004, № 1-2. С. 12-17.

¹⁴ Видимо, такая разница восприятия заставила английского историка Э. Кросса назвать новое для России идейное явление при Екатерине II «англофилией», проистекавшей, в значительной мере, из личного опыта людей, а при Александре I - великим периодом «...русской англomании, для которого предыдущее столетие обеспечило... "исторические корни" ...». - Кросс Э. [Г.] У Темзских берегов. С. 298-299.

управления и экономической системы России. Целью императора было создание конституционной монархии, введение некоторых элементов парламентаризма и ликвидация крепостного права. Примером здесь могла быть только Англия - единственная великая держава XVIII в., сумевшая оказать достойное сопротивление Франции, защитив собственную экономику и не поступившись при этом основными политическими свободами. Великобритания, со своей стороны, была крайне заинтересована в союзе с Россией.

В этой связи, в моём докладе будет проанализирован многообразный опыт российско-британского взаимодействия в начале XIX в. Что именно планировал перенимать Александр I и каким путём? Как шёл этот процесс применительно к разным сферам жизни государства? Какие британские достижения «прижились» на русской почве, а какие нет и почему? Каков итог реформаторской деятельности императора? Для ответа на эти вопросы следует изучить процесс британского влияния на идеи модернизации России на всех уровнях: от политики до моды (в том числе моды на «новую науку» - политическую экономию).

В преддверии большой войны с Францией Александр I стремился быстро преобразовать систему управления империей и укрепить финансовую безопасность государства. Для решения второй задачи он продолжил протекционистскую деятельность Екатерины II. Вновь были сделаны попытки активизировать российскую внешнюю торговлю с помощью государственной поддержки. Здесь в качестве самого убеждённого сотрудника императора выступил министр коммерции гр. Н.П. Румянцев¹⁵. Такая политика вызвала гневную реплику посла в Лондоне англофила гр. С.Р. Воронцова. Он ссылаясь на книгу Смита, наполненную по его словам, «...неопровержимыми аксиомами относительно торговли, как Эвклид в геометрии...» и на труд французского экономиста Ф.-В. Дюверже де Форбонне «Основы торговли» (1-е изд. - 1754 г.)¹⁶. Высокая оценка Воронцовым труда Смита подтверждает мысль о

¹⁵ В 1808-1814 гг. Румянцев занимал пост (до 1810 г. - с сохранением прежней министерской должности) министра иностранных дел. В течение всего времени своей государственной деятельности он был сторонником протекционизма как главного средства развития отечественной экономики.

¹⁶ Цит. по: Мартенс Ф. [Ф.] Россия и Англия в начале XIX-го столетия (Окончание) // Вестник Европы, 1894. Т. 6. Кн. 11 (ноябрь). С. 202-203. Экземпляр «Исследования...» Смита Воронцов ещё в 1786 г. отправил своему брату (гр. А.Р. Воронцову), бывшему тогда президентом Коммерц-коллегии, с просьбой дать оценку этому труду. - Сопленков С.В. «Коммерция всего земного круга». Сведения о российско-азиатской торговле и опыт её осмысления в отечественной экономической литературе XVIII в. // Восток, 2007, № 3.

подготовленности русского общества к восприятию учения последнего. В то же время, в мышлении посла также присутствовали меркантилистские представления, что доказывается его оговоркой о торговле как «важной отрасли администрации», то есть государственного управления. Оговорка не случайная, поскольку способности русских купцов к самостоятельному ведению дел он оценивал очень невысоко¹⁷.

В романе в стихах (его называют «энциклопедией русской жизни») А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823-1831 гг.) главный герой:

*...читал Адама Смита
И был глубокий эконоом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живёт, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет¹⁸.*

У Пушкина интеллектуал Онегин изучал труды самого Смита, а столичные дамы предпочитали брошюры его популяризатора француза Ж.-Б. Сэя (Сэ)¹⁹. Российское высшее общество первой трети XIX в. знакомилось со Смитом с помощью ещё одного посредника - остзейского немца, учившегося в университетах Гейдельберга и Йены, А.К. (Генриха) Шторха, автора шеститомной работы «Курс политической экономии...»²⁰.

С. 63. Со ссылкой на: Alexeev M. [P.] Adam Smith and his Russian Admirers of the Eighteenth Century // Scott W.R. Adam Smith as Student and Professor. Glasgow, 1937. P. 428.

¹⁷ Например, в ответ на требование Павла I перед разрывом с Англией возратить на родину всех торгующих россиян, Воронцов сообщал в Государственную Коллегию иностранных дел (ГКИД): «...Россия ничего не потеряет, оставя их в чужих краях». - Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 132 (ГКИД). Оп. 506. Д. 1. Л. 380. Черновая выписка из депеши от 21 июня / 2 июля 1799 г.

¹⁸ Пушкин А.С. Евгений Онегин. Роман в стихах. М., 1976. С. 57 (глава I, строфа VII).

¹⁹ Там же. С. 71 (глава I, строфа XLII).

²⁰ Storch H. Cours d'économie politique, ou exposition des principes qui déterminent la prospérité de nations. T. 1-6. St.-Pétersbourg, 1815. Шторх начал работу над книгой по просьбе вдовы Павла I императрицы Марии Фёдоровны, в 1809 г. пожелавшей лично ознакомиться с новой наукой. В 1813 г. по «Курсу...» обучались её сыновья - великие князья Николай (будущий император Николай I) и Михаил Павлович. -

Шторх, однако, совершенно по-другому понимал задачи политэкономии как науки. Основным предметом изучения для него служит государство, обеспечивающее безопасность личности и собственности, без чего в условиях России невозможно рассчитывать на какое-либо увеличение национального богатства²¹. Для Пушкина также учение Смита - это, прежде всего, знание того, «как Государство богатеет» (именно так печаталась эта фраза в прижизненных изданиях романа)²². Смит и его наставник шотландский философ Дэвид Юм расставляли акценты иначе, требуя от правителя сначала обеспечить населению стабильный доход. Внешнеполитические условия, в которых тогда находилась Россия, не предоставляли Александру I таких возможностей.

Тем не менее, задача могла быть реализована в будущем. Поэтому император стремился проводить реформы, основанные на принципах «разума» и «полезности» (рационализма и утилитаризма). В области правового реформирования он через статс-секретаря Министерства внутренних дел (МВД) М.М. Сперанского обратился за помощью к английскому философу-утилитаристу Джереми Бентаму. Александр I знал: Бентам жил в России в 1786-1787 гг. и полагал, что учёному известна, хотя бы в главных чертах, российская специфика²³. Кроме того, внимание монарха-реформатора к его

Сомов А. [И.] Шторх, Андрей Карлович (Heinrich Storch) // Русский биографический словарь (РБС). Т. [23]. Шебанов - Шютц. СПб., 1911. С. 428-432. Русский перевод первого тома труда Шторха вышел в 1881 г. Полностью его книга была переиздана в Германии на французском языке по тексту 1815 г. – *Storch H.F., von. Cours d'économie politique. Bd. 1-6. Hildesheim, etc., 1997.* Полное русскоязычное издание увидело свет только в начале XXI в. - *Шторх А.К. Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие.* М., 2008.

²¹ Шторх по мере возможности старался популяризировать успехи цивилизации в России на Западе. В 1803-1809 гг. он издавал на немецком языке исторический журнал «Россия при Александре I» (*Russland unter Alexander dem I, eine historische Zeitschrift*), в котором «...имел в виду давать обзор наиболее значительных событий современной ему русской жизни». Начиная со второго тома, он привлёк к постоянному сотрудничеству Егора (Георга) фон Энгельгардта (будущего директора Царскосельского Лицея, где учился Пушкин), которого рекомендовал своим читателям как знатока русского языка и России вообще. - *Кобеко Д.Ф. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811-1843.* [2-е изд.]. М., 2008. С. 71. Энгельгардт продолжил дело Шторха, издавая в 1828-1832 гг. «Русский сборник для более точного познания России и её жителей...» (*Russische Miscellen zur genaueren Kenntniss Russland und seiner Bewohner herausgegeben von Georg Engelgardt*). - Там же. С. 166-167.

²² *Сопленков С.В. Императоры и политэкономы. Государства и общества Востока, России и Запада в отечественной экономической мысли дореформенного периода // Востоковеды востоковеду. Сборник на юбилей Глория Кузьмича Широкова / Отв. ред. М.С. Мейер, А.М. Петров.* М., 2000. С. 70-72.

²³ Бентам жил в поместье светл. кн. Г.А. Потёмкина-Таврического недалеко от г. Кричева Могилёвской губернии в качестве гостя своего младшего брата инженера и кораблестроителя Сэмюэла Бентама, управлявшего поместьем. Во время пребывания в России философ почти совершенно не интересовался тем, что происходило в стране. - *Пыпин А.Н. Русские отношения Бентама // Вестник Европы, 1869. Т. 1. Кн. 2. С. 799, 802.* (Подробнее о пребывании Бентамов в имении Потёмкина см.: *Montefiore S.S. Prince Potemkin and the Bentham* // *History Today, 2003. Vol. 53(8).* P. 38-45. Рус. пер.: *Монтефиоре С. [С.] Роман*

трусам привлекало стремление **Бентама** выработать новое справедливое законодательство, отказавшись от устаревших принципов римской юстиции и от рутины местного (в его случае - английского) обычного права. Представителям правящей элиты России должна была также импонировать идея Бентама об облегчении положения народа с помощью реформ «сверху», без участия самого народа.

Посредником между Бентамом и его русскими «заказчиками» выступил швейцарец П.-Э.-Л. Дюмон, в 1784-1786 гг. служивший пастором реформатской церкви в Петербурге. (Он был красноречивым оратором и приобрёл тогда широкую известность в столице. Впоследствии жил в Англии и во Франции, сблизившись со многими известными людьми, в том числе и с Бентамом, став переводчиком и популяризатором его работ²⁴.) В 1802 г. Дюмон снова приехал в Петербург и привёз часть тиража своей книги «Рассуждение о гражданском и уголовном законодательстве», составленной из переводов произведений Бентама²⁵. Издание (неожиданно для автора) имело в России огромный успех²⁶. Позитивный общественный настрой²⁷ побудил императора и Сперанского установить

судостроителя. Братья Бентамы в «потёмкинской деревне» // Родина, 2003, № 5-6. С. 51-53.) Всё же можно предполагать, что Сэмюэл информировал брата о реальном положении дел. В письме к Александру I от мая 1814 г. учёный признавался: «Об особенностях России я имею некоторое понятие. Два года из тех лет моей жизни, которые были наиболее богаты наблюдениями, были проведены в пределах России». - Цит. по: *Пыпин А.Н.* Русские отношения Бентама // Вестник Европы, 1869. Т. 2. Кн. 4. С. 745.

Кросс уточняет: Джереми Бентам ещё в молодости познакомился в Лондоне с братьями М.И. и И.И. Татищевыми, служившими в русском посольстве. Михаил Татищев был автором брошюры о созыве в Москве Уложенной комиссии и перевода на английский язык «Наказа» Екатерины II. «Через много лет, оглядываясь на этот период, Бентам припоминал, как начал читать труды Гельвеция, и они, вместе с переводами сочинения Беккариа "О преступлениях и наказаниях" и "Наказа" Екатерины, "стали для меня свежими побуждениями и зажгли новые маяки"». Бентам «...очень интересовался проектами Екатерины и много расспрашивал Михаила и его брата, приехавшего в Лондон в 1769 г., о России». - *Кросс Э.[Г.] У Темзских берегов.* С. 45-46.

²⁴ Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. С предисловием С.М. Горяинова. Сообщ. С. [М.] Горяиновым // Голос минувшего, 1913, № 2 (февраль). С. 143-147.

²⁵ *Traité de Législation Civile et Pénale...* Т. 1-3. A Paris, an X - MDCCCII [1802].

²⁶ В июне 1803 г. он писал английскому юристу сэру Сэмюэлу Ромильи (тот передавал письма Бентаму): «Можете ли вы поверить, чтоб в Петербурге было продано моего *Бентама* столько же экземпляров, сколько в Лондоне? Сто экземпляров были проданы в очень короткое время, и книгопродавцы просят нового запаса. Это доставило мне благосклонность многих лиц, которую я употребляю в пользу. Книге удивляются, а издатель скромно принимает свою долю в этом удивлении. Но что удивило меня больше всего, это - впечатление, какое произвели определения, классификации и метод, и отсутствие тех декламаций, которые были так скучны для людей с серьёзным умом». - Цит. по: *Пыпин А.Н.* Русские отношения Бентама // Вестник Европы, 1869. Т. 1. Кн. 2. С. 805.

²⁷ Этот настрой ярко выражен в письме (от 5 февраля 1804 г.) генерал-майора Н.А. Саблукова к Сэмюэлу Бентаму. Там, в частности, говорилось следующее: «России нужны законы. Не только Александр Первый

непосредственный контакт с представителем Бентама. Сперанский 10 октября 1804 г. написал Дюмону письмо, в котором предлагал английскому философу использовать достижения политэкономии Смита для создания целостного учения (надо полагать, приемлемого для реформирования в российских условиях). «Я думаю, что, следуя плану г. Бентама, Политическая Экономия займёт гораздо более естественное положение, будет легче для изучения и будет более научной», - писал Сперанский²⁸.

По словам русского историка А.Н. Пыпина, «...для многих мыслящих людей, желавших общественного добра, идеи Бентама в первый раз давали твёрдую точку опоры и логическое доказательство, которым мог подкрепить себя новый образ мыслей. Когда император дал повеление об издании сочинений Бентама на русском языке, это дало идеям Бентама новую санкцию; и сам император, вероятно, разделял до известной степени уважение к этому авторитету»²⁹. Отрывки из сочинений Бентама (в русском переводе) уже в 1804 г. появились на страницах официального органа МВД - «Санктпетербургского журнала». Во втором номере журнала неофициальный отдел состоял «...исключительно из Бентама, у которого заимствованы статьи: О распространении познания законов, О пользе просвещения, О свободе книгопечатания...»³⁰. Но издатели журнала, прежде всего, конечно, Сперанский, понимали, что ни одна идея не может быть перенесена на чужую почву без адаптации к местным условиям. Поэтому перед статьёй «О свободе книгопечатания», «...где Бентам защищает почти безусловную свободу печати, издатели поместили такую оговорку: "Мнения писавших о свободе книгопечатания столь были всегда различны, что читателям приятно, конечно, будет увидеть их здесь вместе и сравнить между собою; и в том намерении издатели поместили следующие два извлечения, одно подле другого". Второе извлечение (неизвестно, из какого писателя) оспаривает возможность безусловной свободы печати и примером неудачи [германского

желает дать ей кодекс, - Россия сама его требует. Мы, русские, видели развитие французской революции - деспотизм, к которому она привела и от которого недавно избавились; но мы должны иметь кодекс - кодекс, который бы сохранил правительству необходимую силу для справедливого управления этой обширной страной, составленной из различных наций, - всё завоёванных, - но который бы вместе с тем и парализовал эту силу, когда бы она употреблялась на несправедливость. Пусть Иеремия Бентам приготовит этот кодекс!». - Цит. по: Там же. С. 810.

²⁸ Цит. по: Там же. С. 812.

²⁹ Пыпин А.Н. Русские отношения Бентама // Вестник Европы, 1869. Т. 2. Кн. 4. С. 730-731.

³⁰ Там же // Вестник Европы, 1869. Т. 1. Кн. 2. С. 813.

императора] Иосифа II утверждает, "сколь важно и необходимо соображать все новые постановления с духом народа и степенью просвещения его"»³¹.

В 1805-1811 гг. по приказу Александра I был опубликован русский перевод книги Дюмона³². Чуть раньше император распорядился перевести на русский «Исследование...» Смита и для этого предоставил переводчику Н.Р. Политковскому 5 тыс. руб. из средств своей личной канцелярии (кабинета)³³. По словам Пыпина, «...за один 1802 год на издание различных сочинений и переводов из кабинета его величества выдано было до 160,000 рублей»³⁴. Мы можем убедиться в том, что император обращал огромное внимание на идейную подготовку своих реформ.

Но **Бентам не выполнил «заказ» Александра I. Он предлагал свои проекты готовыми и не хотел ничего в них менять.** То же самое произошло и в 1814-1815 гг., когда к нему вторично обратились за помощью. Это заставило российские власти отказаться от сотрудничества с Бентамом. Общественный интерес к идеям английского философа также постепенно снизился. Первые два тома перевода книги Дюмона вышли в 1805 и 1806 гг., а третий - лишь в 1811 г. (Задержку с третьим томом можно объяснить и финансовыми трудностями периода наполеоновских войн.) Мыслящие люди, получившие, благодаря реформам Александра I, доступ к разнообразной литературе, имели возможность и желание рассуждать, сравнивать между собой те учения, которые предлагала им западная наука, и вырабатывать свой собственный взгляд на её достижения. Интеллектуал Онегин, слыша в великосветских салонах Петербурга дамскую болтовню «о Сэе и Бента́ме», оценил её как «...несносный, хоть [и]

³¹ Там же. С. 813-814.

³² Разсуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начал законоположения и всеобщего начертания полной Книги Законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно Законов. Соч. Английского Юрисконсульта *Иеремиа Бентама*. Изданное в свет на французском языке Степ. *Дюмоном*, по рукописям от автора ему доставленным. Переведённое *Михайлом Михайловым*, с прибавлением дополнений от г-на Дюмона сообщённых. *По Высочайшему повелению*. Т. I-III. СПб., 1805-1811.

³³ Исследование свойства и причин богатства народов, соч. Адама Смита; пер. с англ. Никол. Политковского. Ч. I-IV. СПб., 1802-1806. Интересно отметить, что в 1816 г. в Петербурге вышла переведённая Политковским с французского языка книга Сэя «Сокращённое учение о государственном хозяйстве, или Дружеские разговоры, в которых объясняется, каким образом богатство производится, делится и потребляется в обществе». В посвящении министру финансов гр. Д.А. Гурьеву Политковский указывал: он обратился к переводу этой книги, т.к. она, благодаря учебному характеру, краткости, ясности и простоте изложения, может служить руководством к чтению «трудной для восприятия» книги Смита.

³⁴ *Пыпин А.Н.* Русские отношения Бентама // Вестник Европы, 1869. Т. 1. Кн. 2. С. 816.

невинный вздор»³⁵. Образованная часть русского дворянства «переросла» патерналистскую политику правительства. В этой среде, из которой вышли будущие декабристы, находили себе сторонников предложения английского юриста о необходимости широкого развития общественного мнения с помощью парламентаризма и свободной прессы³⁶. Здесь возникла пропасть между двумя представлениями о модернизации, которая со временем углублялась, что не позволит процессу реформирования при Александре I приобрести необратимый характер.

(Русское общество распрощается с бентамовскими иллюзиями к концу 1830-х гг., свидетельством чему будет повесть кн. В.Ф. Одоевского «Город без имени» [1-я публ. - 1839 г.]. В повести говорится о том, как граждане государства Бентамия [бентамиты], жившие по принципам утилитаризма, постепенно уничтожили всё живое вокруг и, в конце концов, самих себя³⁷. Однако следующие переломные эпохи в жизни России вновь возродят интерес к личности и деятельности Бентама³⁸.)

Неудача с Бентамом не остановила реформы. Император не отказывался от своих планов и движение (медленное, но постоянное) шло к реализации поставленных

³⁵ Пушкин А.С. Указ. соч. С. 57 (глава I, строфа VII), с. 71 (строфа XLII).

³⁶ Многие декабристы во время судебного процесса 1826 г. называли Бентама философом, который в значительной степени повлиял на выработку их мировоззрения. Об «английском мифе» декабристов подробнее см.: Парсамов В.С. Декабристы и Франция. М., 2010. С. 116-150. По словам П.Н. Милюкова, один из лидеров декабристов - Н.И. Тургенев, находясь в конце 1820-х гг. в Англии, наиболее сблизился с членами радикального политического кружка, объединившимися вокруг Бентама. «С бентамистами его связывало... поклонение Адаму Смиту и те настроения, которые сблизили его с декабристами по возвращению в Россию из наполеоновских походов. Но ученик [А.Г.Л.] Геерена (в Геттингене) и поклонник [Г.Ф.К. фон] Штейна, научившийся ценить традиционную английскую конституцию по [Ж.-Л.] Делольму, Тургенев не мог всецело примкнуть к "радикальным реформаторам" Англии». - Милюков П.[Н.] Н.И. Тургенев в Лондоне // Временник Общества друзей русской книги. Вып. III. Париж, 1932. С. 71.

³⁷ Одоевский В.Ф. Город без имени // Одоевский В.Ф. Последний квартет Бетховена. Повести, рассказы, очерки. Одоевский в жизни / Сост., вступит. ст., примеч. Вл. Муравьёва. М., 1982. С. 258-270. Демократически настроенный литературный критик В.Г. Белинский, называя эту повесть Одоевского одним из его лучших произведений, в то же время упрекал писателя в односторонности. «Автору можно возразить, что могут быть общества, основанные на преобладании идеи утилитарности, но что общества, основанные на исключительной идее практической пользы, совершенно невозможны. Сколько можно заметить, автор намекает на Северо-Американские Штаты; но что можно сказать положительного об обществе, которое так юно, что ещё не доросло до эпохи уравнивания своих сил и полной общественной организации? И кто может сказать утвердительно, что в этом странном, зарождающемся обществе не кроются элементы более действительные и благородные, чем исключительное стремление к положительной пользе? Вообще, мысль о возможности смерти для обществ вследствие ложного направления слишком пугает автора». - Белинский В.Г. Сочинения князя В.Ф. Одоевского. [1844 г.] // Одоевский В.Ф. Указ. соч. С. 359-360.

³⁸ Медушевский А.Н. Бентам и принципы конструирования рациональной правовой системы в России // Диффузия европейских инноваций в Российской империи. Материалы Всероссийской научной конференции, 10-11 ноября 2009 г. / Отв. ред. Е.В. Алексеева. Екатеринбург, 2009. С. 120-129 (далее - Диффузия европейских инноваций...).

задач. Указы 1801 г. (о праве недворян покупать земли без крестьян) и 1803 г. (о «вольных хлебопашцах») готовили почву для будущего освобождения крестьян от крепостной зависимости. Издаваемые книги (переводные и русские) поддерживали интерес к актуальным проблемам права, политэкономии, взаимодействия государства и общества и т.д. Сперанский, назначенный в 1808 г. «присутствующим» в Комиссии составления законов, напряжённо работал над созданием правового механизма будущих преобразований. В том же году гр. А.А. Аракчеев был сделан военным министром и начал реформы с целью оптимизации системы управления и снабжения сухопутной армии. Известный англофил адмирал П.В. Чичагов (военно-морской министр в 1802-1809 гг. [официально до 1811 г.]) с помощью высокопоставленных офицеров британского происхождения (самым выдающимся среди них был шотландец А.С. Грейг - сын екатерининского флотоводца адмирала С.К. Грейга) укреплял русский флот³⁹.

Военные реформы стали главными в те годы, когда Россия вела войну с Наполеоном (1805-1807, 1812-1815 гг.). Но в перерывах между кампаниями (1808, 1810 гг.) продолжались и важные государственные реформы. При этом, поскольку Англия была главным, а порой и единственным, союзником России, российско-британское взаимодействие (за исключением периода англо-русской войны 1807-1812 гг., хотя и тогда обошлось без кровопролития) шло по нарастающей линии. Ещё в 1804 г. Александр I (в сотрудничестве с кн. А.А. Чарторыйским) предложил британскому премьер-министру Уильяму Питту Младшему план создания коалиции, которая даст Европе мир, а потом - стабильное развитие под защитой «нового кодекса международного права». Россия и Англия, связанные постоянным союзом, должны были стать гарантами будущего справедливого мирового устройства, причём не только в Европе, но и в сопредельных с ней странах Азии, прежде всего, в Османской империи⁴⁰. Характерно, что в послевоенном устройстве Европы предполагалось сделать ставку не на реставрацию прогнивших политических режимов, потерпевших сокрушительное поражение в борьбе с Францией, а на создание обновлённых

³⁹ Крючков Ю.С. Алексей Самуилович Грейг. М., 1984; Орлов А.А. Английские моряки на русском флоте в Отечественную войну 1812 г. // Новая и новейшая история, 1997, № 2. С. 191-195.

⁴⁰ Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 18-19; Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). М., 2000. С. 163 (далее - Сопленков С.В. Дорога в Арзрум...).

государств в соответствии с идеями Просвещения⁴¹. Питт не пошёл на заключение такого союза, но согласился совместно бороться с Наполеоном (европейским диктатором) до его низвержения с французского трона. Эта совместная борьба, в значительной степени оплаченная Англией, завершилась в 1815 г. созданием Венской системы международных отношений, гарантировавшей Европе длительный мир и определённую экономическую стабильность.

После победы Александр I вновь вернулся к идеям государственного реформирования. Британский опыт продолжал оказывать значительное влияние на его деятельность. В письме знаменитому победителю Наполеона в битве при Ватерлоо генерал-фельдмаршалу А.К. Уэлсли герцогу Веллингтону император утверждал: Великобритания являет собой лучший образец системы государственного управления, и этот образец вполне может быть перенесён в послевоенную Францию⁴². Однако России ещё нужно было время для выхода «на уровень» Франции. Финансы и экономика страны находились в плачевном состоянии. Следовательно, нужно было начинать с экономики. В русском обществе опять возродился интерес к политэкономии.

Александр I, как и до него Екатерина II, способствовал переезду в Россию британских специалистов разных отраслей производства (фабрикантов, техников, механиков, металлургов, гидрологов, кораблестроителей, агрономов, архитекторов, конезаводчиков), учёных, врачей и т.д.⁴³ Либеральные таможенные тарифы 1816 и 1819 гг. обеспечили британцам широкие возможности импорта товаров в Россию. (Негативные последствия этих мер проявились быстро и в 1822 г. протекционистский тариф был восстановлен⁴⁴.) Но за счёт одних только иностранцев решить проблему реформирования экономики было невозможно. Следовательно, резко возростала

⁴¹ Сопленков С.В. Дорога в Арзрум... С. 164.

⁴² Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы российского министерства иностранных дел. Серия 2. 1815-1830 гг. Т. I (IX). М., 1974. С. 62, № 16. Письмо от 25 января / 6 февраля 1816 г.

⁴³ Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале. XVII - начало XX в. Биографический справочник. Свердловск, 1981. С. 22-23, 28, 77-78, 84, 124, 139-140, 146-147; Бондаренко Ф.В., Микитюк В.П., Шкерин В.А. Британские механики и предприниматели на Урале в XIX - начале XX в. Екатеринбург, 2009; Диффузия европейских инноваций... С. 220-310 (Секция «Западные экономические идеи и практики в Российской империи»); Перетягина А.В. Иностранные специалисты на заводах Вятской губернии в XIX в. // Вопросы истории, 2013, № 11. С. 150, 152.

⁴⁴ Страхова Н.П. Российский таможенный тариф 1822 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения, 2006, № 11. С. 15-22.

необходимость подготовки большого количества грамотных работников из числа русских разночинцев. Кроме того, распространение просвещения в массе народа позволило бы подготовить почву для будущих более значительных перемен и избежать опасности революции⁴⁵. (По словам историка С.В. Рождественского, в политике просвещения того времени следовало «...передвинуть центр тяжести от вершины - университетов к основанию - народным школам»⁴⁶.) С этой целью император решил внедрить в России ланкастерскую систему взаимного обучения⁴⁷, с которой он познакомился (посещая собрания квакеров, а также принимая их у себя) во время пребывания с официальным государственным визитом в Англии в июне 1814 г.⁴⁸ (На необходимости повсеместного введения ланкастерских школ и народных библиотек настаивал в своих проектах и Бентам⁴⁹.) По указанию Александра I основы новой педагогической системы изучались русскими чиновниками, студентами и энтузиастами как в Англии, так и во Франции и в Германии.

Ланкастерская система обучения существовала в России с 1816 г. и до конца правления Александра I. Она дала стране большое количество грамотных людей, часть которых впоследствии продолжала заниматься самообразованием, а также в

⁴⁵ Предотвращению опасности революции должна была способствовать и религия - православие в совокупности с широким развитием христианского экуменического движения. Для этого в 1813 г. было создано Российское Библейское общество (РБО) по примеру Британского и Иностранного Библейского общества (основано в 1804 г.). В 1817 г. Министерство народного просвещения преобразовали в Министерство духовных дел и народного просвещения. - *Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I / Предисл. А.Н. Цамутали. СПб., 2000. С. 20-303 (далее - Пыпин А.Н. Религиозные движения...).*

⁴⁶ *Рождественский С.[В.]* Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I // *Русское прошлое. Исторические сборники / Под ред. С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова и Ю.[И.] Гессена. [Т.] 5. Пг. - М., 1923. С. 39.*

⁴⁷ На важную роль создания в России ланкастерских школ в ряду других либеральных реформ Александра I одной из первых указала Н. Томашевская в статье «Ланкастерские школы в России» (*Русская школа*, 1913, № 3 [март]. Отд. I. С. 36). В свою очередь петербургский историк П.В. Ильин утверждал: «...первые [русские ланкастерские] училища появились независимо от правительства». - *Ильин П.В. Метод «взаимного обучения» и русское прогрессивное общество. (К проблеме просветительства в идеологии и практике либералов 1815-1825 гг.). Автореф. дис. ... к.и.н. СПб., 1996. С. 9.*

⁴⁸ *Пыпин А.Н. Религиозные движения... С. 404.* Во время аудиенции, данной Александром I представителям квакерского «Общества...» Стефану (Стивену) Грелье, Уильяму Аллену и Джону Уилкинсону в лондонском отеле Палтни (Польтни), «квакеры говорили ему о войне, которую они считали делом противозаконным, о рабстве людей, против которого они боролись, о том, что делает Британское и Иностранное Школьное Общество (распространявшее ланкастерские школы) и что оно могло бы сделать в его обширном царстве». Квакеры впоследствии опубликовали брошюру о своих беседах с императором. - *A Correct Statement of what passed at a conference between the Emperor Alexander and a deputation from the Society of Quakers; consisting of J. Wilkinson, S. Grellet and Wm. Allen, etc. L., 1817.*

⁴⁹ *Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 128.*

некоторой степени идейно подготовила наступление эпохи буржуазных реформ Александра II.⁵⁰ Немаловажной причиной её введения было желание добиться поставленной цели при значительной экономии государственных средств. Стремление экономить и закладывать основу для появления в России «третьего сословия» просматривается во всех послевоенных реформах. Созданная Аракчеевым в 1816-1817 гг. по плану императора система «военных поселений» (перевод части армии на самофинансирование) позволила бы со временем укрепить слой свободных поселян - опору государя в период будущей отмены крепостного права. Сама эта отмена должна была происходить постепенно, чтобы не вызвать недовольства помещиков, на чём всегда настаивал Александр I. В 1816-1819 гг. было ликвидировано крепостничество в трёх прибалтийских губерниях. В дальнейшем император поощрял своих сановников активно разрабатывать проекты освобождения крестьян в России. Примечательно, что одними из первых такие проекты представили Аракчеев и член Военного совета Е.Ф. Канкрин (в 1818 г.)⁵¹, а также министр финансов гр. Д.А. Гурьев (в 1819 г.).

Одновременно император вёл работу по подготовке важной политической реформы по европейскому образцу - введению в действие первой русской конституции. К 1820 г. проект «Уставной грамоты Российской империи», разработанной Н.Н. Новосильцевым, был готов. Он предусматривал создание двухпалатного парламента (Государственного сейма и Государственной думы), без которого монарх не мог издать ни одного закона, введение принципов неприкосновенности частной собственности, независимости суда, равенства всех граждан перед законом, гражданских свобод, федеративного устройства России.⁵² Теоретическая часть реформы дополнялась практическими действиями. Бывший министр полиции А.Д. Балашов в 1819 г. был назначен генерал-губернатором округа из пяти центральных

⁵⁰ Об этом подробнее см.: Орлов А.А. «Школы для всех». Ланкастерская система обучения в России в первой четверти XIX века (1814-1826 гг.). М., 2014 (далее - Орлов А.А. «Школы для всех»).

⁵¹ Е.Ф. (Георг Людвиг) Канкрин в 1823-1844 занимал пост министра финансов Александра I и Николая I. Он был представителем русско-немецкой школы в политэкономии и, в этом смысле, продолжателем дела Шторха, но уже не как теоретик, а в практическом плане.

⁵² Кодан С.В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года - первый проект российской конституции // Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 11-12 декабря 2009 г. В 2-х ч. Ч. I. СПб., 2009. С. 290-294.

губерний и ему поручалось ввести там общественное самоуправление (прообраз земства) и административную систему с элементами выборности чиновников.⁵³

Интерес к британскому опыту способствовал развитию в России конца 1810-х - начала 1820-х гг. **англomanии в сфере быта и культуры.** Дома и усадьбы русских помещиков устраиваются по английскому образцу. Романы Анны Радклифф и Вальтера Скотта потеснили французские книги на туалетных столиках русских барышень, знание английского языка наряду с французским становится признаком хороших манер, над чем трудились выписанные из Англии няни, гувернантки и лектрисы. Пушкинский Онегин выезжал в свет, будучи «...Острижен по последней моде; // Как dandy лондонский одет...»⁵⁴. В стихотворной комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (задумана в 1816 г., закончена в 1824 г.) глупец и пошляк Репетилов говорит Чацкому о том, что посещает ночные заседания в Английском клубе, где собирается «сок умной молодёжи».

У нас есть общество, и тайные собранья

По четвергам. Секретнейший союз...

По словам Репетилова, во время заседаний члены общества спорят о необходимости введения в России парламента и суда присяжных, восторгаются стихами Байрона, а один из их лидеров - князь Григорий - являет собой пример русского англомана.

Век с англичанами, вся английская складка,

И так же он сквозь зубы говорит,

И так же коротко обстрижен для порядка.

Чацкий в ответ на это с презрением говорит Репетилову:

⁵³ Орлов А.А. «Школы для всех». С. 122-123. Прим. 77.

⁵⁴ Пушкин А.С. Указ. соч. С. 56 (глава I, строфа IV). Онегин ел в ресторанах «roast-beef окровавленный» (с. 60, строфа XVI) и beef-steaks (с. 70, строфа XXXVII), предавался «английскому сплину», уподобляясь герою поэмы Байрона Child-Harold'у (с. 70-71, строфа XXXVIII) и т.д. О дендизме в Англии и во Франции в XIX в. см.: Барбе д'Оревиля Ж.-А. О дендизме и Джордже Браммелле: Эссе / Пер. с франц. М. Петровского под ред. А. Райской; предисл. О. Вайнштейн; вступ. ст. М. Кузьмина; примеч. О. Вайнштейн и А. Райской. М., 2000. О феномене «русского дендизма» подробнее см.: Лотман Ю.М. **Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века).** СПб., 1994. С. 123-135; **Вайнштейн О.[Б.] О дендизме и Барбе д'Оревиля // Барбе д'Оревиля Ж.-А. Указ. соч. С. 35-41.**

Вот меры чрезвычайны,

Чтоб взáшеи прогнать и вас, и ваши тайны.⁵⁵

Грибоедов с иронией описал русских англоманов. Это неудивительно, поскольку отношение к британскому опыту изменилось. 1820 г. стал переломным для всей реформаторской деятельности Александра I. В октябре в Петербурге произошла «Семёновская история» - попытка бунта в лейб-гвардии Семёновском полку (созданном ещё Петром I и входившем в личную гвардию государя)⁵⁶. Поставив инцидент в один ряд с началом революций в Юго-Западной и Юго-Восточной Европе, император увидел опасность подрыва послевоенного устройства Европы. Он находился тогда на конгрессе Священного союза в Троппау, который должен был решить вопрос о способах подавления революции в Неаполитанском королевстве, и столкнулся там с серьёзным противодействием Англии и Франции. Верный принципам легитимизма, Александр I согласился на вторжение австрийских войск в Неаполь, настояв на праве короля Фердинанда I добровольно даровать конституцию своему народу. Правда, король, приверженец абсолютизма, этой уступкой не воспользовался. После конгресса в Троппау русский император, вместе с австрийским канцлером кн. К.В.Л. Меттернихом, в представлении европейского общественного мнения стал главным врагом народов, стремящихся к свободе или к созданию национальных государств.

Вернувшись в Россию, Александр I в 1821 г. получил информацию о тайной деятельности будущих декабристов. В стране нарастало и недовольство консерваторов его реформаторской деятельностью. Поняв, что реформы раскачали государство и он в реальности добился не того, что задумывал в начале правления, император был вынужден отказываться от одного элемента реформирования за другим. Это, как известно, привело его к разочарованию и к мысли о необходимости отказаться от трона. Модернизация России по британским образцам (таким, как они были восприняты русской политической элитой) оказалась незаконченной. После прихода к власти Николая I в 1825 г. страна стала развиваться в ином направлении.

⁵⁵ Грибоедов А.С. Горь от ума // Грибоедов А.С. Сочинения / Вступ. ст., коммент. и подгот. текста С.А. Фомичёва. М., 1988. С. 113-114 (действие 4-е, явление 4-е).

⁵⁶ О ней подробнее см.: Лапин В.В. Семёновская история: 16-18 октября 1820 года. Л., 1991.

Таким образом, проведённое исследование убеждает в следующем. Британское влияние на идеи модернизации в России имеет давние корни. Оно, как правило, усиливается в периоды реформ, порождённых тяжёлыми внешнеполитическими обстоятельствами. Внимание власть имущих привлекает экономическое развитие Англии и её политическая стабильность. Но напрямую этот опыт воспринимать сложно из-за разницы условий развития двух стран. Нужен посредник и он появляется в лице учёного швейцарца, француза или немца. Так что воспринимается опыт уже адаптированный и потом он ещё больше изменяется при попытках применить достижения на российской почве. Это даёт и плюс (усваивается то, что может быть усвоено), и минус (то, что не может быть усвоено, надолго переходит в разряд «неприемлемого, непонятого и опасного» и пополняет копилку негативных национальных стереотипов).

На процесс российско-британского взаимодействия всегда сильно влияют политические отношения. Как только возникают противоречия, государственная власть (а она в России - главный двигатель реформ) полностью или частично отказывается от реформирования по британским (и другим западным) образцам. Внимание обращается на свой (отечественный) опыт, в котором, тем не менее, отчасти сохраняется некоторое влияние переосмысленных западных достижений. Опыт неизбежно будет перениматься и дальше, причём страны англо-саксонской цивилизации имеют здесь несомненный приоритет, но он сам по себе никогда не сыграет роль главного катализатора модернизации России. Таким катализатором в обозримом будущем останутся потребности внутреннего развития, осознаваемые правящей элитой под влиянием многих факторов, а также давления общественного мнения, не такого сильного, как в западных странах, но всё же постоянно продуцируемого университетским образованием, созданным (и реформируемым) в соответствии с западными образцами.

Franziska Schedewie

The diplomacy of Alexander I as from his family letters

To the narratives for the Alexandrine age, I would like to add those stories that were written in black ink or crayon on fine, watermarked, and often gold-rimmed paper. **Imperial family letters**, which were passed on with the help of any reliable visitors from court to court or sent by ordinary mail, **play an important role as diplomatic sources in Alexander I's period**, first of all for the plain reason that Alexander had a large family of brothers and sisters. Their letters' roles would have been even greater, had not two of his sisters, Alexandra and Elena, died prematurely in 1801 and 1803, shortly after their marriages abroad to Hapsburg/Vienna and Mecklenburg respectively. **We may assume that the Russian court would have attached importance to their letters:** After Alexandra's death, their younger sister Maria Pavlovna was to continue the correspondence with the Arch Duke Joseph, her widowed brother-in-law;¹ and when she left St. Petersburg after her own marriage to Weimar, it was the Empress Maria Fedorovna herself, Joseph's mother-in-law, who took over.²

Yet **family letters have often been neglected or even dismissed as prime sources for assessing Alexander's I foreign politics and diplomacy.**³ To be sure – sometimes the imperial handwriting is hardly decipherable, which makes it all the more difficult to cope with the great abundance of letters that there is in the archives;⁴ but apart from these for all practical

¹ See Thüringisches Haupt- und Staatsarchiv Weimar (in the following: ThHStAW), HA A XXV, Korrespondenzen, O 15 (Joseph von Österreich von Maria Pavlovna, 1803-1804).

² See Gosudarstvennyi Arkhiv Rossijskoj Federatsii (GARF), f. 728, op. 1, kn. 2, d. 595 (Pis'ma imp. Marii Fedorovni k ercgercogu Avstriiskomu Iosifu, 1799-1807).

³ The two major newer studies of Russian foreign policies towards Germany under Alexander I tend to rely on the equally important, but rather conventional diplomatic sources, see S. N. Iskiul': Vneshniaia politika Rossii i germanskie gosudarstva (1801-1812), Moskva 2007; Ulrike Eich: Rußland und Europa. Studien zur russischen Deutschlandpolitik in der Zeit des Wiener Kongresses, Köln - Wien 1986. Iskiul' uses the sources that are contained in abundance in the Russian state archives. Due to House law of the Romanovs, though, family letters are kept in the court archives of the surviving correspondent. That's why Alexander's and Maria Pavlovna's letters, for example, are repositied in Weimar. Eich, who published her book in 1986, had no easy access to archives in the GDR or the Soviet Union at the time. She concentrates on the three states in Southern Germany and sometimes refers to the correspondence of the Empress Elizaveta Aleksandrovna and her mother in Baden.

⁴ Most of the correspondences still remain unpublished in the archives. As for those edited, see e. g. Arkhiv kniazia Vorontsova, 40 vols, Moscow 1870-1895, here vols. 14, 15, 17, 22, 28, 32. Bumagi iz arkhiva dvortsa v g.

purposes truly inconvenient difficulties – the real reasons for the neglect may rather lie in the observation that the letters hardly seem to convey straight-forward, open-heartedly explanatory information as on Alexander’s actual mindset or decision-making. **Vis-à-vis his family members, Alexander often displayed the same complexion of a sphinx,** for which he has become so famous. What’s more: previous analyses of communication between the Tsar and his family members have shown, just like for other people close to him, that no matter how influential these individuals at times would be or think they were – more often than not, in the end, the impact of their communication upon Alexander’s politics proved to be temporary, if not negligible. Their initiatives and efforts to exert some influence on the Tsar turned out to be of no avail, as Alexander Martin’s careful analysis has shown e. g. for the case of Ekaterina Pavlovna, Alexander’s most well-known and ambitious younger sister, who waged plans for the Empire and her brother’s autocratic rule while she was residing at Tver

Pavlovské (Pis'ma Imperatritsy Ekateriny II Velikomu Kniazii Pavlu Petrovichu i Velikoi Kniagine Marii Feodorovne v 1783-1790 gg., ed. by P. A. Viazemskii, in: Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva (SIRIO), vol. 15, St. Petersburg 1875; Grand Duc Nicolas Mikhailowitch: Correspondance de l'Empereur Alexandre Ier avec sa sœur la Grande-Duchesse Catherine, Princesse d'Oldenbourg, puis reine de Wurtemberg 1805-1818, St. Petersburg 1910; (see also Léonce Pingaud: L'Empereur Alexandre I et la Grande-Duchesse Catherine Pavlovna, in: Revue d'histoire diplomatique 25 (1911), pp. 379-95; Theodor Schiemann: Kaiser Alexander und die Großfürstin Ekaterina Pavlovna, in: Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte 1 (1911), pp. 540-66); Pis'ma Velikoi Kniagini Ekateriny Pavlovny, ed. by E. A. Puškin / Tverskoi Istoricheskii Muzei, Tver' 1888; Nicolaj Mikhailovitch: Imperator Aleksandr I. Opyt istoricheskogo izsledovaniia, 2 vols, St. Petersburg 1912 Nicolaj Mikhailovitch: Imperatritsa Elizaveta Alekseevna, supruga Imperatora Aleksandra I, 3 vols, St. Petersburg 1908-1909; Nicolaj Mikhailovitch (ed.): Doneseniia avstrijskogo poslannika pri russkom dvore Lebcelterna za 1816-1826 gody, St. Petersburg 1913; Correspondence inédite du Roi Frédéric-Guillaume III et de la Reine Luise avec l'Empereur Alexandre, ed. by P. Bailieu, Leipzig – Paris 1900; Sydney Wayne Jackman: Chère Annette. Letters from Russia 1820-1828. The Correspondence of the Empress Maria Feodorovna of Russia to her Daughter the Grand Duchess Anna Pavlovna the Princess of Orange, Stroud u. a. 1994; Sydney Wayne Jackman (ed.): Romanov Relations: The Private Correspondence of Tsars Alexander I, Nicholas I, and the Grand Dukes Constantine and Michael with Their Sister Queen Anna Pavlovna, 1817-1855, London 1969; Russian “thick” journal, e. g. Russkii Arkhiv, regularly published selected letters, see e. g. Pis'ma imperatora Aleksandra Pavlovicha k R. S. Sturdze (grafine Edling), in: Russkij Arkhiv (1888) 11, pp. 373-7. See as the latest publication Ekaterina Dmitrieva, Franziska Schedewie (eds): Peregiska iz trech uglov. Aleksandr I. Marija Pavlovna, Elizaveta Alekseevna, 1804-1826, Moskva 2017.

with her first husband Georg of Oldenburg.⁵ Other historians assign rather passive or reactive political roles to family members married abroad – mostly women –, which consisted mainly in keeping up contact with the other reigning houses and at times soothing the waves that the reigning relatives – often their husbands – had stirred.⁶

In my paper, I want to make a complementary case and argue rather differently that these observations notwithstanding, there is something to learn from Alexander's family mail. I will concentrate on his correspondence with Maria Pavlovna, whom I have just mentioned above, and who is the important protagonist in my published book on Russian diplomacy and foreign policies towards Germany.⁷ I contend that Maria Pavlovna was sent off to Weimar not only as a Russian grand duchess and new hereditary princess and wife,⁸ but also as some kind of an informal diplomat, fulfilling what can rightly be called a core job of a foreign diplomat: above all, writing regular and extraordinary reports – and at the same time acting as an intermediary between her old and her new families, often charged with sensitive tasks. At court in the 18th and 19th centuries, personal relations and networks served political ends, as e. g. Victoria Frede has recently pointed out.⁹ Firstly, this statement is certainly true for Alexander, who sent off his sister in dynastic marriage to Weimar, installing her as intermediary and charging her with providing him with extra information beyond the established diplomatic and ministerial channels. Secondly: As personal relationships were reciprocal (though not always symmetrical),¹⁰ not only his strategies, but hers, too, for seeing political ends through can be distinguished from the letters. The same accounts for the ways, in which strategies, developments, dynamics and decisions were received and handled. It is commonplace that the mental world and morale of the 18th and early 19th centuries need insight for us to be understood, and in this light, the perspectives

⁵ See Alexander M. Martin: *Romantics, Reformers, Reactionaries. Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I*, Dekalb, Ill. 1997, p. 108.

⁶ See Johannes Paulmann: *Pomp und Politik. Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Régime und Erstem Weltkrieg*, Paderborn u. a. 2000, p. 93.

⁷ Franziska Schedewie: *Die Bühne Europas. Russische Diplomatie und Deutschlandpolitik in Weimar, 1798-1819*, Heidelberg 2015.

⁸ Maria Pavlovna (1786-1859) was married to Karl Friedrich (1783-1853). However, if the talk is about the "duke" in this paper, it was not her husband, but her father-in-law Carl August (1857-1828).

⁹ Unpublished conference statement.

¹⁰ As for further analyses of the concept of friendship as symmetrical personal relationship (as opposed to, e. g., patronage), see e. g. *Freunde, Gönner, Getreue. Praxis und Semantik von Freundschaft und Patronage in historischer, anthropologischer und kulturvergleichender Perspektive*, Antrag auf Einrichtung eines Graduiertenkollegs, Albert-Ludwigs-Universität Freiburg, <https://www.grk-freundschaft.uni-freiburg.de/> Forschungsprogramm/info (12.3.2017).

and constitutions of those affected by great powers and their political decisions have remained understudied as yet. And **thirdly**, last, but not least, because this is my point: I argue that **precisely those instances and cases, in which communication proved unsuccessful, and in which misunderstanding and disenchantment prevailed, are of the biggest interest for the historians**. Therefore, tangible achievements and successes of family members in impacting upon Tsarist outlooks and politics are no necessary requirements for family letters to become valuable to us, not even do we necessarily need outspoken explications or vindication from author to addressee in these sources. Examples show that mutual misunderstanding, failure of communication, futile insistence and concealed disappointment to be found in contents and languages of the letters produce some sort of “gap” between the correspondents that exposes differences in unspoken, perhaps even unconscious, fundamental worldviews, reflects external influences and highlights the dynamics of changing opinions and politics in flux. Correspondents often wrote at cross-purposes. I go so far as to say that this can expose paradigmatic changes in approaches to politics and diplomacy, in this case here in Alexander I’s approach towards Germany, and, by the same token, how these changes were received.

In the following, I want to pick such an example from Alexander’s and Maria Pavlovna’s correspondence. I am going to talk about the, for the sake of an exemplary case, rather delimited instance of the **prehistory of the Congress of Erfurt in 1808**. But before I go into that, I have to contextualise and explain **why Maria Pavlovna and Weimar constitute** a relevant object – indeed, as I hold, **a key prism – for studying Russian foreign policies around 1800 at all**.¹¹

It turns out that during our crucial Alexandrine period in Europe, the small and indeed powerless duchy of Saxe-Weimar – almost likely to be overlooked on any map of Germany or Europe, and certainly tiny in comparison with the vast Russian Empire – gained major importance for the foreign politics of the latter: and not only once, but even twice, although in very different ways. The first time was between 1798 and 1804, when the dynastic marriage project began to be waged and was finally accomplished. One has to remember the overall structural importance of dynastic marriages still valid at the time of the then still existing Ancien Régime. Under this indeed central condition, it is all the more

¹¹ In the following, I’m going to draw mainly from my book: Schedewie: Die Bühne Europas.

important to know that the initiative to marry was launched from the Russian court, not Weimar. Yet for two centuries, the Russian utmost secrecy about their initiative and strategic advance had been so effective as to make us believe the contrary. The marriage project and its preparation were to be concealed by all means; as the Empress's instructions demanded, even the duke of Weimar himself was to be made believe that it was him to come up first with the idea (as bold as it may seem for him).¹² I cannot dwell on all motives now that may have driven the Russian court;¹³ let me just point out that these motives cannot have consisted alone in the prestige of a marriage bond with the age-old House of Wettin. The secrecy and anxiety around this marriage project signify that there were more volatile risks and chances at stake. I presume that they consisted in a felt need to curb Prussia in her potential intentions to expand and to send out a signal to Austria. Ernestine Weimar was closely linked to the Saxon Electorate, i. e. the Albertine branch of the House of Wettin at Dresden. The maximum motive for a marriage might even have consisted in a (more or less substantiated) speculation on a dynastic inheritance (or rather: re-establishment) of the Electorate for Weimar:¹⁴ a vague, but extremely attractive prospect that implicated an enormous gain of prestige for Russia, and, needless to say, a formidable stepping stone for further influencing German affairs indirectly from within. But: All of these chances and their considerations vanished and became thoroughly obsolete within very short time after the accomplishment of the dynastic marriage, namely with the end of the old German Empire, and ever more so with Weimar becoming a Rhine Confederation state in 1806. From now on, if there ever had been any, Russia was certainly giving up all plans of supporting Weimar as a prospective future basis for further influence.¹⁵ Yet Weimar – always aspiring to the same ends of greater status and influence – would not give up and yield to new circumstances, but instead stubbornly rely on a claim of support from the

¹² "Voilà donc une bonne affaire d'arrangée, et que nous devons encore à vos soins," the Empress Maria Fedorovna told her brother and for that matter confidant, Alexander of Wurtemberg. They were both counteracting a marriage project that their brother Friedrich, future king of Wurtemberg, had devised for Maria Pavlovna and his own son. "Encore" in the quotation above refers to Alexander's efforts in arranging a marriage for Ekaterina Pavlovna to Bavaria, also Electorate of the Old German Empire. This project turned out to be to no avail. See *ibid.*, p. 85; quotation from: Rossiiskii Gosudarstvennyi Arkhiv Drevnykh Aktov (RGADA), f. 2, d. 135, fol. 124': *Projet de la Lettre pour mon frère Alexandre* (22.4.1799).

¹³ For a close analysis see Schedewie: *Die Bühne Europas*, pp. 79-135.

¹⁴ For details see *ibid.*, pp. 95-106, and, e. g., Fritz Tröbs: *Die Weimarische Erbfolgepolitik in der Zeit Karl Augusts*, Jena 1935.

¹⁵ The final step was marked by the Congress of Vienna, where Weimar (like all principalities that were dynastically linked with Russia) was granted some increase in territory and, after all, the more eminent status of a Grand Duchy (with the rank of a "Royal Highness" for its sovereign). But these gains were much to the disappointment of the Weimar government, who had expected to become heirs of Saxony.

powerful imperial relatives. This was one aspect that strained the relations between Maria Pavlovna's old and new homes considerably and would lead to a deterioration of relations between the two states, which in its ways is again amply reflected in the letters between brother and sister. This deterioration was already underway (but not as bad yet as it would become) during the critical situation of 1808.

(Therefore, and just to add this, the second time Weimar gained major importance for Russia around 1800 was already of a completely different quality: This was when Weimar became a hotbed for nationalism, liberalism, constitutionalism and even radical-democratic opposition after the Congress of Vienna and the foundation of the German Confederation. It is instructive to pursue, how reluctantly Alexander I. between 1816 and 1819 adopted Metternich's restaurative policies, in which Weimar constituted a prominent target.¹⁶ But one structural and by itself telling reason why I haven't picked this as an example is given by the fact that Maria Pavlovna's family letters had largely lost their previous diplomatic significance then. Hers were replaced by the reports of other, professional and seemingly more useful and adequate correspondents. As in the case of Saxe-Weimar, family letters were important until the Congress of Vienna, the character of an over-arching caesura of which can be derived from this structural moment, too.)

Now back to 1808 and to family letters as sources for a closer understanding of changes and their reception in politics and diplomacy. As is well known, the Congress of Erfurt as a pompous meeting of Alexander, Napoleon and his allied Rhine Confederation princes during the phase of ostentatious friendship after the Treaties of Tilsit has been looked at in the light of Alexander playing a double game of displaying harmony and securing territorial gains, while already preparing his break-up with the French Emperor. It has also been looked at in the context of the rise and downfall of Alexander's advisor Speranskii. An additional close-up view from the perspective of the Tsar's Weimar relatives highlights the paradigmatic changes in his political approach in an incident, new light. It is obvious that for Maria Pavlovna as Russian grand duchess, sister of Alexander's, and Weimar princess, the

¹⁶ For an account specifically devoted to this question see Franziska Schedewie: *Simple voyageur, employé russe: August von Kotzebue und die russische Deutschlandpolitik zwischen Weimar und Wien, 1817-1819*, in: *Ereignis Weimar-Jena. Kultur um 1800*, ed. by Olaf Breidbach, Klaus Manger, Georg Schmidt, Paderborn 2015, pp. 89-135.

Congress meant a double challenge and defeat. Let's look at the political context and prehistory from her Weimar perspective:¹⁷

In fact, Erfurt, a church-owned principality till it became Prussian in 1802 and then French in 1806, presented a territory that had always been cast eyes upon by the Duke of Weimar. As an exclave, Erfurt was stuck in the middle and segregated parts of the Duke's own land from each other. Therefore, several advances had been made by the Weimar government to attain Erfurt. Since the dynastic marriage of 1804, the Tsar had been prime addressee of this specific request for support and protection. Even in January 1808, right before the news of the Congress reached her, Maria Pavlovna passed on the request for Alexander's intervention in her own private letters to their mother Maria Fedorovna. Here, she took up what one might most typically and generally expect to be the exemplary diplomatic role of a family member as intermediary: The unofficial character of the supplication in her private letter prevented the embarrassment of an official rejection (which in this case was to be expected) and spared the Tsar, as Maria Pavlovna wrote, a moment of discomfiture.¹⁸ Besides, Maria Pavlovna possessed greater freedom to explain herself in a private letter. She told her mother that Napoleon maltreated Erfurt as a mere entity of disposition (unlike the duke, her father-in-law, who would treat his subjects in the spirit of a worthy and legitimate sovereign), and she went on to amplify how Weimar was menaced by the other new Napoleonic states. (Fear of neighbouring states' expansion was one topic constantly brought forward in letters and petitions to the imperial court and can therefore to some degree even be regarded as constitutive of the relationship between Russia and Weimar. The same applies for supplications with territorial gains or status as their aims: After all, Erfurt was not the only piece of terrain the duke had in mind; the parallel, greater objective was Saxony.) In view of the expressed personal hostility between Napoleon and the duke, Maria Pavlovna herself hardly believed in the possibility of this goal (to gain Erfurt) to be accomplished smoothly. Besides, a letter from the duke's minister Voigt to his colleague reveals the further misery of the situation, in which Maria Pavlovna found herself. Voigt wrote:

¹⁷ See for the following Schedewie: *Die Bühne Europas*, pp. 204-19.

¹⁸ *Ibid.*, p. 205; ThHStAW, HA A XXV, Korrespondenzen, R 155 (Maria Pavlovna to Maria Fedorovna), fol. 302-303 (Weimar, 5./17.1.1808).

I must admit (...) that, considering the hatred of the national Russians ("National-Russen") against the German princes, I have barely counted on the Russian ministry, and in such matters of politics it is obvious that a great monarch wants to be reminded and to be prepared. (...) I feel sorry for our dear hereditary princess, in case she should be blamed for anything. She is just subject to the directives of the St. Petersburg court, just like we are ourselves. (...) I deemed impossible that the sister of Alexander, eminent friend of an eminent victor, should not have aroused any interest. How lucky would we have been, had the great Emperor met her in person.(...)¹⁹

The talk is here about Napoleon! In other words, according to them, **Maria Pavlovna was to secure the Tsar's favour**, in which the Weimar ministers were no longer inclined to believe; **she was pitied as being dependent on the Russian court, while Weimar** (except for the duke himself) already **tended to place hopes on France**. Besides, this wasn't all about Erfurt: Voigt's letter shows how lightheartedly Maria Pavlovna was regarded as a practical political instrument. For the princess herself, the minister's great dream of her meeting Napoleon constituted a pure nightmare. Not only would she refuse to recognize him as a 'great Emperor'; her biggest fear was that she might be abducted to France as a hostage. That risk was expressed frequently in her own letters as well as in those to her from Russia. Her mother had even devised a coded language for her in case this should happen. The minister Voigt's letter instead, full of naive assumptions, is therefore a telling example of how **members of the Weimar government clung to the petty interests of their own duchy and relied on the traditional means of searching for support. To them**, the fact that through the very **presence of the Tsar's sister, Weimar had become a stage of European political scheming**, quite regardless of Weimar political interest itself, remained completely unnoticed. **Maria Pavlovna was the only close (and letter-writing) relative of Alexander's to live in the Napoleonic Rheinbund sphere.** The greater significance of this coincidence (although quite ignored in Weimar itself) was clear to both Alexander and Napoleon. It was employed also symbolically: For example, in 1808, when Maria Pavlovna's daughter was born, both Alexander I and Napoleon became her godfathers. Presumably, neither of the two gave a moment's thought to how insufferable this move must have been for Maria Pavlovna.

¹⁹ Willy Andreas / Hans Tümmler (eds): Politischer Briefwechsel des Herzogs und Großherzogs Carl August von Weimar, 3 vols, Göttingen 1954-73, vol. 2, pp. 555-6: Voigt to Müller, Weimar, 24.8.1807; quot. Schedewie: Bühne Europas, p. 207.

It was in this unhappy and intricate situation of hers that her brother and Napoleon prepared their meeting – in Erfurt, of all places. In her first reaction to Alexander, Maria Pavlovna described herself to be flabbergasted. Her letters of April 1808 – parallely to Alexander and Maria Fedorovna – reveal the degree to which these plans of a congress were shocking her. No diplomatic glossing in these, but the expression of fundamental political opinion, distress and anger. In the letters to her mother, the first and foremost to blame was foreign minister Rumiantsev: Like all the other “miserables” around him, she wrote, Rumiantsev, too, would allow the sovereign of this “imposing nation” Russia to expose himself unnecessarily to downright humiliation.²⁰ What Maria Pavlovna referred to here was a traditional concept, according to which another, much less a hostile, monarch could not be encountered on his own territory without disgrace. To Maria Pavlovna, this concept was certainly well-known, and she apparently felt it strengthened to the degree of a firm conviction after her experience two years earlier of war and pillage by Napoleon and his troops on Weimar territory. At this early stage already, the grand duchess solemnly pronounced her plan to leave Weimar for Russia in case such a meeting should take place: “My carriages are ready, and as soon as my brother departs, I will leave, too. – I believe that nothing but death alone will impede me (...)”.²¹

At the same time, already in her first letter, Maria Pavlovna made suggestions on how the fatal impression that this meeting would certainly give to the world might be tempered at the last minute. In the original file, these passages are marked with crayon. The princess proposed that Alexander should stay at his relatives´ in Weimar, and not in the French fortress of Erfurt. Any idea that the court of Weimar might want to derive any political benefits for itself from this visit was immediately and strongly rejected: Now, she wrote, the only task must be to save Alexander from a dramatic loss of authority in Russia –

²⁰ ThHStAW, HA A XXV, Korrespondenzen, R 156: Maia Pavlovna to Maria Fedorovna, fol. 54 (Weimar, 23.3./4.4.1808). – As for Rumiantsev as foreign minister during the post-Tilsit period see Patricia Grimsted: The Foreign Ministers of Alexander I. Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801-1825, Berkeley – Los Angeles 1969, pp. 168-93.

²¹ „(...) mes voitures sont en état, et (...) aussi-tôt après le départ de mon frère, je pars : je crois que la mort seule me retiendrait (...), ThHStAW, HA A XXV, Korrespondenzen, R 156: Maia Pavlovna to Maria Fedorovna, fol. 56. – Her handwriting is barely legible here, sign of her emotional agitation!

where all his advisors proved to fail so utterly in their actions. Maria Pavlovna wrote to her mother:

The task is to protect my brother from further humiliation; he has to be reminded that Erfurt is a fortress, at least it bears the name of one. Perhaps our worthy Rumiantsev has forgotten about that! And these are the people to surround Alexander and give advice to him. So he [= Alexander, F. Sch.] shall come here. (...) One can show him the monuments of their [= the French, F. Sch.] entry, especially at Jena, where Napoleon had granted his imperial word that there would be no pillaging, and on the same day, his soldiers were sent for plundering. But I don't want to talk about these old stories. Just think for one moment about what I have told you, dear mother, and perhaps you will agree that I'm frightened of the impression that will be produced in Russia, when one sees my brother travel to a country that belongs to Napoleon. In fact, my brother will be staying at his', and that cannot be his intention. This will be volume 2 of Tilsit! Maman, is it possible that one should wish to repeat these scenes?

Maria Pavlovna hated the idea, as she wrote, that her brother was about to throw himself into the arms of Napoleon. Moreover, she feared that the meeting might be taken to seal a plotted marriage project between Napoleon and her sister Ekaterina.²²

So much for Maria Pavlovna's letters of before the Congress. They are interesting for the reason alone that a local perspective of those affected by politics is provided; a viewpoint, as mentioned above, usually missing in the historiography. But here, beyond that aspect, Maria Pavlovna was also talking about Russian foreign politics. She even wrote of herself as a "Russian" in these letters and underlined the word in order to strengthen her identification.²³ Alexander, she said, must not contend that the meeting was none of her business.²⁴ Her undiplomatic language is striking. Throughout this whole correspondence, she claimed a thoroughly symmetrical relationship, writing of the Tsar as "my brother" or "Alexandre" in her letters to Maria Fedorovna, and addressing himself as "friend" (bon ami, cher ami) or "my Alexander" (mon Alexandre) in her letters to him. Expressions like "l'Emp[ereur]" for example, which do appear in other letters of hers and which point to hierarchy and asymmetry in the relationship, also to a certain notion of carefree reliance on

²² For details see Schedewie: Die Bühne Europas, pp. 211-2.

²³ ThHStAW, HA A XXV, Korrespondenzen, R 156, fol. 57-58.

²⁴ « (...) Ah! mon bon ami, pensez bien à ce que je Vous dis, et n'allez pas me répondre „cela ne Vous regarde pas“ cela me regarde très fort de Vous prévenir qu'une démarche que Vous allez faire cet fausse très fausse en vérité, pensez y Vous même Vous le trouverez j'en suis sûre: (...) », *ibid.*, fol. 57-58.

defense and benefaction, are absent in this situation. In their place, the **idea of loyalty and friendship is strong in these letters to Alexander**: Maria Pavlovna claimed that there was a “need of the sweetness of friendship”,²⁵ and she closed her letter as “loyal, attached sister”.²⁶ As one can easily imagine, in this strained situation, other, elsewhere recurrent, names of Alexander’s, that in a very affectionate way point to his central position in the family, like “perle de la famille”,²⁷ or even describe him as “angel”,²⁸ are missing here completely. Instead, Maria Pavlovna announced to Tsar Alexander that she must talk to him frankly, as a friend and – as mentioned above – as a Russian. The underlining may indeed also be understood as a means to mobilize Alexander, to make him understand.

Meanwhile, Alexander, through Maria Fedorovna, informed Maria Pavlovna of his “tendres amitiés”. As anything else, he asked her to prepare her departure and wait for a messenger to arrive between 10 and 15 May, in order to tell her when exactly to start.²⁹ Maria Pavlovna left on 1 June 1808.

What can we learn from these letters? On the one hand, Alexander’s participation at the Congress of Erfurt (and his beforehand declaration to do so) substantiated a change of political action that consisted in the overcoming of traditional constraints regarding the impossibility of monarchic meetings and thus the overcoming of the identification of the sovereign’s person with his territory. On the other hand, in her letters, Maria Pavlovna clung to this traditional approach and adopted an attitude, according to which the concession of a visit on foreign territory, combined with the conventional rites accompanying such a visit, were equal to subordination. The effect would be a dramatic loss of prestige, at home and abroad. That’s why Maria Pavlovna explained to her mother that she was “less afraid of Napoleon himself than of seeing him eye to eye together with her brother”.³⁰ For Alexander instead, this convention seems to have lost its categorical meaning; he would not attach

²⁵ « (...) Mon bon ami, après des momens et des années comme les précédentes, on a besoin de jouir de la douceur de l’amitié: la mienne Vous est connue, jugez donc si je serai aise de Vous revoir! (...) », Schedewie: Die Bühne Europas, pp. 214-5. (This letter to Alexander is enclosed as a copy in those to Maria Fedorovna).

²⁶ Ibid.

²⁷ ThHStAW, HA A XXV, Korrespondenzen, R 156, fol. 92 (28.9.1804).

²⁸ As for Alexander’s specific (self-)description as “angel”, see Richard Wortman: Scenarios of Power. Myth and ceremony in Russian monarchy, 2 vols, Princeton, NJ 1995-2000, vol. 1, p. 195: It allowed him to set himself apart from the rest of mankind in a transcendental way, thereby offering a viable solution to the problem of how to keep up monarchic authority and aura after the caesura of the French Revolution.

²⁹ ThHStAW, HA A XXV, Korrespondenzen, R 156., fol. 61 (9.4.1808).

³⁰ Ibid., fol. 76 (Maria Pavlovna to Maria Fedorovna, 18./30.4.1808).

such symbolic significance to neither his person nor his empire; therefore, following this rationale, neither for him as a ruler nor for his empire, there could be loss of prestige or authority. Important for him was to see to it that the meeting took place at all, because he needed it for his own political ends. In pursuing these, he readily accepted that this practical approach to politics affronted his closest relatives. The discrepancy, or “gap”, between the different attitudes that the Tsar and his sister displayed, as well as between the all but converse consequences they expected (and this one is just one example out of a sequence!), show that such paradigmatic changes would not go ahead in the early 19th century without serious tension, or what in technical terms might be called ‘friction losses’. The letters show that even the inner circle and family members closest to the Tsar needed time for preparation and re-adaption in their ways of thinking. They also had their own problems to cope with. Even Maria Pavlovna, who generally proved to be farsighted and flexible (much more so than the Weimar government), and who frequently recalled her continued loyalty to her native imperial court in what one may call a ‘double national loyalty’ towards Weimar and Russia,³¹ showed to be all irritated and upset.

Another aspect that the princess probably was not even aware of herself, can be added: According to Richard Wortman, the period of 1807-8 was a phase, in which Alexander altered his way of governing in yet another specific and fundamental way, here at home, in his two imperial capitals St. Petersburg and Moscow.³² Wortman observes that until this critical juncture, Alexander had carefully avoided any public appearances that might have aroused the idea of his legitimacy as a sovereign to be due to or dependent upon public acclamation. His legitimacy was to be granted solely by God. Now, increasingly and much unlike before, his representation was devised in order to secure and display enthusiastic public support. Behind this change in his representation, there was certainly the acute and massive pressure upon him, exerted by the public in his two capitals and caused by his unpopular alliance with Napoleon and his trust in the unpopular Speranskii. That’s why he adopted Napoleon’s (of all!) successful public campaigns as a model. Both changes –

³¹ For the explication of this invented term see Raphael Utz / Franziska Schedewie: *Russland, Deutschland und die Wartburg: Politische Optionen und Repräsentationsstrategien in der Weimarer Festkultur, 1804-1836*, in: *Fest im Vergleich. Übergänge des Religiösen und Politischen*, ed. by Michael Maurer, Köln - Weimar - Wien 2010, pp. 139-58.

³² See Richard Wortman: *Scenarios of Power*, vol. 1, pp. 216-7.

at home in the capitals and in Erfurt abroad – shared a common trait: Both times, Alexander parted with the old forms, rid himself of the traditional obligations of conventional rituals, and shifted all weight and responsibility upon his own person, i. e. his personal mission and skill, as sovereign. This way, Alexander increased for himself the pressure to succeed in his doings. But he also effected new degrees of freedom of political action, including symbolic language. Now, he was able to ascribe his legitimacy as Emperor to his personal quality of being a ‘good ruler’, endowed with a great mission for Russia and the world.

If one were to appraise Alexander’s conduct during the Erfurt episode, certainly one would have to agree with the literature that holds that it was exactly by means of overcoming these restrictive traditional forms that new forms of peace guarantee in the specific form of 19th-century peace congresses were facilitated, even made possible at all.³³ In such light, certainly, this dashing ahead of Alexander’s constituted an element of progress. On the other hand, as we saw, the changes in the political ways of action, which were paradigmatic, could also lead to misunderstanding, uncertainty and frustration on the part of those immediately affected by them. Such an effect was to be seen in the pre-Erfurt correspondence between the Tsar and his sister Maria Pavlovna. For her, the aspect of Weimar’s territorial interest in Erfurt and its disappointment must be taken into further account, as well as the uncertainty of what would become of them as a Rhine Confederation state, if Alexander deliberately showed no vigorousness at all to protect them. In those war- and pre-war times, Maria Pavlovna was constantly worried not only about herself, but also about her brother’s fortune and generally the fate of her imperial family in St. Petersburg.³⁴ Finally, if Maria Pavlovna felt a negative sensation, this was certainly much reinforced by the fact that Alexander would not answer to the pleas and admonitions in her letters. This same, extraordinarily stressful, experience of receiving no adequate reply can be stated for other crucial situations in the course of developments between Russia and Weimar.³⁵ In 1808, instead, he wrote her some sentimental impressions from Weimar, which he visited during

³³ See the thesis of Johannes Paulmann: *Pomp und Politik*, which in many ways relies on the arguments of Paul W. Schroeder: *The Transformation of European Politics 1763-1848*, Oxford 1994.

³⁴ See Schedewie: *Die Bühne Europas*, e. g. p. 54.

³⁵ To be sure, there were letters from other family members, like the empresses Maria Fedorovna and Elizaveta Alekseevna, but in an autocratic system, it was the reigning emperor’s word, which counted. And it was not that Maria Pavlovna did not receive letters from Alexander between 1808 and 1812 at all. But – at least as far as this can be judged for this situation – they did not contain the necessary explications. See Dmitrieva / Schedewie: *Perepiska*, pp. 123-73.

the Congress, telling her how much he missed her presence there. According to available archival records, it appears to have been not until 1812, i. e. almost four years later, that the Tsar felt he had to react more elaborately and clearly upon the letters of his sister. By then, Maria Pavlovna was pressing him to alleviate the Rheinbund occupational situation – and he countered with an articulate rejection. In his letter, Alexander reproached his sister for being too pessimistic and irrational in her arguments. He refused to give her or her father-in-law any advice and insinuated that she wasn't to expect anything of him. In fact on the contrary, he even utilized Maria Pavlovna's residence in Weimar for an outright diplomatic commission for her: Once she was actually living in Napoleon's sphere, he proposed, she might as well convince him of the Tsar's peaceful intentions.³⁶ Alexander I did not outwardly recognize or show any concern about his sister's predicament, which was of a double nature, because she had to worry about Weimar, her and her family's and the population's fate there, just like about herself alone to be blamed by members of the Weimar court for inability of securing her brother's intervention. Basically, this was the constellation that would not change much, until Maria Pavlovna was finally withdrawn from her informal diplomatic position as intermediary between Weimar and Russia, and, symbolically, "back to the bosom" of her Russian imperial family.³⁷ Her role between Russia and Weimar after 1815 was indeed rather different; but that is another story that cannot be dwelt upon here.

What, then, is the narrative of the Alexandrine age in the field of foreign politics and diplomacy, as seen from this angle? I try to say it in two words: The use of family letters as sources accentuates this age as an epoch of paradigmatic change. It shows how Alexander pursued his politics and quit age-old conventions, often at the cost of uncertainty and embitterment on the part of those who were affected. Family letters are certainly not the only sources for analysing these changes; but in specific, instructive ways, they open up insight into the mental world of the immediate participants.

³⁶ ThHStAW, HA A XXV, Korrespondenzen, R 101 (Alexander I. to Maria Pavlovna), fol. 55-60 (27.2.1812).

³⁷ In 1814, Maria Pavlovna wrote to her mother: « (...) *cette course m'a fait plaisir en me remplaçant pour ainsi dire dans le sein de ma famille* (...) », *ibid.*, M 87, 32 (Prag, 14./26.6.1813), quote after Katja Dmitrieva / Viola Klein (eds): Maria Pavlovna. Die frühen Tagebücher der Erbherzogin von Sachsen-Weimar-Eisenach, Köln – Weimar- Wien 2000, p. 299. See Schedewie: Die Bühne Europas, p. 238. – By the way: For most of the time, one can say that Maria Pavlovna found herself in a position much more "diplomatic" and difficult than that of her better-known sister Ekaterina.

Elena Vishlenkova

Chaotic Times? Mastering the Imperial Medical and Health Care System

Увлечись историей российской медицины, я обнаружила, что первая четверть XIX века описывается в исторических исследованиях как «время хаоса». Объяснений постоянному реформированию медицинского управления в Александровскую эпоху в исследовательской литературе не было¹. Об этом времени историки говорят, как правило, вскользь и скороговоркой². В 2016 году вышел коллективный труд историков медицины из Института общественного здоровья им. Семашко, в котором перечислены почти все перестройки государственного управления медициной, но также нет объяснения их логики³.

Молчание объясняется, видимо, ограниченными возможностями теории, которой пользуются многие историки медицинской профессии. После выхода работ Макса Вебера установилось соглашение, что развитие профессии сопровождается растущей автономией от государства, равенством коллег, единством этики, появлением специальных школ, установлением критериев оценивания знаний, контролем над ценами за услуги. В такой теоретической рамке Александровская «эпоха хаоса» выглядит как откат, возврат, регресс. Логика государственного переустройства государства начала XIX века не вписывается в линию поступательного

¹ Поддубный М.В., Егорышева И.В., Шерстнева Е.В. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI-начало XX вв.) / Ред. Р.У. Хабриев. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 244 с.

² Андрианов С.А. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802-1902. СПб., 1902; Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел (1802-1852). Ч.1-2. СПб., 1858-1862; Моисеев А.И. Медицинский совет Министерства внутренних дел. СПб., 1913; Корнеев В.М., Михайлова Л.В. Медицинская служба в отечественную войну 1812 года. Ленинград, 1962; Шерстнева Е.В. Основные направления деятельности Медицинского совета Министерства внутренних дел // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2002. №1. С.56-58; Егорышева И.В. Министерство внутренних дел и проблемы управления здравоохранением в первой половине XIX века // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2003. №6. С.46-49; Игнатъев В.Г. Временный медицинский комитет: история создания и результаты деятельности: дисс... к.м.н. М., 2010. 162 с. Сточик А.М., Затравкин С.Н. Реформирование практической медицины в процессе научных революций 17-19 веков. М: Шико, 2012; Сточик А.М., Затравкин С.Н., Сточик А.А. Возникновение профилактической медицины в процессе научных революций 17-19 веков. М: Шико, 2013; ;Renner A. Russische Autokratie und Europäische Medizin: organisierter wissenstransfer im 18.Jahrhundert. Koeln, Univ., Habil.-Schr., 2008.

³ Поддубный М.В. Егорышева И.В., Шерстнева Е.В. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI-начало XX вв.) / Ред. Р.У. Хабриев. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. С.34.

развития профессий. Тогда в чем же смысл цикла реформ в области государственной медицины?

* * *

В 1763 году Медицинская канцелярия была заменена Медицинской коллегией, которая состояла из именитых иностранных врачей и занималась разработкой противоэпидемических мер, организацией медицинского обучения и переводом иностранных изданий. В конце века в нее вошли ученые врачи российского происхождения, получившие обучение за границей, а в губерниях созданы врачебные управы, помогавшие местным властям в решении судебных вопросов, управлении городами и рекрутских наборах.

Всё было хорошо, но в ходе министерской реформы 1803 года Коллегия была упразднена. Исследователи считают, что это было сделано по предложению М.М. Сперанского, который ориентировался на опыт Швеции и Пруссии⁴. В докладе Кочубея на это нет прямых ссылок. Он обосновал решение о ликвидации административной автономии ученых врачей намерением построить в России благоустроенное государство. Кочубей убеждал монарха в том, что в силу слабости российского производства ученых врачей и неразвитости медицинской промышленности, правительству следует взять ответственность за здоровье и умножение подданных, а также управление «врачебным сословием» на себя. Термин «сословие» министр использовал впервые и намеренно. В документах екатерининской эпохи вместо него употреблялся термин «медицинский факультет». Речь в данном случае шла о сотнях иностранных специалистов, приглашенных на российскую службу, а также об их российских учениках. В версии Кочубея бюрократический контроль над врачами представлялся временной мерой.

Чтобы убедить императора в правильности такого пути государственного строительства, министр сделал исторический обзор медицинского управления в империи на документах Аптекарского приказа. Дефект Коллегии состоял в архаичном административном устройстве, которое соединяло хозяйственные, управленческие и

⁴ Becker Elisa M. *Medicine, Law and the State in Imperial Russia*. Budapest-New York: Central European University Press, 2011. P.36.

экспертные функции. Кочубей предложил отдать первые две министерским канцеляристам, а научные дела передать ученым врачам.

Исходя из этого, медицинская экспедиция в Министерстве внутренних дел («экспедиция государственной медицинской управы», чаще называемая «медицинская экспедиция») обрела два отделения. Директором всей экспедиции был назначен сановник с юридическим образованием, барон Б.Б. Кампенгаузен.⁵ А работой ученого отделения руководил доктор медицины и хирургии, бывший член Медицинской коллегии Н.К. Карпинский. Для облегчения работы его сотрудников Кочубей инициировал создание при МВД Медицинского совета из именитых врачей.⁶

В августе 1805 года император утвердил новые предложения Кочубея-Сперанского по совершенствованию медицинского управления⁷. Министр обосновал перевод лекарей, которые обслуживают флотских и армейских служащих, в военные министерства⁸. Поскольку МВД отвечало за «внутренние дела» (то есть за статичные административные единицы – уезды, губернии, города), то логично, считал он, чтобы врачебные управы не отвечали за службу тех лекарей, которые перемещаются вместе с военными частями по просторам империи и уходят за ее пределы.

Поскольку МВД не могло выдать военным министерствам положенных по штату медицинских чиновников, Кочубей предложил пересчитать потребности армии во врачах. В последний раз правительство составляло такие штаты в 1794 году из расчета один лекарь на военно-административное подразделение (дивизию, корпус или судно). При росте и усложнении армии штат военных лекарей увеличивался и вместе с ним рос кадровый дефицит. В 1810 год он составил 609 человек⁹.

Правительство пыталось покрыть его привычным способом - через международные наймы. Но сделать это в условиях воюющей Европы становилось с каждым годом труднее. Вынужденные заманивать иностранных медиков, российские власти оплачивали их услуги выше, чем выпускников российских школ. Их оплату даже министр считал «недостаточными для удовлетворения первейших

⁵ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVII. № 21105. С.1113

⁶ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVII. № 21105. С.1102

⁷ Столетие военного министерства. 1802-1902. Главное военно-медицинское управление. Исторический очерк / Ред. Д.А. Скалон. СПб: тип. МВД, 1902. С.15.

⁸ ПСЗ РИ. Собр.1. Т.28. № 21866. С.1153-1161.

⁹ РГИА Ф.733 Оп.99. Д.38 «Выписка из журнала Комитета Министров» 1812. Л.3об.

потребностей»¹⁰. Поскольку правительству не нужно было договариваться с абсолютно зависимыми от них чиновниками, то выпускники российских школ выполняли все предписанные им условия службы за очень скромные деньги¹¹. А судя по инструкции, обязанностей у них было немало. Чтобы хоть как-то улучшить содержание российских лекарей, министр предложил сократить число вакансий в армии и распределить сэкономленные деньги среди реально служащих врачей.

Император согласился с его доводами. На получивших статус «военных» врачей был распространен целый ряд социальных льгот: им дали добавочное жалование, повысили пенсию, выдавали питание, старшим лекарям полагались денщики, амуниция и разъездные деньги, гарантировалось содержание вдовам и сиротам. Это уравнило россиян в условиях военно-медицинской службы с врачами-иностранцами. На контрасте с бедственным положением гражданских врачей служба в армии стала гораздо выгоднее, что спровоцировало массовые переходы лекарей из отдаленных или многолюдных уездов в войска.

Для управления медицинскими чиновниками в военных министерствах и в министерстве внутренних дел были введены должности генерал-штаб-докторов по гражданской части, армии и флоту. Но уже на следующий год Александр I приказал военному министру усилить влияние на армию своего лейб-медика, шотландца Я.В. Виллие. Именно в связи с этим была введена новая должность – главный инспектор всей медицинской военной части. Накануне и особенно после войны 1812 года власть Виллие стала почти неограниченной: он утверждал все постановления по медицинской части, не подчинялся медицинской экспедиции и направлял свою корреспонденцию непосредственно министру или императору¹². Его внеположенность созданной системе породила двоевластие и противоречия. Чтобы снять их, в 1808 году экспедиция была преобразована в совещательный орган при инспекторе¹³, а должности генерал-штаб-доктора и генерал-штаб-лекаря ликвидированы.

¹⁰ ПСЗ РИ. Собр.1: 1649-1825. Т.28. № 21866. С.1156.

¹¹ ПСЗ РИ. Т.30 № 22974 С.195

¹² Столетие военного министерства. С.27.

¹³ Столетие военного министерства. С.30.

Сконцентрировав власть в своих руках, Виллие продемонстрировал монарху эффективность личной ответственности и уязвимость институциональных преобразований. Практически без участия министерских структур, инспектор реорганизовал военно-полевую медицину.

Объясняя Александру I логику модернизации, Сперанский назвал 1810 год – вторым этапом министерской реформы. Тогда из «полу-устройства» министерств первого поколения статс-секретарь лепил подчиненную общей политической идее «государственную форму». На этом этапе руководство врачебными управами было передано Министерству полиции. В силу особого его статуса, полицейские служащие находились над системой государственных органов и могли контролировать любой ее кусок. Гражданские врачи в идеологии этого ведомства должны были играть роль своего рода экспертов и агентов государственной модернизации. Их заключения определяли судебные решения, их осмотры решали судьбу рекрутов. Они должны были доносить о состоянии городов, рынков, кладбищ, тюрем¹⁴, давать советы местным властям по сохранению здоровья и жизни населения.

Медицинскую экспедицию министр А.Д. Балашов переименовал в «департамент» и назначил его главой опытного в бюрократической службе Г.Г. Политковского¹⁵. Под его руководством началась разработка нормативных документов по стандартизации медицинской деятельности. В 1811 году появилась инструкция для уездных врачей¹⁶ и тогда же в управы поступили формуляры для заполнения актов вскрытий¹⁷. Правда, изготовленные канцелярскими служащими формуляры оказались плохими, и в 1827 году их переделывали нанятые для этого врачи. А в отзыве на инструкцию для уездных врачей генерал-штаб-доктор Крейтон написал, что за такое жалование от лекарей нельзя требовать и половины прописанных в них обязанностей. Особенно много усилий служащие департамента приложили к составлению универсальных форм для медико-топографических описаний российских регионов и заполнения медико-физических ведомостей¹⁸. Но и

¹⁴ Например, РГИА Ф.1294 Оп.3 Д.16 «О рассмотрении сведений по части медицинской полиции, собранных доктором Кербером». 1811. 9 лл.

¹⁵ ПСЗ РИ. Собр.1-е. Т. 31. № 24686. С.719

¹⁶ РГИА Ф.1294 Оп. 3 Д.8 «О составлении инструкции для уездных врачей» 1811. 11 лл.

¹⁷ Шершавкин С.В. История отечественной судебно-медицинской службы. М., 1968. С.78

¹⁸ РГИА Ф. 1299. Оп. 1. Д. 265 «О новой форме медико-физической таблицы разосланной во все врачебные управы». 1811-1812. 77 лл.

в этом деле эффективности было мало. Несмотря на постоянные напоминания и угрозы из Петербурга, лекари игнорировали предписания столичных канцеляристов и не присылали заполненные формуляры.

Для компетентного руководства управами Балашов завел под председательством сенатора А.У. Болотникова совет из медицинских и немедицинских чиновников¹⁹. Они должны были рассматривать запросы из губерний на аптечное сырье и инструменты, материалы следствий и заключения судебных медиков, анализировать медицинские топографии, заключения по составу минеральных вод и сообщения о шарлатанах. Кроме того, министерство хотело получить от советников универсальные «наставления медицинским чиновникам о единообразном лечении свойственных климату общих болезней» и «журнал опытной медицины»²⁰. Вряд ли это было можно сделать силами нескольких высших чиновников и в режиме эпизодических встреч.

Довольно скоро из-за беспомощности департаментских чиновников в Министерстве полиции стало расти значение канцелярии генерал-штаб-доктора – институции, формально подчиненной департаменту. Этому способствовала её специализация на судебной и полицейской медицине – областях, которые требовали специальных знаний. С 1813 года к канцелярии перешло почти всё делопроизводство по управлению врачебными управами. Подобно Виллие в армии, Крейтон решал все кадровые вопросы²¹, а департамент превращался в дубликат его канцелярии. Так, не в силу постановлений или договоренностей, а через административную рутину в гражданскую медицину возвращался профессиональный контроль.

Однако в отличие от своего соотечественника Виллие, Крейтон ощущал себя не столько представителем интересов государства, сколько защитником подчиненных ему уездных лекарей, больничных врачей и членов врачебных управ, то есть «факультета». Каждое своё послание к правительственным чиновникам он сопровождал описанием тяжелейших условий службы российских врачей.

¹⁹ РГИА Ф.1294 Оп.3 Д.22 «О вступлении коллежскому ассессору Гаевскому в должность ученого секретаря по Медицинскому совету и о приеме им дел Совета от гоф-медика Вельцина». 1812. 4 лл.

²⁰ ПСЗ РИ. Собр.1. Т. 31. № 24686. С.722

²¹ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т.32. № 25444. С.619-621.

В ходе второго этапа министерской реформы (1810) к Министерству народного просвещения отошли функции лицензирования²². Поскольку ранее этим занимались члены Медицинского совета МВД, то в 1810 году их в полном составе перевели в МНП²³. На тот момент все они были иностранцами. Многие поступили на российскую службу в 1790-е - начале 1800-х годов, некоторые имели статус лейб-медиков и лейб-хирургов²⁴.

Деканом советники избрали Виллие, который представлял медицинскую академию. На этом посту он попытался вернуть медицинской элите власть над всем врачебным сословием и стимулировал членов совета использовать для этого свое влияние на российскую аристократию. Для начала, считал Виллие, необходимо соединить распыленные по министерствам медицинские департаменты и экспедиции в одно учреждение и тем самым институционализировать медицинскую деятельность как вид государственного управления²⁵. Этого можно добиться через учреждение «комитета для преобразования вообще части врачебной в Российской империи существующей».

Виллие сильно рисковал. В обстановке нарастающей подозрительности к иностранцам, он пытался сплотить зарубежных наёмников против правительственных чиновников. Чтобы обезопасить себя и снять подозрения в попытке захватить власть, он заявил, что не будет возглавлять работу такого комитета²⁶. Кроме того, он побуждал лояльных коллег выступить с поддерживающими его замысел инициативами. Профессор Уден создал по заданию Виллие проект медицинского министерства или департамента народного здоровья²⁷.

По сути, данный текст – это предложение «регулятивного соглашения», которое профессиональная элита направила правительству. Именитые врачи

²² Варадинов Н.В. История МВД. Ч. II. Кн. 1. Период преобразования министерств. С 1810 по 19 ноября 1825 года. СПб., 1859. С. 12.

²³ ПСЗ РИ. Собр.1. Т. 31. № 24326. С.326

²⁴ Это явствует из анкет, которые они заполняли в 1812 году: РГИА Ф.1294 Оп.3 Д.55 «О доставлении сведений об иностранцах». 1812. Л.7-12.

²⁵ РГИА Ф. 1294. Оп. 1. Св. 52. Д. 43 «О выборе ученого секретаря медицинского совета для отправления дел декана за отсутствием его и о назначении комитета для преобразования врачебной науки в России». 1810. Л.13.

²⁶ РГИА Ф.1297 Оп.96 Кн.71 Д.135 «По представлению ученого секретаря Медицинского совета с мнением о преобразовании медицинского дела» 1810. Л.362 об.

²⁷ РГИА Ф.1297 Оп.96 Кн.71 Д.135 «По представлению ученого секретаря Медицинского совета с мнением о преобразовании медицинского дела» 1810. Л.369.

доказывали, что в состоянии справиться с управлением медициной и сделают это в пользу государства. В то время, когда Уден писал проект медицинского министерства, Виллие работал над проектом «общего» (то есть для лекарей всех родов службы) соотношения классов чинов, званий и должностей²⁸. Это была вторая часть задуманного им договора между государством и «сословием». И если в первой были прописаны желания медицинских сановников, то во второй – их обещание защищать государственные интересы в отношениях с подчиненными лекарями.

Вопрос о содержании и встраивании лекарей в иерархию государственных чинов, званий и окладов был жизненно важным для растущего слоя российских медицинских чиновников. Иностранцы могли удовлетворяться эксклюзивными условиями найма или довольно обширной частной практикой. Для выпускников же российских школ важны были общие гарантии государства – «виды» и надежды на обеспечение.

Виллие предлагал установить довольно жесткий режим медицинской службы. Весь его текст пронизан проявлениями недоверия к подчиненным. Во всех ситуациях медицинский инспектор подозревал выпускников академий и университетов в неблагодарности, хитростях и обмане, продумывал, как защитить от них государство.

Согласно его проекту российские воспитанники медицинских кафедр были обязаны отслужить за полученное образование восемь лет военной службы. После этого они могли выйти либо на гражданскую службу или уйти с государственной службы²⁹. Продолжительность выслуги чинов у гражданских лекарей Виллие сделал в полтора раза больше по сравнению с военными врачами³⁰. Проект явно исходил из государственной пользы и особенно - интересов военного ведомства. В условиях надвигающейся войны, растущей армии и недостаточного числа выпускников, Виллие хотел обеспечить регулярное поступление медицинских «рекрутов».

Крейтон выступил резко против проекта чиновпроизводства, обвинив своего военного коллегу в ущемлении интересов гражданских лекарей. Такое же несогласие

²⁸ РГИА Ф.733 Оп.99 Д.59 «Дело об утверждении проекта нового положения о производстве в классные чины медицинских чиновников». 1816-1817. Л.19-71

²⁹ РГИА Ф.733 Оп.99 Д.59 «Дело об утверждении проекта нового положения о производстве в классные чины медицинских чиновников». 1816-1817. Л.19-71

³⁰ РГИА Ф.1294 Оп.3 Д.19 «О проекте касательно производства и наград медицинских чинов». 1816. Л.4

возникло по поводу проекта создания медицинского министерства. Большинство медицинских администраторов выразили поддержку плану Виллие. Но два самых влиятельных из них – генерал-штаб-доктор флота Лейтон и генерал-штаб-доктор по гражданской части Крейтон – отказались ему содействовать³¹. В письме к министру А.К. Разумовскому, раздосадованный декан обвинил их в отстаивании личных интересов в ущерб государственной пользы.

Несмотря на провал коалиции с коллегами, Виллие всё же добился согласия императора на создание комитета³². Но как только об этом узнал Балашов, он потребовал от Александра I объявления причины поддержки врачебного бунта. Император обычно не выдерживал лобовых атак и заверил министра полиции, что не имел намерения ущемить его ведомство. Он оправдал согласие тем, что данный Комитет будет заниматься не медициной вообще, а только усовершенствованием медицинской науки и образования³³. Для большей убедительности он велел академику Фусу возглавить Комитет, но затем изменил и это решение, назначив на его место статс-секретаря А.Н. Оленина³⁴. Это назначение окончательно поломало планы Виллие. Оказавшись во главе Комитета, Оленин оповестил всех четырех министров о сепаратизме их медицинских служащих. А далее инициатива врачей погрязла в объяснениях, обвинениях, ведомственной переписке и вскоре умерла.

Виллие вышел из Совета, а остальные его члены занялись рутинной. Таким образом, в 1810 году консолидации профессиональной элиты не произошло. Исход этой инициативы свидетельствует скорее об отсутствии солидарности у стоявшей во главе медицинского управления профессиональной элиты и уж тем более – солидарности «антирусской». Состоящие на российской службе именитые врачи, похоже, просто не видели конкурентов в местных учениках и подчиненных. Их страхи

³¹ РГИА Ф. 1294. Оп. 1. Св. 52. Д. 43 «О выборе ученого секретаря медицинского совета для отправления дел декана за отсутствием его и о назначении комитета для преобразования врачебной науки в России». 1810. Л.17.

³² РГИА Ф. 1294. Оп. 1. Св. 52. Д. 43 «О выборе ученого секретаря медицинского совета для отправления дел декана за отсутствием его и о назначении комитета для преобразования врачебной науки в России». 1810. Л.1.

³³ РГИА Ф.1297 Оп.96 Кн.71 Д.135 «По представлению ученого секретаря Медицинского совета с мнением о преобразовании медицинского дела» 1810. Л.396.

³⁴ РГИА Ф.1297 Оп.96 Кн.71 Д.135 «По представлению ученого секретаря Медицинского совета с мнением о преобразовании медицинского дела» 1810. Л.399.

и недовольство порождали бюрократы, эксплуатировавшие бесправных российских лекарей и одновременно сокращающие привилегии медицинской элиты.

И всё же - при различиях ведомственных интересов и этических установок, иностранные врачи были единогласны в негативной оценке последствий бюрократического распределения врачей по разным ведомствам. Тот же Крейтон был солидарен с Виллие в том, что оно снизило качество медицинской помощи³⁵. А еще больше по состоянию гражданской медицины ударило подчинение уездных врачей и управ губернским бюрократам. Это создало не только ситуацию ограниченного понимания, но и конфликт интересов. В большинстве случаев служащие губернских правлений блокировали инициативы врачей, защищавших интересы пациентов и требовавших затрат на санитарные цели. Верным способом урезонить служебное рвение лекаря была излюбленная бюрократическая практика – задержать представление на его награждение или продвижение к следующему чину, а то и дать негативное свидетельство о его поведении. Оставшиеся без повышений и прибавки жалования, лекари зарекались выступать с инициативами или критиковать местных чиновников, выполняли их самые сумасбродные приказы³⁶.

В 1819 году в связи с упразднением Министерства полиции медицинские дела были возвращены в МВД. После этого уставший от борьбы с бюрократами губернского и правительственного уровня, а также от конфликтов с Виллие, генерал-штаб-доктор Крейтон решил оставить российскую службу и уехал в Англию.

А получивший признание императора за эффективную организацию полевых госпиталей, Виллие вырос в чинах и стал баронетом. Он сильно усилил свои административные позиции инициативами, доказывавшими преданность Российскому государству. Так, в 1816 году он подал на рассмотрение министра просвещения проект подготовки русских профессоров медицины. Он осуществил его в усеченном объеме и за счет бюджета академии. В 1817 году среди выпускников разных лет были отобраны десять адъюнктов. В последний момент Московская академия решила присоединиться к проекту и послать в Эдинбург двух своих воспитанников.

³⁵ РГИА Ф.1294. Оп.3. Д.7 «О рассмотрении проекта инструкций врачевным управам». 1817. Л.2об.

³⁶ РГИА Ф.1294 Оп.5. Д.194 «Дело комитета, учрежденного для разработки проекта преобразования медицинского управления, начавшееся в 1828 г., в пяти частях. Часть первая». 1828. Л.204об.

Судя по карьерам этих двенадцати избранников, проект Виллие оказался успешным. Молодые врачи провели за границей по четыре-пять лет и вернулись в Россию в 1822-1823 годах с хорошей профессиональной подготовкой, свободным знанием английского и немецкого языков, с личными контактами. В 1823-1824 годах они защищали диссертации на степень доктора медицины, на рубеже 1820-1830-х годов часть из них получила профессорские должности в академии, а затем возглавили госпитали и стали редакторами медицинских изданий. Покровительство Виллие, который правил академией до 1838 года, обеспечила им относительно спокойное восхождение по академической лестнице.

Но воспитанники переросли замысел учителя, вернее сказать – развили его. Они не стали опорой Виллие в борьбе с бюрократами за власть и привилегии, и тем более не отгородились от армии рядовых лекарей за стенами правительственных советов. В 1834 году представители этого поколения российских медиков основали в Петербурге Общество русских врачей³⁷. Его задачи довольно сильно отличались от научных обществ иностранных врачей и от министерских советов. Деятельность ОРВ направлялась на преодоление профессиональной разобщенности врачей по статусу, специальности, родам службы и прочим признакам. Русские профессора стремились объединить разбросанных по просторам империи лекарей и обогатить их знания. В этом стремлении к общественной деятельности они разошлись со своим учителем.

Правление Николая I принесло в медицинское управление радикальные изменения. В это время был принят закон о чиновничестве медицинских чиновников, все дела управления были переданы в Медицинский совет МВД, которому дана большая власть. Его возглавил воспитанник российской медицинской школы. Уездные лекари остались в двойном подчинении – локальных властей и медицинского начальства, но их продвижение во многом зависело от получения ученых званий. Сильно вырос штат медицинских чиновников на государственной службе и их жалование. Всё это позволило Элиз Беккер заявить, что никогда ранее врачи в России не находились в таком привилегированном положении как в 1840-е годы.

³⁷ РГИА Ф. 1299 Оп.17 Д.1217 «О разрешении учредить Общество русских врачей в Петербурге». 1833. 11 л.

Итак, в начале века административная реформа «медицинской части» использовала шведский и прусский опыт замещения корпоративного контроля над врачебным сословием и медицинской деятельностью контролем бюрократическим. Экспроприируя управление у профессиональной элиты, подавляющую часть которой тогда составляли иностранцы, российское правительство оправдывало это государственными интересами. Они связывались не с ксенофобией, а с внутренним просвещением и модернизацией, желанием экономного использования ресурсов (в том числе человеческих и финансовых).

В новой структуре государственного управления медицинские чиновники и частнопрактикующие врачи были разделены сначала между двумя, а с 1805 года - между четырьмя министерствами. Низведенная до роли советника, профессиональная элита ощущала себя обманутой реформаторами. Однако их попытка 1810 года действовать согласованно оказалась безуспешной в силу разных политических и этических установок главных действующих лиц и объединенного отпора со стороны правительственных чиновников. Руководители армейской, флотской и гражданской медицины говорили и действовали от имени разных агентов: государства, военно-морского ведомства, уездных лекарей. При этом только Виллие предложил условия нового договора профессиональной элиты с государством. Тогда они подразумевали ведомственное закрепощение младших медицинских чиновников и административную автономию для старших.

Несмотря на конфликты и противоречия, в текстах «во власть» все именитые иностранные врачи убеждали российское правительство в ценности медицинской деятельности для благоустройства государства и для его защиты. В этом отношении комплекс врачебных наук представлялся частью большой науки о государственном управлении. Именно поэтому Виллие убеждал Александра I и его министров в необходимости замещать иностранных специалистов русскими подданными, предлагал свои услуги по подготовке преданной медицинской элиты.

Диагностика государственной системы медицинского управления, которую сначала по собственной инициативе (Виллие и Уден в 1810 году, Крейтон в 1817), а затем по поручению правительства (комитет 1828 года) провели иностранные врачи, убедила правительство Николая I в неэффективности чисто бюрократического

контроля над медицинской профессией и стимулировала модернизацию доставшегося от прежнего правления государственного аппарата. На этом этапе были созданы условия для разработки и принятия регулятивного соглашения между государством и врачебной профессией. Суть этой конвенции довольно сильно отличалась от договора международного найма, которым регулировались их отношения в конце XVIII века, и от договора, предложенного в 1810 году Виллие.

Декабристы и польские повстанцы породили болезненную реакцию правительства Николая I на проблему подданства и лояльности. Ощувив это на себе, в конце 1820-х годов многие именитые врачи ушли с российской службы, а от оставшихся иностранцев российские власти потребовали смены подданства и доказательств «верности служения присяги по установленной форме»³⁸. Соответственно, в отличие от XVIII века, речь в регулятивном соглашении 1830-х годов шла не о корпоративной автономии от государства и льготах для иностранных специалистов, а о делегировании контроля над врачебным сословием и медицинской деятельностью национально мыслящей профессиональной элите.

Очевидно, такое соглашение стало возможным лишь тогда, когда медицинские чиновники смогли убедить правительственную бюрократию не только в собственной преданности, но и в общности их целей, когда заявили об альянсе с просвещенным правительством в деле модернизации империи, и когда в свою очередь правительство осознало ограничения не-медицинских чиновников, оценило элитарность медицинских знаний и значимость медицинской деятельности для рационально организованного («благоустроенного») государства.

³⁸ О принятии иностранцев по учебной и искусственной частям в действительную службу. 19 января 1832 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Царствование императора Николая I. Т. 2. Отд. 1. № 154. С.379.

Лоренц Эррен

Россия – Республика? Заметки по поводу представлений декабристов о нации

1. Загадка

История Декабристов оказывается загадкой для тех, кто первый раз читает про них в научной литературе. Чем их не устраивал царь Александр? Как могло дойти до того, что либеральные дворяне хотели убить либерального царя? Откуда взялась эта жестокость по отношению к тому, кто никакого зла им не причинял? Почему они не прибегли к более щадящим мерам? Неужели не оставалось никакой надежды на то, что Царь сам начнет реформы?

И не действовали ли они вопреки своим собственным интересам? Почему они, будучи аристократами, хотели отменить дворянские привилегии? Почему они так спешили положить конец «золотому веку дворянства», по которому любая учительница литературы испытывает такую ностальгию? Откуда у них вдруг столько сочувствия крепостным? Действительно ли эти господа хотели стать сапожниками?¹

Почему они называли себя «Союзом Спасения», если матушка Россия и так уже была спасена от Наполеона? Откуда могла Российской империи грозить опасность? В отличие от немцев, поляков, венгров, у них уже было свое государство, самое могущественное в Европе. Чего же им не хватало?

А если так сложно убедительно объяснить их основные мотивы – откуда тогда всеобщее сочувствие к ним у нас до сих пор? На чем основан их миф, всё ещё такой популярный?

В своей книге о «Представлении декабристов о нации» Ханс Лемберг еще 50 лет назад обратил внимание на то, что одним из движущих мотивов Декабризма могла быть

¹ Аналогичные вопросы задает Парсамов, В.: Декабристы и русское общество 1814-1825 гг. М.20166 С.212-224.

проблема национальной идентичности.² В этом докладе я хотел бы развить мысль Лемберга дальше.

Хочу предупредить, что мои заключения не являются результатом долгих исследований, а возникли как экспромт, поэтому я прошу их воспринимать, несмотря на безапелляционную дикцию, скорее как приглашение к дискуссии.

2. Противопоставление Рима и Варварского Запада.

Декабристы брали пример с Брута, и их целью было убийство тирана. Так они говорили не только чтобы приукрасить свои революционные устремления. Согласно древнеримским преданиям, Луций Иуний Брутус основал республику тем, что он сверг последнего Этрuscoго короля и изгнал его из города. Его прямой потомок Марк Юн Брут 450 лет спустя убил Юлия Цезаря, потому, что тот хотел надеть на себя королевский венец. Так как Сенат и Народ Рима не терпели никаких королей, пришлось победоносному военачальнику Октавиану Августу свое единовластие основывать на утверждении, что он якобы восстановил Республику и пользуется не большим авторитетом, чем первый гражданин среди равных. В следствие этого, Империя оставалась Республикой до конца своего существования, а Сенат и Народ - номинальными носителями суверенитета. Государство никогда не опускалось до частной собственности правителя и его семей.

В противоположность широко распространенному мнению, преклонение Декабристов перед Римом было не только следствием западного просвещения – скорее в нем проступали полученные через Византию идеи, которые лежали в основе Московской государственной доктрины, по меньшей мере с тех пор, как Михаил Романов был избран на царство в 1613 г.

Отождествление России с Римом, ставшее общепринятым с 17 века, для Декабристов оказалось символом, при помощи которого они могли выразить как свою любовь к отечеству, так и свою неприязнь западной наследственной монархии вообще и Дома Шлезвиг-Голштейн-Готторф в частности.

² Lemberg. H.: Die nationale Gedankenwelt der Dekabristen. Köln 1963.

Для Декабристов Россия действительно была Римом – не «третьим», не «восточным» – а просто Римом, без числительных или географических ограничений. Здесь действовало не религиозное ожидание конца света, а секулярная потребность свою собственную, римско-русскую, республиканскую, патриотическую идею государства отделить от германо-французского, патримониально-династического монархизма.

Мыслящего по-западному человека такая перспектива может привести в недоумение. Больше нет противопоставления ни варварской России цивилизованной Европе, ни закосневшего Восточного Рима динамичному Западному, а зато в лице России продолжающее существовать Римское государство противопоставляется агрессивно-эгоистичному семейству западных династий, которые для оправдания своего владычества до сих пор не нашли лучшего аргумента, чем их происхождение от вождей варваров, за 1400 лет до этого захвативших, разрушивших и как добычу разделивших между собой западноримскую империю.

Однако на Востоке до этого не дошло. Ведь сразу дважды в недавнее время, в эпоху смуты и в годы Великой Северной Войны, русский народ и избранные им самодержцы смогли дать отпор противникам, именующим себя «королями готов и вандалов». Москва и Рим имели больше общего, чем одного и того же врага. Как тут, так и там, автократия и суверенитет народа, имперская и республиканская основы не рассматривались как взаимоисключающие противоположности, но как две стороны одной медали. По западным представлениям, абсолютная власть короля достигалась исключительно путём наследования, в то время как владычество избранного короля обязательно имело свои ограничения. Для западного наблюдателя казалось загадкой, как Михаил Романов мог быть избран на неограниченное, самодержавное царствование. Это различие между западным и восточным представлениями сохранялось как минимум до Французской Революции (если не до сих пор). И Петр I. и Иван V и даже Анна Иоанновна стали самодержцами благодаря избранию их «всем народом». Принятие титула римского императора предполагало продолжавшееся существование республики: именно ее институции, Сенат и Синод, возложили на Петра эту честь – опять же от имени «всего народа». О Цицероне, самом знаменитом защитнике Римской конституции, напоминал титул «Отец Отечества,» присужденный Петру в то же самый день. До полного восстановления Республики в духе императора

Августа не хватало только закона о престолонаследии 1722 г., в оправдание которого Феофан Прокопович ссылался в том числе и на прецедент первых римских императоров, передававших власть приёмным сыновьям. Тот же антидинастический, патриотический импульс продолжал действовать в дворцовых революциях 1741 и 1762 гг., в которых в то же время можно увидеть предвестники декабристского восстания 1825 г.

Со времен Екатерины II римский характер российской монархии был принципиально поставлен под вопрос. Ожидаемая при грядущей смене трона консолидация шлезвиг-голштинской монархии и распространение про поддержку государыни трудов Монтескье и Дидро смогло убедить таких русских аристократов, как Никита Панин или Михаил Щербатов, в преимуществе западной формы престолонаследия, которая потом, при Павле Первом, была узаконена в 1797 г.

Но одновременно возникло противоположное движение патриотов, на почве которого потом расцвели Тайные Общества и, наконец, заговор Декабристов. Их страстная самоидентификация с Древним Римом вообще и тираноборцем Брутом в частности оказалось реакцией на появившееся у Царей Павла и Александра стремление искоренить республиканские элементы из российской государственности.

Не было случайностью, что Павел Пестель среди множества современных ему мыслителей выбрал в качестве авторитета Антуана Дестютта де Траси, главный труд которого представлял собой критику монархизма Монтескье. Дестутт де Траси не признавал разделение

Монтескье на республиканскую, монархическую и деспотическую формы правления. Вместо этого определяющим для него был принцип народного суверенитета:

он различал «национальные» и «специальные» формы правления. «Национальные» формы правления признавали, что получили свою власть от народа и могут ею пользоваться только от имени народа для его блага. «Специальные» с другой стороны, утверждали, что своим правом на власть они обязаны другим источникам - таким, как милость Божия, благородное происхождение или военный захват.³ Очевидно, что категории Дестютта де Траси довольно точно соответствуют вышеупомянутому

³ Destutt de Tracy, A.: Commentaire sur l'Esprit des lois de Montesquieu. Paris 1822.

противопоставлению римско-республиканской идеи государственности германско-патримониальной идее. Таким патриотам, как Пестель, было отрадно наблюдать, что основы идеальной республиканской формы правления лежали не в феодально-западной Европе, а в их собственном византийско-русском прошлом.

На фоне этого становится лучше понятно, почему русские заговорщики так быстро оказались готовыми на цареубийство: В противоположность своим французским единомышленникам они никогда не верили в то, что милость Божия проявляется уже в одном биологическом происхождении. Господь может пожаловать правителя своей милостью при жизни, но и лишить её потом. С их точки зрения, убийство царя было в худшем случае ординарным преступлением, а не святотатством. Поэтому в отличие от Якобинцев, Декабристам не нужно было отступать от церкви, чтобы задуматься об убийстве царя.

3. Противопоставление служилого и феодального дворянства.

Так как Россия считалась Римом, высшее дворянство любило себя видеть в роле Римских граждан, или скорее патрициев. Эта идентификация, кажется, стала общим местом к концу XVIII века. Труд князя М.М. Щербатова «О повреждении нравов в России» начинается похвалой добродетели Римских Граждан Кассия и Брута, которые не были готовы променять свое скромное, но свободное существование на рабство в роскоши. На примере князя Якова Федоровича Долгорукова Щербатов доказывает, что и собственные предки еще за несколько поколений до этого обладали Римскими добродетелями. В противоположность жадным и льстивым временщикам наподобие Меньшикова, Долгоруков всегда честно и самоотверженно исполнял свои долг для общего блага, никогда не боясь открыто говорить свое мнение Петру Великому. Эпизод с царским декретом, который Я Ф не исполнил, потому что считал его вредоносным, стоило, по мнению современников Щербатова, увековечить во мраморе.⁴ Один портрет XIX века изображал этого потомка Рюрика в качестве древнеримского героя, которого в нем хотели видеть его потомки.⁵

⁴ Michail Ivanovič Kozlovskij, 1796, Tret'jakovskaja galereja

⁵ Долгоруков, П.В.: Сказания о роде князей Долгоруковых. Санктпетербург 1840, с. 46.

С конца XVIII века росла потребность соединить древнеримское и древнерусское мифологические пространства. Драматург Петр Алексеевич Плавильщиков требовал около 1790 г., чтобы отечественная сцена вместо Дидоны и Энея прославляла таких национальных героев, как «купец Минин и князь Пожарский»⁶. В надписи на памятнике, воздвигнутом этим двум героям в 1818 г. на Красной площади, Кузьма Минин был титулован «Гражданином» –

наименование, которое Пушкин критиковал как несоответствующее исторической истине.⁷ Но идеологически это было правильное название. Минин заслужил почетное звание гражданина тем, что он не исполнял указы царя как подданный, но как свободный Римлянин проявил свою собственную инициативу, чтобы спасти Отечество от короля Готов и Вандалов.

Именно такие поступки имел в виду Кондратий Рылеев, когда сказал: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

У русских аристократов была еще одна причина стилизоваться «под Римлян». Их неспособность соответствовать тем нормам, которые европейская аристократия установила самой себе. Им не хватало статусных символов, которыми кичились их западные товарищи по рангу. Их замки были деревянные, а графские и баронские титулы их были свежеиспеченные, их гербы выдуманные, их образование не полное.

Аутентичные атрибуты древнего происхождения и высокого статуса было трудно предъявить иностранцам. Даже тот, кто мог доказать свое происхождение от Рюрика, т. е. более древнее, чем у большинства европейских монархов, оказывался в сложном положении среди тех, которые оценивали, например, ранг князя списком географических названий в его титуле.

Самым больным местом были широко распространенные в Европе сомнения в культурной равноценности русских дворян, в их рыцарской чести.

Около 1730 г. могло случиться, что французский священник, случайно попавший в Россию, в их собственном доме просвещал русских аристократов о том, что в этой

⁶ Giust, A.: Die Rezeption der italienischen opera seria von Anna I. bis zu Katharina II. In: Erren, L. (Hg.): Musik am russischen Hof. Berlin 2017, S.180-182.

⁷ Википедия, статья «Памятник Минину и Пожарскому». 28.02.2017

стране честь является неизвестной добродетелью.⁸ Этот едкий упрёк вгрызся в русское самосознание. Через 100 лет Петр Долгоруков отрицал существование русской аристократии типично западным аргументом, что людей, «обреченных на пожизненное служебное тягло, публично подвергавшихся телесным наказаниям, назвать аристократией невозможно».⁹ Это были не более чем рабы в привилегированном положении». Так оценивал их русский аристократ, эмигрировавший на запад и принявший типично западный взгляд – который принципиально отличался от взгляда Декабристов в одном пункте: Хотя они не меньше, чем Долгоруков возмущались телесными наказаниями (которые Римскому гражданину казались бы недопустимыми, так же как и французским аристократам) и для многих декабристов это было основным мотивом задуматься о цареубийстве, тем не менее, они, в отличие от него, рассматривали военную службу как патриотический долг, а не как пожизненное тягло.

Именно римский дискурс дал им возможность в обход западных дворянских норм, снова найти привязку к своим собственным традициям. Всё же западная аристократия обосновывала свои привилегии такой сомнительной заслугой, как разрушение западно-римской империи. Права, которые она отстаивала перед своими королями, проистекали из претензии на часть захваченной тогда добычи. Русское служилое дворянство, напротив, издревле видело свои обязанности в том, чтобы защищать царство от захватчиков, от монголо-татарских кочевников и тевтонских рыцарей.

Оно не приняло участия в разрушении византийского царства, и поэтому не получило возможности на захваченных землях развить франко-феодальную систему. Так что у него отсутствовали все привилегии, ценности и страсти, которые были связаны с награждением, наследованием или утратой территориально определяемых прав на власть и статус.

С другой стороны, русский служилый дворянин в чем-то превосходил западного дворянина: У него была возможность участвовать в управлении государством, которую он получал согласно своему месту в служебной иерархии. Вечная разница с западной Европой состояла в том, что центральные корпорации в России претендовали на то, что

⁸ Jubé, J.: *La religion, les moeurs et les usages des Moscovites*. Oxford 2017, S.136.

⁹ Долгоруков, П.: *Время императора Петра П и императрицы Анны Иоанновны*. М.1997, S.13

помимо своих военных и бюрократических функций они являют собой государство и защищают его религиозную и национальную идентичность. Служилое дворянство, сословной корпорацией которого фактически являлась государственная служба, никогда не считало себя слепым орудием в руках монарха, но коллективным субъектом со своей собственной волей.

Признать этот факт западной историографии было сложно по двум причинам: он не походил под стереотип о русском деспотизме и не сочетался с моралью европейской касты военных, требовавшей безусловного повиновения от принявших присягу солдат. По западным представлениям, сословные собрания или суды являлись тем местом, где дворяне по закону имели право защищать свои интересы. Но как только они поступали на военную службу к князьям, они больше не имели политического голоса. Представление о том, что военные подразделения могли вмешиваться в политику, вызывало на Западе только страх и отвращение. Военных мятежей до французской революции практически не было – не было их и в ходе предыдущих революций.

В этом вопросе противоположность между моралью западного и русского офицерства проступало яснее всего. Самих себя Декабристы видели патриотическими римлянами – по традиционным же западным масштабам, они были коварными «янычарами», которые нанесли своему господину удар в спину. Европейские аристократы хотели быть благородными рыцарями, безусловно хранившими верность своему господину, а по представлениям декабристов они оказывались наёмниками без любви к отечеству. Именно в этом заключалась разница между французскими якобинцами и русскими декабристами, на первый взгляд хотевшими одного и того же. Для Французов их революция значила радикальный разрыв со своим, до тех пор считавшим великим, прошлым. Русское служилое дворянство, напротив, могло считать себя в каком-то смысле оправданным исторически. Самая могущественная страна Европы ликвидировала у себя такие неизвестные в России институции, как наследственная монархия и феодальные привилегии, и вместо этого объявила себя по римскому примеру республикой. Хотя убийство монарха было связано для русских с меньшим количеством моральных сомнений, чем для французов, в противоположность последним, они не испытывали потребности осквернять церкви Кремля или царские гробницы. Потому что они видели начало всех своих бед не в Средневековье, а в

недавнем прошлом, вполне в духе известной цитаты Мме де Сталь: «Свобода стара, деспотизм нов».¹⁰

Необходимо особенно подчеркнуть, что этот новый деспотизм уходил своими корнями, по мнению декабристов, не на Восток, а на феодальный Запад. Тирания царей Павла и Александра сливалась в их мыслях с тем «засильем немцев» при дворе, на которое жаловались русские дворяне еще при Бироне.¹¹ Современная историография привыкла рассматривать эти жалобы как проявление ксенофобии и карьерной зависти. Она права в этом только в той мере, в которой это нелестное выражение касалось живущих тогда в России лиц немецкой национальности или происхождения. Но мне кажется, что декабристы (многие из которых были и сами немецкого происхождения) при этом имели в виду еще совсем другое. А именно уже несколько десятилетий заметные устремления династии Брауншвейг-Вольфенбюттел и Шлезвиг-Гольштейн-Готторф, изгнать из Российской империи её римско-республиканский дух и вместо этого навязать ей государственную форму западно-европейской, патримониальной, наследственной монархии. Республиканский проект декабристов происходил из потребности эту тенденция раз и навсегда искоренить и тем самым обеспечить дальнейшее существование России как политической нации.

Это утверждение лучше всего проиллюстрировать воспоминаниями офицера семёновского полка Ивана Дмитриевича Якушкина. Ключевое понятие встречается уже в первой фразе: «Война 1812 года пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании».¹² А кого имел в виду Якушкин под «русским народом»? Очевидно, и дворянство, и не освобожденных ещё к той поре крестьян. Несомненно, здесь чувствуется влияние Французской революции, а также и неизбежное воспоминание о народном ополчении 1612 г. В этот раз речь шла не только о самообороне, но освобождении всех европейских народов, в том числе и французского. Александр спас Францию от своих союзников, которые хотели разорвать ее на части как «алчные волки». Он гарантировал введение там конституции, которая обеспечила французскому народу относительную независимость и возможность

¹⁰ Цит. по Парсамов, Вадим: Декабристы и русское общество 1814.1825 гг. Москва 2016. С.203, 432

¹¹ Ср. творчество Кондратия Рылеева.

¹² Якушкин, И.: Записки. Лейпциг 1874, с.1.

«продолжать дело 1789 г.»¹³ „В это время республиканец Лагарп мог только радоваться действиям своего царственного питомца», и можно предположить, что Якушкин эту радость целиком разделял. В 1814 г. мир будущего декабриста был еще в порядке: Германия была и осталась оплотом феодального режима, Россия же являлась двигателем республиканского прогресса. Самой передовым отрядом внутри России оказалась офицерский корпус, по крайней мере Семеновского полка. Два политических требования нашли здесь в дальнейшем широкую поддержку: во-первых, отмена телесных наказаний, во-вторых - освобождение крепостных. Читая эти пассажи у

Якушкина, я впервые в жизни понял, почему декабристы так отчаянно отрицали крепостное право, за счет которого существовали. Тут мы имеем дело с точкой зрения офицера действующей армии, который прошел с своими солдатами до Франции и обратно в Россию. В военных лагерях на европейских театрах войны в офицерском корпусе могло созреть мнение, что и простые солдаты крепостного происхождения должны быть причислены к нации и получить соответствующие гражданские и политические права. Исходя уже хотя бы из военных причин: будущие воины будут выиграны армиями, солдаты которых внутренне мотивированны. Существующий порядок, при котором царю принадлежала неограниченная власть, а дворянам – неограниченная власть над крепостными, был трухлявым и прогнившим. Эта точка зрения совмещалась с отрицанием патримониальной государственности и тем представлением об истории, согласно которому крепостное право было введено только при Борисе Годунове. Якушкин был и офицером и помещиком, но патриотизм первого одержал в нём победу над эгоизмом второго – и судя по его воспоминаниям, то же самое произошло со многими близкими ему по духу офицерами.

Полная отмена телесных наказаний была в этом смысле не только смягчением дисциплины – она стало политическим символом, антифеодальным выступлением. Около 1814 г. многие лелеяли надежду на то, что либеральный царь станет во главе либерального движения. Однако воспоминания Якушкина читаются как хронология сплошных разочарований. Уже в 1815 г. Александр запретил офицерам Семеновского

¹³ Там же, с.3.

полка совместное чтение газет с объяснением, что «таково сборища офицеров ему очень не нравятся».¹⁴

В этом же году царь разжаловал нескольких артиллерийских офицеров, после того как их полковник по фамилии Таубе пожаловался ему, что они с ним дерзко обращаются. Возможно, здесь снова проявилась взаимная неприязнь между офицерами русского и немецкого происхождения, потому что повествование сразу переходит ко повсеместно распространившемуся тогда слуху, согласно которому царь уверял Веллингтона, что каждый Русский «или плут или дурак» и что все заслуги принадлежат иностранным офицерам». Поскольку после войны полковая жизнь заключалась в учениях и в шагистике, Якушкин предпочёл уйти в отставку.¹⁵ Но благодаря уже влиянию возникших в то время тайных обществ, Семеновский полк сохранил свою политическую ангажированность. Офицеры продолжали дискутировать о политике и в целом разделяли протест против телесных наказаний.¹⁶

По всей вероятности, они восприняли как репрессивно-политическую меру назначение Великим Князем Михаилом Павловичем полковника Шварца командиром полка по рекомендации Аракчеева, чтобы укрепить якобы понизившуюся дисциплину.

Как описывает Филипп Менгер, новый комендант установил по-настоящему драконовский режим. По малейшей провинности он назначал телесные наказания, даже солдатам-кавалерам Георгиевского Креста. Шварц якобы даже плевал в лицо солдатам.

Поэтому я сомневаюсь в преобладающем мнении, что последовавший в скором времени мятеж Семеновского полка 1820 г. следует квалифицировать только как «внутривоенное, чисто психологически мотивированное дело без политической подоплёки».¹⁷ Политическая символика этого происшествия расшифровывается сама собой, если исходить из того, что полк этот в данный момент был ничем иным, как символом России, а точнее: выраженным стремлением прогрессивного дворянства сделать Россию политической нацией. Распространившееся позже мнение, что Александр «ненавидел Россию», относилось непосредственно к презрению, которое он

¹⁴ Там же, с.6.

¹⁵ Там же, 6-7.

¹⁶ Там же, 34-35.

¹⁷ Menger, P.: Die Heilige Allianz. Religion und Politik bei Alexander I. (1801-1825). Wiesbaden 2014. S.347-

выказывал офицерскому корпусу. И презирал он их именно за то, что они, по российской традиции, хотели принимать участие в политическом процессе, вместо того, чтобы, по немецкой традиции, основывать свою честь на безграничной преданности лично Государю. Подвергать русских офицеров телесным наказаниям означало поработить Россию – особенно когда палачами были офицеры, носящие немецкие фамилии.

В 1820 г. мир будущих декабристов уже не был в порядке, но национальные роли были распределены так же, как шесть лет назад: присущее России стремление к свободе и гуманности сталкивалось с деспотизмом Ancien Regime.

Сюда хорошо подходит эпизод, описанный Якушкиным, случившийся в 1816 г.:

«между командирами «бывали прения о том, как полезнее наказывать солдат понемногу – но часто, или редко, но метко, и я очень помню, что командир 2-го батальона барон Даллас, впоследствии бывший во Франции при Карле X министром иностранных дел, было такого мнения, что должно наказывать редко, но вместе с тем никогда не давать солдату менее 200 палок, и надо заметить, что такие жестокия наказания употреблялись не за одно дурное поведение, но иногда за самый ничтожный проступок по службе и даже за какой-нибудь промах во фрунте».¹⁸

4. Характер эпохи Александра

В эпоху царя Александра I траектории развития России и Европы перекрестились. Уже при Николае I наконец увенчались успехом стремления превратить Россию в наследственную монархию – то есть в то же время, когда Европа рассталась с принципом династической легитимности и приняла решение в пользу конституционализма. Самой запутанной была ситуация в десятилетии между 1804 и 1814 гг. Узурпатор Наполеон, который повысил себя из чина «Римского Консула» в чин «Императора французов», позже утверждал, что потратил час времени на то, чтобы убедить Александра в преимуществах наследственной монархии, которые династически легитимный Царь якобы отрицал.¹⁹ Присутствовали ли при этом

¹⁸ Якушкин, Записки, С.35.

¹⁹ Las Cases, E.: Mémoires de St. Hélène, 1842, t.1., S.250.

разговоре немецкие князя, неизвестно, однако подозрительно долгое время они видели именно в Наполеоне того, кто их при случае защитит от их подданных надежнее, чем русский царь. Но в этом они ошибались – так же как и их подданные, которые хотели найти у царя поддержку своего национального движения. В Парижском договоре 1815 г., основном документе «Священного союза», русский царь, прусский король, и австрийский император объявляли себя назначенными Правителями их земель, которые соответственно объявлялись тремя ветвями одной семьи: правители и их подданные принадлежали к единой христианской нации, единственным сувереном которой был Бог.²⁰ О предыстории и первоначальном замысле этого договора в историографии было много споров – подлинно известно, в любом случае, что современники во всей Европе понимали процитированные предложения как однозначный отказ от принципа национального государства и народного суверенитета. В России происшедшее должно было вызвать особенное негодование: их государь при помощи двух немецких монархов утвердил себя в статусе одного из представителей всеевропейской царской семьи и заключил с ними союз, который был направлен против политической эмансипации подданных всех трех держав. Стихотворение Пушкина «Noël. Сказка» намекало именно на эти обстоятельства

Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.

Будущие декабристы считали себя частью общеевропейского национального движения, которое основывалось на принципах национального суверенитета, а не на более поздней идее создавать этнически гомогенные сообщества. Линия конфликта пролегла не между народами, а между наследственными монархами и подавленными ими нациями. Русские, поляки, чехи, венгры и немцы могли испытывать те же самые чувства. Беспрепятственный территориальный рост Российской империи, фактическая аннексия Польши или раздробление Германии на 35 удельных княжеств имело, с этой точки зрения, для всех стран один и тот же вредоносный эффект: они мешали возникновению политических наций и продлевали существование наследственной монархии.

²⁰ Dross, Elisabeth: Quellen zur Ära Metternich, Darmstadt 1999, S.45.

Именно потому, что петербургские гвардейцы так сильно ненавидели своих немецких командиров, они сочувствовали немецкому национальному движению. В Германии не было Семеновского полка, а был Йенский университет. Обе корпорации были оплотами национального движения и на обе обрушился царский гнев.

Русский государственный советник Стурдза – тот самый, который по новым данным, был главным идеологом «Священного союза», предупреждал Европейских монархов об опасности, исходящей от немецких университетов, которые со времен Лютера повсеместно сеяли беспокойство.²¹ Немецкое студенчество и всё национальное движение отреагировали волной на это волной сильного возмущения. Несколько месяцев спустя студент Йенского университета Карл Занд убил царского советника Аугуста фон Коцебу, в котором немецкая общественность видела злого клеветника, наушничавшего царю. В конце концов, это покушение было нацелено на самого царя, и поэтому будущие декабристы его в открытую приветствовали. Пушкин писал:²²

О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.

В этих словах чувствуется зависть Герострата к убийце, имя которого несомненно напишут на обломках самовластья.

5. Поражение Александра

Эпоха Александра была последней, в которую русское самодержавие несло в себе республиканскую, «римскую» составляющую. Но на Сенатской площади их пути разошлись. Николай I изгнал из души русской монархии республиканского беса, и с тер пор правил как немецкий наследственный монарх на русской земле. Он владел той

²¹ Martin, A.: Die Suche nach dem juste milieu. Der Gedanke der Heiligen Allianz bei den Geschwistern Sturdza in Russland und Deutschland im napoleonischen Zeitalter. In: Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, 54 (1998), S.81-125.

²² Пушкин, А.: Кинжал

империей, которая, по мнению Чаадаева, представляла собой пробел на карте мировой цивилизации, растянутый от Берингова пролива до Одера.²³

Рим был повержен, и на его руинах аристократы должны себе найти новую роль – будь то привилегированное рабство на службе ненавистного угнетателя или мученичество в катакомбах зарождавшегося революционного движения. Декабристы проиграли в битве за власть, но тем полнее была их культурная победа – их поражение легло в основу мифа, с которым русская нация могла себя идентифицировать и охотно делала это.

Что можно сказать об Александре, герое нашего времени?

Его правление может быть примером того, что даже умный монарх с добрыми намерениями может потерпеть неудачу в своих «сценариях власти», в своей пропаганде. Если даже он и осознал проблему русской политической идентичности, то был неспособен решить её. У него не было никакого мифа, никакой идеи, никакой конституции, с которыми могла бы себя идентифицировать патриотическая элита. Об этом свидетельствуют и его прозвище «Сфинкс», и сложность описать его эпоху убедительным, запоминающимся нарратив.

²³ Ср. Чаадаев, П.: Первое философское письмо.

Вадим Парсамов

Республиканские модели в русской политической культуре 1815-1825 гг.

Под республиканскими моделями в данном случае понимаются проекты государственного устройства, предполагающие изъятие власти из рук монарха и передачу ее народу путем государственного переворота, как мирного, так и военного. Именно это обстоятельство отличает республиканские модели от проектов реформ сверху, направленных не на смену, а на либерализацию монархического режима. Монарх, дарующий подданным конституцию, расширяет их права и свободы, но не меняет их статуса, так как октроированная конституция не предполагает народного обсуждения и одобрения. Так, например, если добрый барин переводит своих крестьян с барщины на оброк, он расширяет их свободу, но *свободными людьми* они от этого не становятся. С другой стороны, в республиках могут действовать жесткие законы, сильно ограничивающие права и свободы отдельных граждан, но считается, что сами эти законы являются результатом народного волеизъявления, и соответственно народ в его целом остается свободным. В первом случае свобода понимается как действие, во втором как состояние.

В конституционных монархиях наследственная власть имеет пространственные ограничения (предполагается, например, что личная жизнь граждан изъята из ее компетенции), в республиках выборная власть имеет временные ограничения, но при этом и личная жизнь граждан может быть подвергнута республиканскому контролю. Тит Ливий, говоря о смене монархии республикой, пояснял, что «началом свободы [509 г.] вернее считать то, что консульская власть стала годичной, нежели то, что она будто бы стала меньшей, чем была царская»¹.

В интересующий нас период республиканские проекты в основном разрабатывались в тайных обществах, появившихся в России вскоре после завершения наполеоновских

¹ Тит Ливий. История Рима от основания города. Т.1. М., 1989. С.64.

войн. В советское время сложилась традиция располагать общественных и политических деятелей по шкале прогрессивности: монархия абсолютная – монархия конституционная – республика буржуазная – республика социалистическая. При этом прогресс предполагал нарастание свободы. Ее минимальная степень связывалась с абсолютной монархией, а максимальная – с социалистической республикой. Применительно к декабристскому движению с этой точки зрения противопоставлялись умеренные члены общества, стоящие на конституционно-монархических позициях, и республиканцы. Традиционным было противопоставление Конституции Никиты Муравьева, сохраняющей за монархом исполнительную власть, «Русской правде», Пестеля, предполагающей республику. Впрочем, специалисты знали, что Пестель параллельно с республиканским разрабатывал и конституционно-монархический проект, но объяснялось это тем, что он не хотел отсекал от своей программы умеренных членов общества и таким образом пытался учесть их политические интересы. Республиканец Пестель считался более революционным и более прогрессивным, чем конституционный монархист Никита Муравьев.

Эта концепция носила исключительно ретроспективный характер, и исходила из дальнейшей эволюции освободительного движения в сторону социалистических идей. Если же посмотреть на политические проекты декабристов с точки зрения актуальных для них традиций, то картина получится иной. Сами декабристы воспринимали республиканские идеи как более древние, чем монархические. Поэтому республиканский строй для них мыслился не как новая страница в истории, а как возрождение искусственно прерванных традиций.

Наиболее отчетливо эти идеи изложены у Пестеля. С его точки зрения, первоначально существовали справедливые государства, основанные на общественном договоре и природном равенстве людей. В Европе это были греческие республики и республиканский Рим, а в России – Новгород и Псков. В дальнейшем «со времени нашествия варваров» появились привилегированные сословия. Наступила «эпоха расцвета знати. Это было то доброе старое время, когда можно было безнаказанно душиить и грабить <...>. Знать основывала свои притязания на праве завоевателя, на своем мече, на своей военной доблести, духовенство на своем духовном авторитете,

на кадиле, на своей образованности. Монархи были совершенно бессильны перед ними. Народы страдали, не смея роптать»².

Эти преступления имели и другую сторону. Невольно они порождали стремление к добру и справедливости: «Течение веков, которое ничто не может остановить и которое рано или поздно сметает на своем пути все памятники, воздвигаемые заблуждениями и страстями, коснулось и этого порядка вещей. Из бездны зла стало возникать добро». В результате была подготовлена современная Пестелю эпоха революций, которые он называл «духом времени».

Таким образом, вся европейская история делится на три периода: Первый - существование первоначальных республик, когда народ сам управлял собой. С появлением знати произошло разделение народа и правителей, а аристократия стала разделяющей их стеной. Народ был низведен до рабского состояния, а правители утратили реальную власть. И наконец, с уничтожением аристократии возобновляется прямая связь народа и правительства. Народ становится единственной опорой правительства, а правительство - выразителем народных интересов. Но поскольку количество граждан значительно увеличилось по сравнению с древностью, то современные республики уже не предполагают прямого народоуправления и правление становится представительным. Вместо линейного движения от монархии к республике, сопровождающегося прогрессом свободы, предлагается циклическая модель возвращающаяся, пусть в несколько и иной форме, республиканское правление. Но дело не только в этом.

Историческая схема Пестеля обращает на себя внимание нетривиальным представлением о соотношении власти и свободы. Пестель парадоксально утверждает, что наименьшей властью обладает абсолютный монарх, находящийся в зависимости от аристократии. Народ низводится до крепостного состояния, а сам монарх настолько слаб, что не в состоянии «оградить себя самого от притязаний и оскорблений этой надменной знати» (VII, 296). Получается, что чем слабее власть, тем меньше свободы. Единственно сильной властью, гарантирующей свободу, является власть народа, который в одном лице представляет правителя и подданного. Так было в древних

² Восстание декабристов. Документы. Т.8. М., 1958. С. 295-296. (Далее ссылки на это издание в тексте с указанием римскими цифрами тома, арабскими страницы)

республиках. В современном же представительном правлении правительство и народ не соединены в одном лице, но поскольку между ними нет третьей силы, то правительство обладает необходимой властью, а народ необходимой свободой.

Различие между античными республиками с их прямой демократией и представительным правлением у Пестеля носит не качественный, а количественный характер. Между тем, например, как Бенжамен Констан, видел здесь качественные отличия, связанные с исторически изменчивыми представлениями о свободе. В 1814 г. в своей знаменитой брошюре «О духе завоеваний и узурпации» Констан противопоставил античное понимание свободы и новое. В античных республиках свобода понималась как прямое участие народа в управлении государством. Но при этом чем значительнее была удельная доля индивида в национальном суверенитете, тем большего самоотречения от него требовалось. «Это самоотречение было необходимо, для того чтобы народ мог в максимальной степени пользоваться политическими правами, иными словами, для того чтобы каждый гражданин имел свою часть в суверенитете. Для этого нужны были институты, которые поддерживали бы равенство, препятствовали росту состояний, уничтожали различия, противостояли влиянию богатства, талантов и даже добродетелей»³. Древние, по мнению Констан, не понимали радости частной жизни, поэтому они полностью посвящали себя общественному служению. Но постепенно «прогресс цивилизации, развитие торговли, общение людей друг с другом умножили и разнообразили до бесконечности возможности индивидуального счастья. Для того чтобы быть счастливыми люди нуждаются только в том, чтобы им предоставили полную свободу в их занятиях, предприятиях, сфере активности и фантазиях»⁴.

Рассуждения Констан были вызваны представлением о том, что гражданские права не обеспечивают сами по себе индивидуальной свободы и счастья. Они необходимы, но они не могут вместить в себя всего многообразия интересов и потребностей современного человека. Быть свободным гражданином в современном мире не означает быть счастливым человеком.

³ Constant B. Cours de politique constitutionnelle ou collection des ouvrages publiés sur le gouvernement représentatif. Paris, 1861. T. II. P. 205.

⁴ Ibid. P. 206.

В России ситуация была иной. Те вопросы, которые во Франции были решены революцией, здесь еще не потеряли своей актуальности. Риторический вопрос Вяземского -

Я вижу подданных царя,

Но где отчества граждане? -

предполагал не только освобождение крепостных, но и наделение всех подданных гражданскими правами («Снесешь нам книгу вечных прав»). Ориентация на античную традицию позволяла говорить о возвращении некогда утраченных гражданских свобод. Роли распределялись следующим образом: страдающий от рабства народ, тиран, узурпировавший народную власть, и тираноборец, возвращающий эту власть народу.

В Союзе Спасения обсуждались проекты цареубийства. Об одном из них свидетельствует Пестел: «Въ 1816-мъ или 1817-мъ году, въ какомъ имянно мѣстѣ не помню, говорилъ Лунинъ, во время разговора нашего объ обществѣ, при мнѣ и при Никитѣ Муравьевѣ о совершении Цареубійства на Царскосельской Дорогѣ съ партією въ Маскахъ, когда время прійдетъ къ Действію приступить» (IV, 179). Почему в 1816 г. говорят о необходимости убить Александра I? В этот период авторитет царя был необыкновенно высок. Победитель Наполеона, «царь царей», «народов друг, спаситель их свободы», Агамемнон – от него ждали только хорошего. Надежды на либеральные преобразования связывались только с ним. Между тем сам статус монарха делал фигуру Александра I несовместимой с республиканским строем. Его физическое устранение должно было символизировать переход от монархии к республике, и само убийство «тирана» приобретало театрализованные черты. Маска символизирует трагедию, и вероятно предполагает кинжал как орудие убийства, и еще один атрибут трагедии⁵.

Подобного рода проекты и дальше будут возникать в декабристской среде. Предполагалось, что народ, у которого была похищена свобода, всегда готов к тому, чтобы ее вернуть. Поэтому, как только тирана не станет, республика восстановится сама собой.

⁵ Ср. у Пушкина «Трубу, личину и кинжал» как знаки трагедии.

Наивность этих планов для членов тайного общества была столь же очевидна, как и их эстетическая привлекательность. Поэтому попытка Пестеля перейти из области исторической эстетики в область реальных политических расчетов вызвала ироническую реплику тираноборца Лунина, что Пестель предлагает «напередь Энциклопедію написать, а потомъ къ Революціи приступить» (IV, 179). Пестель хоть и считал, что республиканский строй имеет корни в российской истории, тем не менее, он не верил в возможность его автоматического появления после заклания тирана «и необходимымъ находилъ приуготовить напередь Планъ Конституціи и даже написать большую часть Уставов и Постановленій дабы съ открытіемъ Революціи новый порядокъ могъ сей часъ быть введенъ съ полна ибо я не имелъ еще тогда мысли о Временном Правленіи» (IV, 179). Хотя Пестель и не думал тогда о диктатуре временного правительства, но якобинская диктатура, по воспоминаниям С.П. Трубецкого, вызывала у него сочувствие. «При первом общем заседании для прочтения и утверждения устава Пестель в прочитанном им вступлении сказал, что Франция блаженствовала под управлением комитета общей безопасности. Восстание против этого утверждения было всеобщее, и оно оставило невыгодное для него впечатление, которое никогда не могло истребиться и которое поселило навсегда к нему недоверчивость»⁶.

Целью своей республики Пестель называл «Возможное Благоденствіе Всехъ и Каждаго» (VII, 115), при этом особо подчеркивалось, что «должны всегда Выгоды части или одного Нераздѣльнаго уступать Выгодам цѣлаго: признавая цѣлым Совокупность или Массу Народа» (VII, 116). Речь идет о необходимости преобладания общей воли над волей всех, в терминологии Руссо. Но вопрос состоит в том, как практически это может быть достигнуто. Пестель понимал, что в огромной многонациональной и многоконфессиональной России одних демократических институтов – разделения властей, общественного контроля над их действиями и т.д. недостаточно для обеспечения всеобщего равенства и свободы. Предоставление всем равных

⁶ Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983.. Т. I. С. 218-219. В окончательном варианте Трубецкой, по-видимому, преувеличивает негативную реакцию членов Союза Спасения на заявление Пестеля. В черновиках у него было: «поселило в некоторых членах некоторую недоверчивость» (Там же. С. 218). Комитет общественной безопасности здесь назван, скорее всего по ошибке. Речь, по всей видимости, шла о Комитете общественного спасения. Эту произвольную неточность мемуариста отметил Б. Е. Сыроечковский (*Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов. М., 1969. С. 171*).

гражданских прав, с его точки зрения, недостаточно, для установления прочного республиканского строя. Необходимо обеспечить равные возможности пользоваться этими правами. Республиканец не только имеет право быть свободным гражданином, он еще и *обязан* им быть. Введение гражданского равенства в России еще не означает равенства национального, языкового, конфессионального и т.д.

«Стоить только вспомнить, - читаем в «Русской правде», - изъ какихъ разнородныхъ частей сіе огромное Государство составлено. Области его не только различными Учрежденіями управляются, не только различными Гражданскими Законами судятся но совсѣмъ различные языки говорятъ совсѣмъ различныя Вѣры исповѣдуютъ, жители оныхъ различныя произхожденія имѣют, къ различнымъ Державамъ нѣкогда принадлежали» (VII,127). Так как приоритетом является свобода народа в целом, то степень свободы отдельно взятого гражданина определяется степенью его интегрированности в «совокупность или массу народа». Поскольку республика Пестеля это не республика вообще, а русская республика, имеющая исторические корни в национальной истории, то соответственно и все ее граждане могут быть только русскими.

Материализуя политический идеал в историческом прошлом, Пестель моделирует прецедент государственного устройства. Гражданская свобода признается исконно существующей, и движение к ней мыслится как восстановление национальных традиций. Поэтому новое, по сути, государство должно обрести, как считал Пестель, старые, а точнее специфически национальные черты, «чтобы обитатели цѣлаго пространства Россійскаго Государства *всѣ* были *Русскіе*». Для этого он предлагал следующие меры: «чтобы во первыхъ на цѣломъ пространствѣ Россійскаго Государства господствовалъ одинъ только *языкъ* россійскій <...> Во Вторыхъ: Такъ какъ нынѣ существующее различіе въ названіяхъ Народовъ и Племень Россію населяющихъ всегда составлять будетъ изъ жителей Россійскаго Государства отдѣльныя другъ отъ друга массы и никогда не допустить столь для блага отечества необходимаго совершеннаго въ Россіи Единородства, то чтобы всѣ сіи различныя имена были уничтожены и вездѣ в *общее Названіе* Русскихъ во едино слиты. В третьихъ: чтобы одни и тѣ же *Законы*, одинъ и тотъ же *образъ Управленія* по всѣмъ частямъ Россіи существовали и тѣмъ самимъ въ Политическомъ и Гражданскомъ отношеніяхъ вся Россія на цѣломъ своемъ пространствѣ бы являла вид Единородства, Единообразія и

Единомыслия» (VII, 149). Высшие государственные органы власти получают русифицированное название: законодательная власть – «Народное вече», исполнительная власть – «Державная дума». Петербург переименовывается в Петроград, а столица переносится в более «русское» место Нижний Новгород или Москву.

Главным символом национального суверенитета, по мысли Пестеля, должен был стать язык. Он вынашивал замыслы широкой языковой реформы, в результате которой все заимствованные слова были бы заменены словами со славянскими корнями, что должно было восприниматься как возрождение исконно русских терминов. Создавая новую терминологию, Пестель боролся с неологизмами петровской языковой реформы. Если Петр I заменял русские слова иноязычными эквивалентами, или в качестве неологизмов вводил заимствованные термины, то Пестель делал прямо противоположное: возвращал старые или придумывал новые на славянской языковой основе. Из появившихся в петровскую эпоху терминов им были заменены: *батальон, герольдия, губерния, император, канцелярия, министр, секретарь, система, флот* – соответственно на *сразин, запись, округ, царь, повытье, государственный глава, дьяк, объем (строение, обзор, правила), плавень*.

В национальном проекте Пестеля пересеклись две различные культурные традиции: романтическая идея национальной самобытности и просветительский «миф» о единстве человеческой природы. Просветители считали, что природа человека всегда и везде одинакова. Все различия между людьми, в том числе и национальные, они относили к числу предрассудков. Беря за основу нового государства русскую национально-культурную традицию (отказ от заимствованных слов, национальный костюм, перенос столицы в Нижний Новгород или во Владимир и т. д.), Пестель в действительности воплощал не идею культурного возрождения, а преследовал, по сути, чуждую ей цель унификации. В этом смысле, как и просветители, он исходил не из исторического опыта, а из идеи Разума. В отличие от романтиков, усматривавших в национальных традициях некий мистический смысл, Пестель строил свой национальный проект на сугубо рационалистической основе. Его обращение к традициям носило исключительно формальный характер.

В своих преобразовательных проектах Пестель выступал не столько как русификатор, сколько как рационализатор. Его национальная политика, предусматривающая слияние всех народностей, населяющих Россию, в единую нацию, предполагала создание нового народа как материала для рационально устроенного государства. Предлагаемая им с этой целью единая культурная основа, отдаленно напоминающая древнерусские традиции, в действительности не имела с ними ничего общего.

Конституционно-монархический проект Никиты Муравьева тоже следует рассматривать в ряду республиканских моделей, так как он исходил не от монарха, дарующего народу конституцию, а как бы от народа, берущего власть в свои руки и наделяющего монарха определенными полномочиями: «Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное права делать *основные постановления для самого себя*»⁷. Проект Муравьева отличается от проекта Пестеля не только формальными чертами - федеративное устройство вместо унитарного, сохранение монархии, помещичьего землевладения и т.д., - но иным пониманием свободы.

У Пестеля свобода основывается на законах («Духъ времени, стремящійся къ Свободѣ на Законахъ основанной», VII,174) и сочетается с единокровием, единообразием и единомыслием. Муравьев понимает свободу скорее в либеральном, чем республиканском смысле. Он не соглашается с определением Монтескье: «Свобода есть право делать все, что разрешают законы». На это положение Муравьев возражает: «Разве я свободен, если законы налагают на меня притеснения? Разве я могу считать себя свободным, если все, что я делаю, только согласовано с разрешением властей, если другие пользуются преимуществами, в которых мне отказано, если без моего согласия могут распоряжаться даже моею личностью? При таком определении русский крестьянин свободен: он имеет право вступать в брак и т.д.». Под свободой Муравьев понимает, прежде всего, гарантию естественных неотъемлемых прав человека, вступившего в общество. Поэтому законы должны соответствовать «совокупности его физических и моральных сил. Всякий иной закон есть злоупотребление, основанное на силе; но сила никогда не устанавливает и не обосновывает никакого права». И далее

⁷ Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С.254.

Муравьев дает свое понимание общественного договора: «Соединяясь в политические общества, люди никогда не могли и не хотели отчуждать или изменять какое бы то ни было из своих естественных прав или отказываться в какой бы то ни было доле от осуществлении этих прав... Они соединены и связаны общественным договором, чтобы свободнее и полезнее трудиться благодаря взаимопомощи и лучше охранять личную безопасность и вещную собственность путем взаимного содействия». Polemica здесь ведется не с нарушениями общественного договора, а, наоборот, с его слишком радикальной трактовкой. Муравьев утверждает, что «масса людей может сделаться тираном так же, как и отдельное лицо»⁸.

В отличие от Пестеля, близкого к руссоистской идее безграничности народного суверенитета, Муравьев больше склонялся к гельвецианскому варианту общественного договора, гарантирующему права отдельного индивидуума перед лицом общей воли. По К. А. Гельвецию, общество это не коллективная личность (*personne morale*), как считал Руссо, а свободное соединение отдельных индивидуумов, сохраняющих свои права на личное счастье. «Я утверждаю, - писал Гельвеций, - что все люди стремятся только к счастью, что невозможно отклонить их от этого стремления, что было бы бесполезно пытаться это сделать и было бы опасно достигнуть этого и что, следовательно, сделать их добродетельными можно только, объединяя личную выгоду с общей»⁹.

Свободе личности, вступившей в общество, на государственном уровне соответствует автономность отдельных территориальных образований в составе государства, то есть федерализм. Муравьевская Конституция предполагала разделение России на 14 «держав» и 2 «области». Столицей страны должен был стать Нижний Новгород, переименованный в Славянск. «Державы» делятся на уезды, а уезды – на волости. Каждой «державой» управляет свое правительство, состоявшее из независимых властей: законодательной, исполнительной и судебной. Верховная законодательная власть в государстве принадлежит Народному вече – 2-х палатному парламенту, состоявшему из Верховной думы, в которую входят по три представителя от каждой «державы», и Палаты народных представителей, в которую посылаются по одному

⁸ Там же. С. 85-86.

⁹ Гельвеций К. А. Сочинения: В 2 т. М., 1974. Т. I. С. 262.

представителю от каждых 50 тыс. обывателей. Исполнительная власть остается в руках императора. Предусматривались также уничтожение сословий, гильдий и цехов, отмена крепостного права, сохранение общинного землевладения, введение основных гражданских свобод: слова, печати, вероисповеданий, занятий и передвижения.

Расхождения между Пестелем и Муравьевым ознаменовали начало нового этапа декабристского движения, для которого характерна замена идеи римского тираноборчества идеей военного переворота. При этом замыслы цареубийства как такового не исчезают совсем, они лишь теряют свою книжную привлекательность. Отныне члены Тайного общества не сами вызываются на цареубийство, а вербуют тех, кто мог бы это совершить. Как правило, поиск ведется либо среди периферии декабристских организаций, либо за их пределами. Так родился пестелевский замысел «обреченного отряда». Его характеризует полное отсутствие каких-либо внешних атрибутов. Группа из двенадцати человек, не состоящих в Тайном обществе, должна истребить всю царскую семью, включая женщин и детей, после чего общество должно казнить убийц «и объявить, что оно мстит за императорскую фамилию». И хотя подбор этой группы и руководство ею поручалось кому-то из членов Тайного общества, в саму группу должны были войти люди, обладающие качествами наемных убийц. При этом нельзя не заметить, что если в Брутах недостатка не было, то желающих вступить в «обреченный отряд» не нашлось. А. П. Барятинский, на которого была возложена обязанность найти цареубийц, велел передать Пестелю, «что все свицкие офицеры пылают ревностью к цели общества; но сие не означало, чтобы можно было составить из них шайку убийц» (X, 280). А М. П. Бестужев-Рюмин предлагал «для нанесения удара Государю <...> употребить разжалованных въ солдаты» (IV, 138). Убийство одного царя теперь уже казалось полумерой. Пестель обдумывал замысел истребления всей царской фамилии, чтобы, как он выражался, «avoir maison nette» (XI, 72). Цареубийство с авансцены Истории переместилось за кулисы политиканства. Именно это отпугивало от него многих вчерашних Брутов. Характерно скептическое замечание Пестеля о С. И. Муравьеве-Апостоле «il est trop pur» (IV, 138).

Отказ Н. Муравьева от цареубийства связан с началом его работы над Конституцией. Идея законности очень плохо вяжется с идеей убийства вообще, тем более монарха, а система двойных стандартов для Муравьева была невозможна. Любое преступление

должно караться судом, перед которым равны все граждане, а так как император, по муравьевской Конституции, есть всего лишь «Верховный Чиновник Российского правительства», то он так же подсуден, как и любой гражданин. С другой стороны, цареубийство – такое же преступление против личности, как и любое другое убийство.

Неслучайно Муравьев, который буквально вчера высказывался за республику, свою Конституцию пишет в монархическом плане. На первый взгляд между республикой и парламентской монархией разница не столь существенна. И там, и тут единственным источником власти признается народ, управляемый через своих представителей. У Мабли даже встречается выражение «республиканская монархия». Однако в контексте тираноборчества различие было принципиально. С республикой, начиная с античности до Французской революции XVIII в. включительно, ассоциировалась идея цареубийства, в то время как конституционная монархия гарантировала жизнь императору. Мысль о временной диктатуре после революционного переворота была оставлена Муравьевым как несоответствующая конституции. Если Пестель допускал беззаконие, и даже кровь, при учреждении республики, то Муравьев такой путь исключал. Конституция должна быть введена сразу же, как только будет прекращено самовластье.

Будет ли это добровольное согласие царя или же военная революция, не имело существенного значения. Акцент ставился не на разрушении старого, а на созидании нового. Причем новое должно было зародиться в недрах старого. Подобно тому, как Пестель в 1817 г. хотел «напередъ Енциклопедію написать, а потомъ къ Революціи приступить», Муравьев считает, что введению конституционного порядка должна предшествовать не диктатура, а широкое обсуждение его Конституции в обществе. Теперь это вызвало ироническую реплику одного из сторонников Пестеля, А. В. Поджио: «Муравьев ищет все толкователей Бентама, а нам действовать не перьями». Новый порядок должен родиться не в результате смерти старого, а путем его преобразования изнутри: ««Nous commencerons absolument par la propagande» (XI, 72).

«Русской правдой» Пестеля и Конституцией Никиты Муравьева не исчерпываются декабристские проекты республиканского строя. Свои планы на этот счет были у Ордены русских рыцарей, о котором известно мало, но то, что известно, позволяет

видеть в нем общество по воспитанию тираноборцев. Его организаторы М.А. Дмитриев-Мамонов и М.Ф. Орлов – потомки екатерининских фаворитов, в большей степени, чем другие декабристы были связаны с традициями XVIII в., соединяющими аристократизм и республиканизм.

Орден русских рыцарей состоял из двух больших частей. Одну из них составлял «внутренний орден», в него входили члены-учредители, *посвященные* в сокровенную цель. Воспитательная роль отводилась внешнему ордену, где все было построено на символах и ритуалах. Внешний орден состоял из трех иерархических степеней или языков. Восхождение по ним сопровождалось воспитанием *ищущего* в духе республиканских добродетелей. Первый язык – *израильский* - составляли библейские символы и сюжеты, воспитывающие мужество и свободолюбие.

Второй язык – *греческий* – включал в себя символику древнегреческих республик и должен был внушать ищущему мысль о необходимости преобразований общественной жизни на основе республиканских добродетелей. На этой ступени раскрывалась сокровенная цель Ордена.

Третий язык – римский – имел уже откровенно политический смысл, содержащийся в идее тираноборства, указывающей на путь достижения республиканской цели.

Республиканская модель Дмитриева-Мамонова имела аристократический характер. Главную роль в управлении государством должен был играть Сенат, состоящий из 1 000 членов, из которых 200 являются наследственными пэрами, 400 – представителями дворянства и 400 – представителями простого народа. Дворянство, составляющее меньше 1% населения получало 60% парламентских мест. Нация понималась как качественное, а не количественное образование. Считалось, что дворянин, помнящий своих предков и их заслуги перед родной историей, более полно представляет нацию, чем простолюдин. Орден получает поместья, земли, фортеции, наподобие рыцарей тамплиеров или тевтонов, а 200 наследственных пэров получают в уделы города и поместья. Из основных свобод упоминается только свобода книгопечатания. Отсутствует свобода совести. Более того Мамонов грозил истреблением раскольников-скопцов.

Внешнeполитические планы Ордена отличались бурной экспансией. Турки изгоняются из Европы, Греция восстанавливается под протекторатом России, к которой присоединяются все славянские народы, а также Венгрия и Норвегия. На востоке Россия покоряет Персию и продвигается в Индию.

К этому следует добавить, что в имени Дмитриева-Мамнова, подмосковных Дубровицах, хранились две реликвии: окровавленная рубашка царевича Дмитрий и знамя Мина и Пожарского. Первая – свидетельство прекращения династии Рюриковичей, к которой относил себя Мамонов – прямой потомок Владимира Мономаха, а вторая символизировала народное восстание против поработителей и начало национального возрождения.

Кроме Дмитрия-Мамонова и Орлова в Орден русских рыцарей, возможно, входил и Н.И. Тургенев. Его дневниковая запись - «Все въ Россіи должно быть сдѣлано Правительствомъ; ничто самимъ народомъ»¹⁰ - часто приводимая как свидетельство умеренности его политических взглядов, может быть истолкована и в более радикальном смысле. Речь у Тургенева идет не о слепой вере в благотворность правительственных действий, а о сомнениях в республиканских добродетелях русского народа. Русский народ не просвещен и не понимает преимущества республики перед монархией. Строго говоря, Тургенев не был республиканцем в античном смысле. Идеалом политического устройства для него служила Англия, и сам этот идеал применительно к России он относил к будущему, а не к прошлому. Если для Пестеля свобода ассоциировалась с законами, а для Муравьева с их отсутствием (свобода как возможность делать, все, что не запрещено), то для Тургенева свобода ассоциируется, прежде всего, с просвещением. Государственные законы, с его точки зрения сами по себе ничего не меняют, а лишь фиксируют какие-то нормы. Если в России отменить крепостное право и ввести конституцию, то, как считает Тургенев, оно сразу же будет восстановлено конституционным путем.

Необходимо просвещение народа для того, чтобы он осознал преимущества республиканского устройства. Это просвещение должно иметь характер правительственной программы, и если надо, то не должно останавливаться перед

¹⁰ Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Дневники *Николая Ивановича Тургенева* за 1811 – 1816 годы. Т. II. СПб., 1913. С. 333.

насилием. Образцовым правителем для Тургенева является Петр I, царь-либерал, противник если не самого института крепостного права, то, во всяком случае, его наиболее бесчеловечного проявления – торговли людьми. В качестве пропаганды антикрепостнических идей Тургенев использовал слова Петра, запрещающие «продавать людей, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтъ не водится, и от чего не малый вопль бываетъ»¹¹. На этом основании Тургенев делает вывод, что «Петр I был либеральнее всех прочих императоров и императриц в сем указе»¹².

Петр I, в представлении Тургенева, не только либерал, но еще и тираноборец. Декабрист ассоциирует его с Брутом. «Новѣйшіе народы такъ исказили свои понятія о правѣ, что сами не знаютъ, гдѣ патриотизмъ, какія дѣянія принадлежать ему. Древніе передали имъ уваженіе, удивленіе къ Бруту, и они ему удивляются; но притом даже не хотятъ признавать поступковъ, похожихъ на поступки Брута, но случившихся в новѣйшіе времена. Они удивляются слѣпо по привычке Бруту но не по рассужденію, иначе бы Петръ I стоялъ въ одномъ отношеніи наряду съ Брутомъ. Мы прославляемъ патриотизмъ Брута, но молчимъ о патриотизмѣ Петра, также принесшаго своего сына въ жертву отечеству. *Voilà de conséquence!*».

Такого рода инверсия: в древнем Риме сын убивает отца во имя свободы, в России отец убивает сына во имя просвещения – для Тургенева весьма символична. В России все наоборот. В Англии правители просвещались вместе с народом и вместе осознавали необходимость гражданской свободы, в России правительство просвещается быстрее, чем народ и поэтому идеи свободы исходят сверху, встречая глухое непонимание в обществе. Явный намек на Александровское царствование. Эта параллель усиливается мрачным подтекстом: Александр I – косвенный убийца своего отца Павла I – еще один «непризнанный» Брут.

Иными словами России нужен либеральный диктатор вроде Петра I. В 1820 г. на квартире Ф. Глинки, где Пестель докладывал о формах правления, при обсуждении его доклада Николай Тургенев бросил реплику: «*Le président sans phrases*». Можно полагать, что президент в данном случае означает правителя республики с

¹¹ Там же. С. 222.

¹² Там же. С. 311

полномочиями монарха, т.е. диктатора. Имел ли в виду Тургенев кого-то конкретно? Думается, на этот счет можно высказать осторожную гипотезу.

Его близкий друг и единомышленник, один из организаторов Ордена Русских рыцарей, М.Ф. Орлов в том же 1820 г. добивается должности командира дивизии и в июне ее получает. Сразу же в письме к П.А. Вяземскому из Киева Орлов весьма недвусмысленно сожалел: «Жребий мой не слишком завиден, хотя многие может быть и завидуют. Какая бы разница, ежели б я получил дивизию в Нижнем-Новгороде или в Ярославле. Я бы был как рыба в воде»¹³. Почему в Нижнем или в Ярославле Орлов «был бы как рыба в воде», догадаться нетрудно, если учесть, что подмосковное имение Дмитрия-Мамонова Дубровицы было превращено в военную крепость с артиллерией, оставшейся еще со времен войны 1812 г., и обученными военному делу крестьянами, носящими военную форму. По компетентному замечанию Ю. М. Лотмана, «вместе с дивизией Орлова это составляло вполне реальную угрозу»¹⁴. Возможно, что это понимали не только Орлов и Мамонов. Поэтому честолюбивому генералу дали дивизию подальше от центра – в Кишиневе. Но и далекий Кишинев, когда началось греческое восстание, оказался весьма перспективным с точки зрения военного переворота местом. Это явно подогревало воинственный дух боевого генерала. Видимо, желая «полюбоваться на себя в зеркале истории», он писал А. Н. Раевскому: «У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий и 6 полков казачьих. С этим можно пошутить»¹⁵.

О том, как именно собирался «шутить» Орлов, свидетельствует весьма любопытный документ, обнаруженный С.С. Ландой в труде греческого историка Филимона. Согласно приводимым им сведениям, Орлов имел договор с руководителем греческого восстания А. Ипсиланти о том, что он со своей дивизией перейдет пограничную реку Прут и вступит в «княжества как самостоятельный начальник»¹⁶. Этот акт означал бы не просто поддержку греков. Нарушивший присягу Орлов автоматически становился мятежным генералом во главе собственной армии. Идея движения этой армии на Петербург напрашивалась как бы сама собой. И подтверждением этому служит

¹³ Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 224.

¹⁴ Лотман Ю. М. Матвей Александрович Дмитриев Мамонов – поэт, публицист, общественный деятель // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В трех томах. Таллинн, 1992. С. 318.

¹⁵ Орлов М. Ф. Указ. соч. С. 225.

¹⁶ Ланда С. С. С. Дух революционных преобразований. М., 1975. С. 170.

выступление Орлова на Московском съезде Союза Благоденствия в начале 1821 г.¹⁷. Как следует из доноса М. К. Грибовского, «Орлов, ручаясь за свою дивизию, требовал полномочия действовать по своему усмотрению, настаивал об учреждении “Невидимых братьев”, которые бы составляли центр и управляли всем; прочих разделить на языки (по народам: греческий, еврейский и пр.), которые как бы лучи сходились к центру и приносили дани, не ведая кому; о заведении типографии в лесах, даже делании фальшивых ассигнаций для доставления Обществу потребных сумм»¹⁸. Совершенно очевидно, что речь шла о крупномасштабной войне против российского правительства с использованием не только вооруженных сил, но и пропаганды и фальшивых денег. При этом с учетом документа, обнаруженного С. С. Ландой, Орлов собирался воевать как в России, так и в Европе, что также соответствовало программе «русских рыцарей».

Оппонентом Орлова неожиданно выступил Пушкин, у которого в это время появился альтернативный проект республики. Жена Орлова Екатерина Николаевна писала брату А. Н. Раевскому из Кишинева 23 ноября 1823 г.: «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек – *вечный мир аббата Сен-Пьера*. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир и что тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, с предприимчивым духом, которых мы теперь называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия»¹⁹.

Исследователи давно обратили внимание на связь этого письма с пушкинскими заметками о «вечном мире»²⁰. Как известно, Пушкин изложил идеи Ж.-Ж. Руссо, который в свою очередь пересказал многотомный труд аббата Сен-Пьера со своими

¹⁷ Чернов С. Н. У истоков освободительного движения. Саратов, 1960. С. 46-95; Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 1. М., 1955. С. 304-342; Пугачев В. В. Декабрист М.Ф. Орлов и московский съезд Союза благоденствия // Ученые записки Саратовского университета. Т. 66. 1958. С. 82-114; Ланда С. С. Указ. соч. С. 152-217.

¹⁸ Декабристы. Отрывки из источников / Составил Ю. Г. Оксман. М.; Л., 1926. С. 114.

¹⁹ Цит. по: Алексеев М. П. Пушкин и проблема «вечного мира» // Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 176 – 177.

²⁰ Томашевский Б. В. Пушкин и вечный мир // Звезда. 1930. № 7; Алексеев М. П. Пушкин и проблема «вечного мира»; См. также Рудницкая Е. Л. Миротворческая парадигма русской общественной мысли в контексте европейского Просвещения // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Международный научный коллоквиум 2-6 сентября 2001 г. Саратов, 2001.

комментариями. Запись Пушкина состоит из двух частей. Первая включает в себя три основных тезиса излагаемой проблемы. Сначала утверждается необходимость осознать смешную жестокость войны, затем – несовместимость конституционного строя и регулярных армий, и, наконец, – необходимость гильотины для людей с великими страстями и военными талантами: «La société se soucie fort peu d'admirer les grandes combinaisons d'un général victorieux». «Победоносный генерал» – это, конечно же, М. Ф. Орлов, подписавший в 1814 г. капитуляцию Парижа.

Во второй части Пушкин переходит к Ж.-Ж. Руссо и приводит его комментарий к идее вечного мира. И, наконец, поэт дает свой комментарий к комментарию Руссо. Понимая под «ужасными средствами», о которых говорит Руссо, революции, Пушкин пишет, что они стали реальностью и теперь есть возможность установить новый порядок в Европе, основанный на идеях Сен-Пьера. Но тут же поэт конструирует мнение своего оппонента, под которым нетрудно узнать Орлова: «le témoignage d'un petit garçon comme Rousseau qui n'a jamais gagné seulement un pauvre bataille ne peut avoir aucun poids». «Мелкая сошка», не выигравшая даже ничтожной битвы, это, конечно, не только Руссо, но и сам Пушкин в представлении генерала Орлова.

Их спор касается вопроса о результатах революции. Если Орлов считает, что революция должна закончиться победой нового лидера, спасителя отечества, диктующего нации свои законы, то для Пушкина этот сценарий означает не окончание революции, а лишь смену одного деспотического режима другим. Этому круговороту поэт пытается противопоставить образование принципиально нового порядка, исключающего возможности массового кровопролития. Если Орлов для достижения собственной цели рассчитывал на свою дивизию, то на что рассчитывал Пушкин?

Сам факт ожесточенных споров с Орловым говорит о том, что Пушкин свою историческую роль как-то соизмерял с ролью Орлова, и явно стремился говорить с ним на равных. О том, что поэт в этот период ощущал свою высокую миссию, говорит его неотправленное и неоконченное стихотворное послание к В. Ф. Раевскому: «Не тем горжусь я, мой певец», вписавшееся осенью 1823 г., примерно тогда же, когда и цитируемое письмо Орловой мужу. Во второй главе «Евгения Онегина», вписавшейся

также осенью 1823 г., из восьмой строфы в первом печатном издании 1826 г. были изъяты несколько строк²¹:

Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами,
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит²².

Б. В. Томашевский обоснованно связал этот отрывок со стихотворными посланиями Пушкина В. Ф. Раевскому²³. Ю. М. Лотман, конкретизируя мысль Б. В. Томашевского, отметил «намеки на тайное общество или, по крайней мере, на некоторый круг конспираторов»²⁴. Как представляется, стилистика этого отрывка позволяет точнее определить, о каком круге конспираторов идет речь. Явно имеется в виду не Южное общество декабристов и не кишиневская организация генерала Орлова. О них Пушкин писал в иной стилистической манере. Достаточно вспомнить строку «Кровавой чаши причастимся» из послания В. Л. Давыдову. В отрывке из «Евгения Онегина» доминирует исключительно мирная лексика: «друзья», «бессмертная семья», «неотразимые лучи», «блаженство». Имеются в виду люди, готовые совершить мирный нравственный переворот. Цель этого переворота в связи с занимающими Пушкина идеями вечного мира очевидна. Что касается средств, то они явно отсылают к масонской традиции.

За два года до написания этих стихов Пушкин состоял членом масонской ложи «Овидий». Сведения об этой ложе крайне скудны и уже неоднократно приводились в исследовательской литературе²⁵. Отмечу лишь один, недостаточно оцененный момент. Эта ложа объединяла декабристов и участников греческого национально-освободительного движения «Филики Этерия». Заседания ложи проходили в доме гетериста Михалки Кацики. Основателем ложи был генерал П. С. Пущин, а ее заседания

²¹ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 184.

²² Пушкин А. С. Полное собр. соч.: Т. V. С. 39-40.

²³ Томашевский Б. В. Пушкин. М., 1990. Т. 2. С. 161-162.

²⁴ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 184.

²⁵ Кульман Н. К. К истории масонства в России. Кишиневская ложа // Журнал министерства народного просвещения. 1907. № 10. С. 343-373; Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 313-321; Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 369-376.

открыл П. И. Пестель²⁶. То, что ложа «Овидий» имела ярко выраженный политический характер, сомнения не вызывает. Достаточно привести упоминание о ней в январском 1826 г. письме А. С. Пушкина к В. А. Жуковскому: «Я был массон в Киш. ложе, т. е. в той за которую уничтожены в России все ложи»²⁷. Да и участие в ней П. И. Пестеля, В. Ф. Раевского, П. С. Пущина говорит само за себя. Интересно другое. Почему декабристы, уже прошедшие на раннем этапе движения масонские ложи как школу конспирации, опять обратились к масонству на этапе формирования Северного и Южного обществ, имеющих сугубо революционные цели? К сожалению, состояние источников не позволяет даже приблизительно ответить на этот вопрос. И вполне возможно, что цели, которые преследовали в ложе «Овидий» члены тайных обществ, были различны. Нас в данном случае интересует отношение Пушкина к проблеме сочетания масонской и революционной деятельности. Ю.М. Лотман, анализируя стихотворение Пушкина «Генералу Пущину», писал: «Парадоксальное сочетание масонского “молотка” и политического призыва к свободе, комизм которого был очевиден для привычных к масонским текстам декабристов, завершалось строфой, открыто иронизирующей над попыткой одеть декабристское содержание в масонские одежды. Ясно ощутимая аудиторией масонская терминология (образ «темного града», «просвещенного» светом «братьев»-«каменщиков») комически контрастировала с образной системой первой строфы. Масонская лексика дается с отчетливой иронической интонацией. А типичный для кишиневских посланий Пушкина резкий стилиевой контраст революционно-гражданской патетики и вступающей с ней в игру иронии воспроизводит пушкинское восприятие самой ложи «Овидий» – ее сущности и ее оформления»²⁸.

Стилистическая ирония, отмеченная Ю. М. Лотманом, еще не снимает вопроса о сочетании на идеологическом уровне масонства и революции и не объясняет, почему в герои стихотворения выбран именно П. С. Пущин, а не В.Ф. Раевский или Пестель. Уподобление Пущина испанскому революционеру Квируге в первом четверостишии, на фоне уподобления М. Ф. Орлова Наполеону, имеет, как представляется, особый смысл. Главнокомандующий революционной армией в Испании Дон Антонио Квируга

²⁶ Серков А. И. Русское масонство 1703-2000. энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1017

²⁷ Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. II. С. 3.

²⁸ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. С. 374.

не повторил пути Наполеона к власти. Испанская революция привела не к военной диктатуре, а к восстановлению конституции и созыву кортесов. Квируга же фактически стал частным лицом. Таким образом, если во Франции Наполеон, свергнув конституционный орган – Директорию, стал диктатором, то в Испании офицеры Квируга и Риго свергли абсолютистский режим Фердинанда VII и тем самым способствовали установлению конституционного строя. А это, в свою очередь, в представлении Пушкина, открывало путь к установлению вечного мира в Европе. Уподобление Пушину Квируге свидетельствует, во-первых, о том, что Пушкин видел в генерале Пушине антипода генералу Орлову, а во-вторых, что масонство с его идеей мирного просвещения людей представлялось ему тем сообществом, которое способно в послереволюционный период обеспечить мирное преобразование Европы и России.

Итак, «наполеоновским» планам Орлова в сознании Пушкина противопоставлялись, с одной стороны утопические идеи аббата Сен-Пьера в их руссоистской трактовке, а с другой, – не менее утопические идеи масонского просвещения. Проект масонской республики у Пушкина мог быть противопоставлен также Священному союзу, который, по словам аббата Прадта, является, «союзом монархов против народов». Если монархи объединились, чтобы противостоять народам, то и народы должны объединиться, чтобы противостоять монархам. Масонство могло служить примером интернационального братства, а начавшиеся в 1820-х гг. европейские революции придавали ему политический смысл.

Итак, мы видим довольно разнородную картину республиканских моделей, порожденных русскими оппозиционерами 1810-20-х гг. Наиболее чистый проект античного образца отразился в «Русской правде» Пестеля. Либеральный проект, примиряющий монархию и республику на конституционной основе, выдвинул Н. Муравьев. Модель, предложенную Орденом русских рыцарей, я определил бы как имперскую республику с учетом не только личной диктатуры, но и откровенно агрессивной внешней политики. И, наконец, пушкинская версия общечеловеческой республики в условиях вечного мира, может быть рассмотрена как альтернатива всем декабристским проектам, не исключая в той или иной степени насилие и кровь при попытках их реализации на практике.

Сергей Польской

Понятия конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе на рубеже XVIII-XIX вв.

Молодые люди наши врут, болтают, ничего не понимают, и сами не знают чего хотят, понимая и *конституцию*, и либеральные правила в кривом виде, а впрочем: созрели мы достаточно, чтобы помышлять нам о *конституциях*?

В.П. Кочубей - М.М. Сперанскому. 2 ноября 1820 г.

Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885), описывая брожения дворянских умов после отмены крепостного права, замечал, что конституция «составляет теперь предмет тайных и явных мечтаний и горячих надежд дворян», однако беда в том, что люди ведущие разговоры о *конституции* вкладывают в это понятие разные значения, два из которых являются основными, *конституция* понимается или как «внутренне благоустройство», или как «представительное правление». Историк полагал, что «смешение понятия о *конституции* в этих различных значениях рождает тысячи недоразумений между правительствами и народами, в особенности между людьми, одинаково желающими добра своей родине»¹. Наблюдение Кавелина во многом релевантно и для начала XIX века, когда разные представления о *конституции* вели к разному восприятию политической реальности. Политический лексикон рубежа XVIII-XIX вв. знал несколько значений слова «конституция», которые далеко не всегда совпадали в своих значениях. Читая тексты александровской эпохи важно понимать, какие смыслы вкладывает авторы в термины «конституция» или «фундаментальные законы». Что собственно имели ввиду сам император и его приближенные, когда обменивались своими рассуждениями о «конституции»? Сложность правильного понимания политической лексики этой эпохи во многом связана с тем, что именно на поколение Александра Павловича пришлось коренные перемены в политическом языке.

¹ Кавелин К.Д. Дворянство и освобождение крестьян // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 151-152.

Действительно рубеж XVIII-XIX вв. стал «временным водоразделом» изменившим политическую лексику, пересмотр которой был связан с общей трансформацией социального порядка в эту эпоху. «Переломное время», по мнению Р. Козеллека, начинается с середины XVIII века, когда «классические топосы в корне изменили свое значение», «старые слова получили новое смысловое наполнение, которое по мере приближения к нашей современности уж становится настолько понятным нам, что не требуют перевода»². Не является исключением и понятие «конституция», которая переживает в 1780-1810-е гг. важнейшие смысловые трансформации, приближающее это понятие к его современным значениям. С *конституцией* непосредственно связано понятие *фундаментальных законов*, как замечает Оливье Бо «il est difficile de faire une histoire du concept de constitution sans le mettre en relation avec le concept voisin de *lois fondamentales*»³. Перемены, которые происходили в эту эпоху с понятиями «конституция» и «фундаментальный закон» были непосредственно связаны с общей динамикой общественно-политической лексики, и понимание указанных понятий возможно только в соотношении с другими концептами, прежде всего с понятиями - «государство», «общество», «гражданин», «свобода».

История понятий *конституция* и *фундаментальный закон* (*lex fundamentalis, loi fondamentale, Fundamentalgesetz*) в Европе и Америке изучалась в рамках *Begriffsgeschichte* и кембриджской школы.⁴ В российской историографии подобных исследований, посвященных становлению изучаемых понятий в России не так много⁵. В

² Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи в 2-х тт. Т.1 / Пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн.ред. Перевода Ю. Арнаутова. М., 2014. С. 25.

³ Beaud O. L'histoire du concept de constitution en France. De la constitution politique à la constitution comme statut juridique de l'Etat (2009) // Jus Politicum. Autour de la notion de Constitution. 2009. n° 3. - <http://www.juspoliticum.com/L-histoire-du-concept-de.html>

⁴ Stourzh G. Constitution: Changing Meanings of the Term from the Early Seventeenth to the Late Eighteenth Century // Ball T, Pocock J.G.A. (Ed.) Conceptual Change and the Constitution. Lawrence, 1988. P. 35–54; Mohnhaupt H., Grimm D. Verfassung. Konstitution, Status, Lex fundamentalis // Koselleck R. (Hrsg.) Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 831–862; Schmale W. La France, l'Allemagne et la Constitution (1789–1815) // Annales historiques de la Révolution française. Vol. 286. 1991. P. 459–481; Idem. Constitution, Constitutionnel // Reichardt R., Lüsebrink H.J. (Hrsg.) Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820. H. 12. München, 1992. S. 31–63; Beaud O. L'histoire du concept de constitution en France. De la constitution politique à la constitution comme statut juridique de l'Etat (2009) // Jus Politicum. Autour de la notion de Constitution. 2009. n° 3. - <http://www.juspoliticum.com/L-histoire-du-concept-de.html>

⁵ См.: Макаров А.Н. Учение об основных законах в русской юридической литературе XVIII и первой половине XIX вв. // Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. Петроград, 1922. С.

докладе мы попытаемся рассмотреть семантические изменения двух названных «ключевых понятий» на рубеже XVIII-XIX вв. и выяснить каким образом эти европейские концепты адаптируются и используются в политическом языке александровской эпохи.

1. Понятия конституция и фундаментальные законы в контексте европейской политической мысли XVII-XVIII вв.

Современное политическое понятие *конституция* связанное со своим юридическим синонимом *фундаментальный закон* формируется сравнительно недавно⁶. Еще три века тому назад *конституция* употреблялась в юридическом, финансовом, религиозном, медицинском, физическом, астрономическом, но отнюдь не в политическом смысле. Если заглянуть в толковые словари XVII- начала XVIII века употребление понятия конституция прежде всего было связано с медициной или юриспруденцией⁷. Латинское существительное *constitutio* восходит к глаголу *constituo* (ставить, помещать, устанавливать), и соответственно, оно употребляется в значении – *установление, учреждение*. Вслед за Цицероном, Квинтилианом, авторами кодекса Юстиниана термин используется в средневековой Европе в смысле некоего

370-381; Омельченко О.А. К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в. // Омельченко О.А. Власть и Закон в России XVIII века. Исследования и очерки. М., 2004. С. 111-141; Тимофеев Д.В. Конституция в России первой четверти XIX века: поиск ориентиров политического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 23-32; Польской С. В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2-х томах / Науч. ред.: А. И. Миллер, Д. Сдвижков, И. Ширле. Т. 1. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 94-150.

⁶ Большинство современных словарей трактуют *конституцию* как «основной закон государства, определяющий основы общественного и государственного строя, систему государственных органов, права и обязанности граждан». См.: Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. М., 1993.

⁷ В первом издании *Словаря Французской Академии* говорится о конституции как о некоем установлении (*établissement*), причем скорее финансовом, оформленном определенным правовым актом (рента, пенсия). Как пример словоупотребления приводится фраза: «Он имеет сто тысяч ливров конституций» (*Il a pour cent mille livres de constitutions*). Затем речь идет о конституции как о законе, ордонансе, регламенте (и заметим, снова во множественном числе: «Эта республика, этот город управляется хорошими Конституциями» (*Cette République était gouvernée par de bonnes Constitutions*). Потом идет медицинское значение комплекции, сложения человека (*Bonne, forte constitution. Il est de bonne constitution, de mauvaise constitution*), и завершает смысловое поле конституций ссылка на философов, которые метафорически употребляют термин, говоря об устройстве мира (*constitution du monde*). См.: Dictionnaire de l'Académie Française. Paris, 1694. Т. 1. P. 238.

установленного правила, юридического постановления, императорского или папского декрета. Так французы в первой половине XVIII века услышав слово *constitution*, прежде всего, ассоциировали его с папской буллой *Unigenitus* Климента XI, которая разделила французское общество на сторонников и противников янсенизма, и привела к появлению терминов «конституционалисты» (*constitutionnaires*) и «анти-конституционалисты» (*anti-constitutionnaires*), под которыми понимались противники и сторонники буллы⁸.

Как отмечает Геральд Штурц: «the term “constitution” was apparently rather a latecomer in early modern political discourse»⁹. Конституция попадает в политический лексикон во многом благодаря медицинской, а не юридической лексике. Авторы политических сочинений начинают в XVII веке использовать этот термин в метафорическом смысле, связывая «политическое тело» государства с определенной конституцией, так же как тело человека связывалось с крепкой или слабой конституцией. Конституция выступает здесь как особое сложение государственного «тела», установление определенных принципов его существования, состояние управления этого «корпуса». В подобном значении «конституция» совпадала с аристотелевской *politeia*. Однако такое терминологическое сочленение произошло только на рубеже XVII-XVIII вв. Так ранее переводчики Аристотеля использовали как эквивалент *politeia* в английских переводах - *Res publica*, *Policy*, *Commonwealth*, а во французских - *police* или *république*¹⁰. Уже в первой половине XVIII века Болингброк и Монтескье уверенно связывают понятие *полития* и *конституция*. Так Болингброк пишет в 1733 г.:

By *constitution*, we mean, whenever we speak with propriety and exactness, that assemblage of laws, institutions and customs, derived from certain fixed principles of reason, directed to certain fixed objects of public good, that compose the general system, according to which the community hath agreed to be governed¹¹.

⁸ Beaud O. L'histoire du concept de constitution en France. P. 8-9.

⁹ Stourzh G. Constitution: Changing Meanings of the Term from the Early Seventeenth to the Late Eighteenth Century. P. 84.

¹⁰ Например в переводе Луи Ле Руа, есть комментарий переводчика, объясняющий смысл *politeia* Аристотеля: «La *police* est l'ordre de la cité ès magistrats, mesmement au souverain de tous : consistant toute la république en son gouvernement». (*Les Politiques d'Aristote*. P., 1576, P. 164-165.). Тот же комментарий в английском переводе: «*Policy* is the order & disposition of the city in regard of Magistrats & specially in regard of him that hath souveraine authority over all, in whose government the whole commonweale consisteth» (*Aristotle's Politiques, or discourse of government, translated out of the Greek into French...* by Loys le Roy called Regius. Translated out of French into English. L., 1598). В первом английском переводе «Политики» с греческого (1776) была дана как «form of government».

¹¹ Dissertation on Parties // Works of Bolingbroke. L., 1809. T. 3 P. 157.

Определение Болингброка примечательно, поскольку ставит вопрос о том, что включало в себя понятие *государство* для человека XVIII века. Во-первых, оно было не отделимо от понятия *общество*, понимаемого как политическое объединение *граждан*, обладающих собственностью и наделенных определенными правами. В этом смысле *гражданское общество* (*societas, societas civilis, populus*) было эквивалентом *государства* как политической общности (*civitas, res publica*). Во-вторых, управление этим объединением граждан не рассматривали как отдельный внешний институт, а исключительно как внутреннюю систему организации этого сообщества, в котором управляемые соглашались подчиняться управляющим на основании принципа общей пользы. Таким образом *politeia* и *конституции* рассматривали до конца XVIII века как публично-правовое устройство *гражданского общества*, в старом его значении. Эта старая *узус гражданского общества и государства* разрушается в эпоху Французской революции, когда происходит разделение понятий *государство* и *общество* (наметившееся еще с середины XVIII века): *общество* становится свободным от политического господства пространством частных собственников, сосуществующих на началах свободы и равенства, между тем как *государство* начинает пониматься как отделенный политический институт¹². В этом смысле люди XVIII века еще не знали современного (буржуазного) противопоставления *общества* и *государства*, ставшего центральным для политической мысли XIX века.

При «Старом порядке» в Европе система властвования была неразрывно связана с сословным характером общества. Манфред Ридель отмечает, что

societas civilis и есть собственно, название феодально-сословного общества, то и дело встречающееся нам в политической теории XVII-XVIII веков. <...> Этим словосочетанием могло быть обозначено любое потестарное объединение людей, наделенное собственными правами (привилегиями) и законами: города, земли, королевства, княжества, графства, «малые» и «большие» владения <...> Структура понятия определялась тесным, неразрывным единством общества и власти. Базой власти являлась всегда власть над домом – будь то над «домами» (то есть династиями, родами), участвовавшими во власти, или же над именными землевладельцев, которые в совокупности своей образовывали «земство» в политическом смысле. <...> Привилегия (преимущественное право) выступала центральной категорией этого общества, определявшей политико-правовое положение индивида в нем, его принадлежность к одному из «сословий» и «владений», из которых это общество состояло¹³.

¹² См.: Ридель М. Общество, гражданское // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи в 2-х тт. Т.2. С. 93-219.

¹³ Там же. С.125-126, 127.

Однако описанный выше политический порядок, подразумевавший *договор*, как основу частных, так и публичных отношений внутри общества, часто противопоставлялся европейскими политическими теоретиками восточным деспотическим режимам, которые не знали *гражданского общества* и *договорных* отношений. Поэтому *конституция* была возможна там, где подданные обладали собственностью и частью властных полномочий, а не являлись сами собственностью деспота. Для европейских путешественников XVII-XVIII вв. *Московия* или *Турция* была примером подобной варварской формы господства¹⁴.

Еще в XVII веке *конституция* была редким гостем в политических трактатах, куда более часто встречалось понятие *leges fundamentalis*, выступавшее как важнейший концепт политического права раннего Нового времени. Так, во Франции термин *lois fondamentales* начинает употребляться с 1576 года вместо *anciennes lois du Royaume*, в Англии понятие *fundamental law* соотносится с *Великой хартией вольностей* с начала XVII века. В Германии *Fundamentalgesetz* впервые упомянуты в *Regierungsform* Померании 1634 года, впрочем, еще в 1591 году Фридрих Прукманн, канцлер курфюрста Бранденбургского, утверждает в своем *Paraphus solute potestas*, что Салический закон есть «*lex fundamentalis florentissimi Galliae regni*». Наконец, общим местом при описании Священной Римской империи было упоминание ее *constitutions et leges fundamentalis*, под которыми прежде всего подразумевалась *Золотая булла* 1356 года, Аусбургский и Вестфальский трактаты.¹⁵ Как отмечает Вольфганг Шмале, на протяжении XVII–XVIII веков в Германии определение понятия *конституция* вызывало меньше проблем, чем во Франции, поскольку до Французской революции под

¹⁴ Адам Олеарий рассуждал по поводу формы правления «Московии» (1647): «Что касается русского государственного строя, то, как видно отчасти уже из вышеприведенных глав, - это, как определяют политики, "*monarchia dominica et despotica*". Государь, каковым является царь или великий князь, получивший по наследству корону, один управляет всей страной, и все его подданные, как дворяне и князья, так и простолюдины, горожане и крестьяне, являются его холопами и рабами, с которым он обращается как хозяин со своими слугами. Этот род управления очень похож на тот, который Аристотелем изображен в следующих словах: "Есть и иной вид монархии, вроде того, как у некоторых варваров имеются царства, по значению своему стоящие ближе всего к тирании". Если иметь в виду, что общее отличие закономерного правления от тиранического заключается в том, что в первом из них соблюдается благополучие подданных, а во втором личная выгода государя, то русское управление должно считаться находящимся в близком родстве с тираническим». См.: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 1996. С. 225.

¹⁵ *Oestreich G.* From Contractual Monarchy to Constitutionalism // *Collins J.B., Taylor K.L.* (Ed.) *Early modern Europe: issues and interpretations.* Oxford, 2006. P. 324.

конституциями здесь понимали неизменный корпус *фундаментальных законов* Империи.¹⁶

В политико-правовой мысли до середины XVIII века *конституция* и *фундаментальные законы* не были непосредственно связаны друг с другом. Если *конституция* подразумевала форму правления, то *фундаментальные законы* соотносились с договором между управляющим и управляемыми или ассоциировались с обычным правом (*ancient Custom, Coutume établie*). Юристы того времени относили практически все европейские монархии к основанным на праве узуфрукта, т.е. являющимися договорными по своему характеру, в чем видели их существенное отличие от деспотий. Так, Гуго Гроций констатирует в *De Jure Belli ac Pacis* (1625), что в Европе «государи ныне по большей части владеют государством не на вотчинном праве, но лишь на праве узуфрукта».¹⁷

Однако на протяжении XVIII века семантика данных концептов начинает постепенно трансформироваться. Шарль Луи Монтескье в своем *Духе законов* (1748) придает слову *конституция* значение политического концепта, используя его в значении *politeai* Аристотеля, только применяя его не к городу, а государству в целом.¹⁸ В то же время Монтескье делает важнейший шаг в определении *фундаментальных законов*, в частности для монархического правления. Как известно, в его концепции наличие неперменных законов, закрепляющих права сословий, есть главное отличие монархии от деспотии. Это определение «истинной монархии» становится ведущим в политической литературе XVIII века. Фактически он рассматривает *конституцию* как систему государственного устройства, определяющую не только законы, но и социальную жизнь. В этом отношении, несмотря на все свои теоретические разногласия с Монтескье, Жан-Жак Руссо использует то же понимание *конституции* в *Общественном договоре* (1762). В том же смысле Жан Луи Де Лольм в *Constitution de*

¹⁶ Schmale W. La France, l'Allemagne et la Constitution. P. 468 («En Allemagne, la notion de constitution faisait moins de problème qu'en France [...] La raison en est simple, parce que le signifié ne faisait pas de doute: un corpus de lois fondamentales comme la Bulle d'Or de 1356, la paix de la religion d'Augsbourg, la paix de Westphalie de 1648 [...] formaient, sans nul doute, la constitution de l'Empire»).

¹⁷ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 773 (кн. III, гл. XX, § V).

¹⁸ Как отмечает Оливье Бо, *конституция* в политическом значении была для французов XVIII века неологизмом и англицизмом, заслуга Монтескье в том, что он «a élevé le mot de *constitution* à la dignité du concept, et il l'a fait en lui faisant endosser un sens désormais proche de l'ancienne *politeai* [...] Assimilée à la *politeia* d'Aristote ou de Polybe, celle-ci acquiert un sens politique: elle désigne le mode d'agencement ou d'organisation des pouvoirs à l'intérieur de l'Etat. Montesquieu partage cette conception dans la mesure où, transposant la Cité à l'Etat, il use du mot de constitution pour qualifier la forme d'organisation de l'Etat» (см.: Beaud O. L'histoire du concept de constitution en France).

l'Angleterre (1770) понимает английскую конституцию как исторически сложившуюся систему управления (*systems des Gouvernements*), не уходя далеко от смысла, который вкладывали сами англичане в свою конституцию.¹⁹

Важнейшее изменение в понимании конституции вносит в середине XVIII века Эмер де Ваттель (Emer de Vattel (1714–1767), чей труд *Право народов, или принципы естественного закона* (1758) оказал существенное влияние на восприятие конституции среди американских и французских революционеров конца века. Ваттель одним из первых формулирует четкое политическое определение конституции:

Основной регламент, определяющий образ Публичной Власти, должен быть выражен в Конституции Государства. В ней представлены: форма, в которой Нация выступает в качестве Политического тела, как и посредством кого Народ должен быть управляем, какие имеют права и обязанности те, кто управляют. Эта Конституция – не что иное, как установление порядка, в котором Нация предполагает трудиться сообща для достижения авантажей, ради коих и учреждается Политическое Общество.²⁰

Для Ваттеля принципиальная роль в создании конституции принадлежит нации. Он концептуально объединяет понятие конституции и фундаментальных законов, фактически Ваттель дает первое современное юридическое определение конституции как совокупности основных законов:

Законы суть правила, установленные Публичной Властью для соблюдения в Обществе. Все они должны согласоваться с благом Государства и Граждан. Законы, созданные непосредственно для общественного блага, суть Законы Политические [...] одним словом, они совпадают с формой Конституции Государства и являются Фундаментальными законами.²¹

Таким образом, Ваттель совершил теоретический прорыв в понимании конституции, который вел к созданию первых писанных конституций. Исследователи полагают, что *Право народов* оказало значительное влияние на «отцов-основателей» США, в частности на конституционные идеи Томаса Джефферсона. Хотя еще накануне Французской революции Жан Батист Рене Робине (1735–1820), используя определение Ваттеля, говорит о конституции для всех форм государственного правления. В *Универсальном словаре нравственных, экономических, политических и дипломатических наук* прослеживается эволюция от старого широкого к узкому

¹⁹ [De Lolme J.L.] Constitution de l'Angleterre ou État du gouvernement anglais comparé avec la forme républicaine et avec les autres monarchies de l'Europe. Amsterdam, 1771. P. 246.

²⁰ Vattel E. Droit des gens; ou, Principes de la loi naturelle appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains. Vol. 1. Londres, 1758. P. 31 (chapt. III, § 27).

²¹ Ibid. P. 32. (chapt. III, § 29).

современному значению *конституции*: «Слово конституция означает в самом общем понимании установление чего-либо. В Политике и Праве народов под Конституцией государства понимается *фундаментальный регламент, который определяет способ, каковым должно осуществлять публичную власть*»²². Здесь же Робине ставит знак равенства между *фундаментальными законами и конституцией*. Хотя, согласно Робине, как и большинству авторов его эпохи, *конституции* имеются у всех государств, в том числе монархических, и различаются в зависимости от формы правления. Робине даже в России обнаружил *фундаментальные законы*, несмотря на деспотический характер правления: «Все *фундаментальные законы*, насколько известно, сводятся здесь к одному, что предписывает суверену исповедание греческой религии, и к другому, что запрещает разделять свое Государство: впрочем, последний существует только в традиции, а первый мы найдем только в *Тестаменте* Екатерины I».²³

Накануне французской революции аббат Габриель Бонно де Мабли (1709–1785) выступил против абсолютизации понятия *фундаментальные законы*. В своем трактате *Об изучении истории* (1783) он подверг критике саму идею *фундаментальных законов*. Утверждал, что законы рано или поздно устаревают, он заключал, что они нуждаются в изменениях в соответствии с духом времени, а значит, идея «неизменных» законов – сама по себе порочна. Всюду, где нет деспотизма, народу принадлежит право отменять старые законы и создавать новые.²⁴

Революционные потрясения 1770–1790-х годов сыграли важнейшую роль в изменении политической терминологии. Появившиеся в результате Войны за независимость американские конституции штатов – это, прежде всего, уставные грамоты, где описаны форма правления штата. Принятая в 1787 году *Конституция* Соединенных штатов Америки фактически подразумевала установленную форму правления.²⁵ В своем понимании *конституции* американские революционеры, вслед за Ваттелем, объединяют понятия *фундаментальных законов и конституции* и еще более резко подчеркивают определяющее значение Нации в создании конституции,

²² Dictionnaire universel des sciences morale, économique, politique et diplomatique, ou Bibliothèque de l'homme-d'état et du citoyen. T. 14. Londres, 1780. P. 56.

²³ Dictionnaire universel. T. 28. Londres, 1783. P. 24.

²⁴ De l'étude de l'histoire // Oeuvres complètes de l'abbé de Mably. T. 12. A Lyon, 1796. P. 296.

²⁵ Так, конституция Северной Каролины (1776) названа «Constitution, or Form of Government», полное название Конституции Массачусетса (1780) «Constitution, or Form of Government for the Commonwealth of Massachusetts», а в самом тексте конституция выступает как синоним формы правления – «Constitution of Government» (см.: <http://www.modern-constitutions.de>).

поскольку не правительство создается конституцией, а конституция создает правительство.²⁶

Писанные американские *конституции* сыграли решающую роль для семантического перехода и во Франции, где в дискуссиях 1788–1789 годов по поводу *конституции* сталкиваются два ее понимания: старое, как формы правления, которое защищают сторонники короля и сословных привилегий, и новое революционное, где *конституция* понимается как акт, дарующий равные права и свободы гражданам и устанавливающий новую форму правления. Французские революционеры настаивают, что Франции нужна *конституция*, которая дала бы общегражданские свободы, обеспечила бы возможность «Нации» выразить свою волю, они утверждают, что *конституции* во Франции нет и ее надо создать. Это заявление вызывает возмущение сторонников *Ancien Régime* и старого значения *конституции*. В ответ на революционные памфлеты они выпускают брошюры с доказательствами давнего существования *конституции* во Франции. Придворный историограф Жакоб Николя Моро, создает трактат *Изложение и защита нашей монархической французской Конституции* (1789), где с гневом восклицает: «Множество книжиц [...] содержат в себе сие ужасающее высказывание: *Франция еще не имеет вовсе конституции*. Из чего заключают, и весь свет сие повторяет, что должно воспользоваться оказией и дать ей наконец оную».²⁷ Но противники «монархической конституции» усматривают материальные причины, которые двигают ее защитниками и яростно нападают на сторонников сословных привилегий:

Нам не прекращают твердить о *Конституции*: слово сие соединило все Привилегированные Сословия, они хотят этим словом заткнуть нам рот. Угрожать их Привилегиям – вот что значит ниспровергнуть *Конституцию*, как если бы смысл Монархической Конституции был только в том, чтобы существовали Привилегированные Сословия.²⁸

²⁶ Томас Пэйн, оспаривая Э. Бёрка, дает следующее определение конституции: «*A constitution is a thing antecedent to a government, and a government is only the creature of a constitution. The constitution of a country is not the act of its government, but of the people constituting a government*» (Rights of Man: Being an Answer to Mr. Burke's Attack on the French Revolution. (2nd edition) by T. Paine. London, 1791. P. 56–57). Отметим, что данное определение конституции у Пэйна во многом связано с наделавшим шума в 1789 году трактатом аббата Сийеса и частично повторяет его дефиниции.

²⁷ Exposition et défense de notre Constitution monarchique Française / Par M. Moreau. Vol. 2. Paris, 1789. P. 190.

²⁸ De l'organisation d'un état monarchique, ou Considérations sur les vices de la monarchie Française & sur la nécessité de lui donner une Constitution. Paris, 1789. P. 5–6.

Одним из первых в ходе этих дискуссий 1788–1789 годов приходит к современному пониманию *конституции* Эммануэль Жозеф Сийес в своем знаменитом публицистическом сочинении *Что такое третье сословие*, которое вышло в январе 1789 года. В его пятой части аббат Сийес дает собственное определение *конституции*:

*...что следует понимать под политической конституцией общества и каковы должны быть ее отношения к самой нации. Невозможно создать учреждение для какой-нибудь цели, без того чтобы не дать ему определенные организацию, формы и законы, согласно которым оно должно выполнять функции, которые хотят ему поручить. Это и есть так называемая конституция данного учреждения. Без нее оно существовать не может. Очевидно, что любое правление должно иметь свою конституцию.*²⁹

Здесь Сийес использует идеи Вателя и американских конституционалистов, но идет дальше своих учителей. Он уточняет и формулирует определение *фундаментального закона*, которым, по его мнению, и является *конституция*, далее он уже объединяет эти понятия и ведет речь о *конституционных законах*:

*Сии законы именуется фундаментальными не в том смысле, что оные могут быть независимыми от воли нации, но потому, что учреждения, существующие и действующие благодаря им, не вправе их изменять. В каждой своей части конституция не есть создание власти учрежденной, но власти учреждающей. Ни одна выбранная власть не может ничего изменять в условиях ее избрания. Только в этом смысле конституционные законы носят название фундаментальных. Первые законы, которые учреждают законодательное собрание, основаны на воле нации до всякой конституции; они образуют ее первую ступень.*³⁰

Мы видим, что Сийес отразил уже сложившееся к началу революции современное понимание *конституции* как акта устанавливающего права нации и в то же время закрепляющего государственную систему, основанную на народном представительстве. Таким образом, *конституция* – это фундаментальный «неизменный» закон для тех, кто, следуя воле нации, создает и исполняет конкретные законы, а не для самой нации, которая вольна изменить *конституцию*.

Точки над «i» в дискуссиях о *конституции* расставила *Декларация прав человека и гражданина*, принятая Учредительным собранием 26 августа 1789 года и положившая начало формированию первой писаной *конституции* во Франции. *Декларация* 1789 года утверждает, что «все общества, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции» («XVI. Toute société dans laquelle la

²⁹ [Siyès E.J.]. Qu'est-ce que le Tiers-État. Paris, 1789. P. 74.

³⁰ Ibid. P. 76.

garantie des droits n'est pas assurée, ni la séparation des pouvoirs déterminée, n'a point de constitution»³¹. Понимание *фундаментального закона* как неотъемлемого атрибута монархического правления, теряет свое значение, и *loi fondamentale* становится синонимом конституции в революционной Франции. Более того, по мере радикализации революционного движения и развития дехристианизации, *конституция* начинает замещать религию. Вольфганг Шмалле отмечая, что на *конституцию* переносятся некоторые функции религии, цитирует речи и газетные статьи 1793-1794 гг., в которых это понятие принимает новые смыслы: «Une constitution doit être le catéchisme du genre humain...», «... presque partout la Constitution remplace le culte... la Constitution nous conserve tout ce que les religions avaient de bon : la morale»³². Французские революционные конституционные акты (*Декларация прав человека и гражданина* 1789 г., *Конституции* 1791, 1793, 1795 гг.) вскоре стали образцовыми и явились основой для проектов писанных конституций первой четверти XIX века. Но вместе с тем утопическая вера в спасительную силу *конституции* в деле преобразования общества, ослабевая у французов, распространяется по всей Европе.

Таким образом, в политическом и правовом дискурсе понятия *конституция* и *фундаментальные законы* в XVII–XVIII веках имели разные коннотации: *конституция* прежде всего описывала форму правления, а *фундаментальные законы* – исторически сложившиеся правовые обычаи, ставшие нормой политического права. Идея о том, что *конституция* непосредственно может быть выражена в *фундаментальных законах* или сама есть *фундаментальный закон* государства, была отчетливо высказана в середине XVIII века Э. де Ваттелем, но окончательное закрепление семантической общности терминов произошло только в 1780–1790-е годы прежде всего у американских и французских публицистов накануне Революции. Причем самое радикальное понимание *конституции* в XVIII веке не только объединяло ее с понятием *фундаментального закона*, но и требовало закрепления в последнем гражданских прав и свобод, а также их гарантий. Впрочем, такое осмысление, появившееся в конце века, было далеко не всеобщим, и еще достаточно долгое время вокруг *конституции* шла «война перьев» и продолжалась борьба между разными пониманиями этого концепта.

³¹ Constitutions des principaux états de l'Europe et des États-Unis. T. 3. Paris, 1791. P. 350.

³² Schmale W. La France, l'Allemagne et la Constitution (1789–1815). P. 467.

2. Конституция и фундаментальные законы в России XVIII века

Вследствие растущего интереса к европейской политической мысли русская образованная «публика» активно знакомится с новыми западными концепциями, которые оказывают значимое влияние на становление отечественной политической теории. Благодаря переводу сочинений различных европейских политических мыслителей в русском языке не только появляется, но и постепенно усваивается понятие *фундаментальные законы*, а вместе с ним и термин *конституция*. Однако, *конституция*, несмотря на свое раннее проникновение в русский политический лексикон, долгое время находится в тени *фундаментальных законов* и редко становится частью дискурсивных практик русских пишущих «политиков» вплоть до конца XVIII века.

Оригинальные сочинения русских авторов XVIII века, в которых использовались понятия *конституция* и *фундаментальные законы*, были связаны, прежде всего, с элитарным политическим дискурсом. Прежде всего, мы найдем данные термины в литературе государственных проектов, в записках и публицистических сочинениях, написанных для узкого круга дворянской образованной элиты, связанной с высшей государственной службой. Причем активное использование изучаемых концептов приходится на вторую половину XVIII века, что свидетельствует об их сознательной и успешной адаптации именно в этот период. В первой половине XVIII века эти термины встречаются довольно редко в русской политической сочинениях.

Во многом подобное пренебрежение понятием *фундаментальные законы* было связано с официальной позицией самодержавия и его идеологов, не приветствовавших идею какого-либо ограничения воли монарха. Более чем определенно по этому поводу высказался Феофан Прокопович в *Правде воли монаршей* (1722), где он утверждает, что так как «всяк самодержавный Государь» обладает «маестатом» (то есть суверенитетом), то он «человеческого закона хранить не должен, колми же паче за преступление закона человеческого не судим есть: Заповеди же Божия хранить должен, но за преступление их токмо богу ответ дать, а от

человек судим быти не может».³³ Монарх не подвержен никакому закону, соответственно, он не должен соблюдать законы «основательные», подразумевавшие сохранение традиционного права, на которое и посягал Петр Великий своими реформами, будучи заказчиком и, возможно, соавтором Феофана.

В недавно вышедшей статье Лоренц Эррен утверждает, что «Правда воли монаршей» явилась своеобразным «*фундаментальным законом*»³⁴, полагая, что функции этого текста выходили за рамки простого объяснения и предполагала введение «правовых норм», которые не содержались в Уставе 1722 г. В частности он, вслед за Энтони Лентиним считает, что обозначение в «Правде» постановления о престолонаследии 1722 года как «Главного Устава» следует понимать как «фундаментальный закон»³⁵. Э. Лентин ссылается на немецкий перевод 1724 года, где «Главный Устав» переводится буквально как *Haupt Verordnung*³⁶, однако переводчик здесь буквально передал русский термин, никоим образом не отсылая читателя к уже широко распространенным в немецкой юридической и политической литературе этого времени концептам *Grundgesetz* и *Fundamental-Gezetz*³⁷. В «Правде» все же имеется отсылка к термину «фундаментальный закон», но Устав 1722 г. с ним никак не связывается, поскольку понятие *lex fundamentalis* дается автором через его отрицание. Феофан говорит, что в принципе для суверенного государя (*самодержца*) не может

³³ Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. СПб, 1722. С. 22.

³⁴ Erren L. Feofan Prokopovich's *Pravda voli monarshei* as Fundamental Law of the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 17, 2 (Spring 2016): 333–360.

³⁵ Lentin A. Peter the Great: His Law on the Imperial Succession in Russia, 1722 : the Official Commentary. Oxford, 1996. P. 17.

³⁶ *Das Recht der Monarchen*. S. 1. Э. Лентин так же ссылается на Г. Ф. Миллера, который писал, что Петр был волен назначить наследника, следуя «la constitution fondamentale de l'empire» (Lentin A. *Peter the Great*. P. 78). Но Миллер имел ввиду вовсе не Устав 1722 г., а политическое устройство государства (*la constitution*) как неограниченной монархии.

³⁷ Оба термина были широко употребимы с середины XVII века, более распространенным был *Fundamental Gesetz*, но и *Grundgesetz* так же часто встречается. К примеру, в трагедии Андреаса Грифиуса «Карл Стюарт»: «*indem er [der könig] sich nunmehr zum sterben fertig macht / vor recht und grundgesetz*» (Gryphius A. *Carolus Stuardus*, trauerspiele // *Andreae Gryphii Freuden-und Trauer-Spiele auch Oden und Sonnette*. Leipzig, 1663. s. 366). При этом никто бы не мог перепутать *Grundgesetz*, и даже *gesetz*, с *verordnung*, говоря современной терминологией *verordnung* это даже не закон, а подзаконный акт, постановление, которое регулирует нормы в рамках закона. Так же как и автор «Правды», ее переводчик на немецкий сознательно избегает употребления *Fundamental Gesetz* и *Grundgesetz*, по вполне очевидным причинам.

существовать закон определяющий порядок наследия, поскольку: «человеческий бо закон о сем не может быти, понеже явственно показалося, что самодержцы законам человеческим не подлежат: закона же божие на сие не обретаем»³⁸. То есть право наследования не определяется ни человеческим законом, ни божественным.

Феофан все же знает о существовании понятия *«фундаментальный закон»*, но не называя его прямо, указывает на его происхождение и особенности функционирования. Фундаментальные законы, в том числе определяющие наследование престола, возможны только в «непрямой монархии», то есть в ограниченной. Речь о них заходит в связи с обсуждением вопроса, о невозможности отмены народом «своей воли», выраженной при заключении первоначального договора. Народ не может разорвать этот договор, делегировавший власть суверену. Феофан утверждает, что вследствие этого народ должен терпеть «монарха своего нестерпимое, и злонаравие», но есть одно исключение: «разве бы при первого Монарха избрании, были *положенные некие договоры*, самого Монарха соизволением, или и клятвою утвержденные, которых за неисполнение, уставлено бы Монарха оставляти»³⁹. В данном случае *«положенные некие договоры»* - эвфемизм, поскольку, скрывающиеся за ним *фундаментальные законы* для автора почти политически неприличное слово, так как закон для него в принципе не может быть фундаментальным, то есть связывающим каким-либо образом волю суверена. Отсюда и определение подобной монархии как «непрямой», она «весьма не таковая, о яковой нам слово сие», то есть не имеющая суверенитета, «Маестата» в понимании Прокоповича. Здесь он фактически описывает, ровно то, что произвели «верховники» в 1730 году, заставив Анну Иоанновну подписать договор (корона в обмен на выполнение «кондиций»), за неисполнение условий которого она соглашалась с тем, что «лишена буду короны российской»⁴⁰. Анна фактически лишалась «суверенства», а «прямая» монархия становилась «непрямой». Соответственно «Кондиции» и «Форма правления», составленные Верховным тайным советом, равнялись фундаментальным законам государства. Прокопович естественно не мог принять подобного отчуждения самодержавной власти («суверенства») от личности монарха.

³⁸ *Правда воли монаршей*. С. 25.

³⁹ *Правда воли монаршей*. С. 32.

⁴⁰ Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января - 25 февраля 1730 года: События, люди, документы. М., 2010. С. 36.

После «затейки верховников» вопрос о *фундаментальных законах* вновь поднимается только во второй половине XVIII века, когда правительство Елизаветы Петровны и Екатерины II берет на вооружение «монархическую риторику», предполагающую наличие в «истинной монархии» (*monarchie tempérée*) фундаментальных законов. Проект Ивана Ивановича Шувалова, созданный скорее всего в 1760-1761 г., предполагал «увенчать» работу елизаветинской Уложенной комиссии изданием фундаментальных законов, описывающих порядок наследования престола и закреплявших права поданных, прежде всего дворянства. В тоже время образованное дворянство активно обращается к вопросу о положении высшего сословия в монархии. Несомненно, что почерпнутая у Монтескье идея монархии, ограниченной правами сословий, оказала существенное влияние на политические взгляды дворянской элиты 1760-х годов. Свидетельством тому может служить деятельность Романа Илларионовича Воронцова, который, будучи с октября 1760 года главой елизаветинской Уложенной комиссии, попытался не просто закрепить права дворянства, но сделать их непременным законом империи. По его мнению, описание прав других *сословий* было возможно только относительно положения дворянства, поэтому центральное место в третьей части *Нового Уложения* приобретает 22 глава, где права «благородных» становятся основой благополучия государства. В царствование Петра III отец его фаворитки выступил инициатором отмены обязательной службы дворянства, и стал, вместе с Александром Ивановичем Глебовым, автором манифеста *О даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству*, в котором присутствовало явное клятвенное обещание монарха: «Мы, Нашим Императорским словом, наиторжественным образом утверждаем, на всегда сие свято и ненарушимо содержать в постановленной силе и преимуществах, и нижепоследующие по Нас законные Наши Наследники в отмену сего в чем-либо поступить могут, ибо сохранение сего Нашего узаконения будет им *непоколебимым утверждением* Самодержавнаго Всероссийскаго престола». ⁴¹ Это клятвенное обещание стало *фундаментальным законом*, ограничивающим власть

⁴¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 15. СПб., 1830. С. 914, № 11.444 (18 февраля 1762 г.: О даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству). В подлиннике проекта 22 главы третьей части *Уложения* выделена в черную рамку фраза о том, что вольность дворянства будет непременным правилом для монарха и «ниже преемники Наши по Нас вотмену сего в чем либо поступить могут: ибо сохранение онаго будет им непоколебимым утверждением самодержавнаго Всероссийскаго престола» (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Ч. II. Л. 381).

монарха в отношении прав подданных⁴². Но наряду с собственно дворянской «вольностью» это ограничение политической воли государя не устраивало Екатерину II, которая 11 февраля 1763 года заявила Комиссии о вольности дворянской, что дворянство «сохраняется при полученной свободе» и она даже согласна подтвердить все, что «помянутое собрание придумает к умножению в России дворянской свободы», но только бы «самодержавная власть в российском государстве, которую империя издревле управляется, в своей силе оставалась».⁴³

Екатерина II в 1762 году активно использовала риторику изобличения самовластья и утверждала необходимость соблюдения твердых законов самим монархом в манифесте 6 июля 1762 года, который подробно объяснял подданным причины низложения ее супруга.⁴⁴ Автор манифеста обвиняет Петра Федоровича в том, что он преступил традиции страны, посягнув на православие, «презрел он и законы естественные и гражданские» и, таким образом, перестал быть самодержавным (*monarque*) властителем, а стал самовластным (*despote*): «и он возмечтал о своей власти Монаршей, яко бы она не от Бога установлена была, и не к пользе и благополучию подданных своих, но случайно к нему в руки впала для собственного его угождения, и для того дал самовластие своему соединится с самовольным стремлением на все *такие установления в государстве*, какие только малость духа его определить могла к оскорблению народа».⁴⁵ Вступая на престол, императрица, как «истинный монарх» приносит клятву и обещает установить *фундаментальные законы* и править согласно с ними: «...здесь наиторжественнейше обещаем Нашим Императорским словом, *узаконить такие государственные установления*, по

⁴² Это прекрасно осознавали современники, так М.М. Щербатов, критикуя *Жалованную грамоту 1785 г.*, ссылался на *манифест 1762 г.* как на «*основательный закон* государства, яко в 9 пункте точно сие изображено». См.: *Щербатов М.М.* Примечания верного сына отечества на Дворянские права // ЧОИДР. 1871. Кн. 4. Ч. 5. С.9

⁴³ Цит. по: *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 201.

⁴⁴ Манифест 6 июля 1762 года // *Оснадцатый век. Исторический сборник*, издаваемый П. Бартевым. Кн. 4. М., 1869.

⁴⁵ Там же. С. 218.

которым бы правительство любезного Нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело.»⁴⁶

Утверждение, что самодержавная власть была «испроверженна» Петром III, призвано подчеркнуть, что Екатерина II восстанавливает в России монархию вместо деспотии, установленной произволом ее супруга. Скорее всего, текст манифеста был написан Григорием Николаевичем Тепловым при непосредственном участии Н.И. Панина, который на протяжении всей своей политической деятельности настаивал на введении *фундаментальных законов* в России.⁴⁷ В 1762 году Н.И. Панин, защищая свой проект Императорского совета, раскрывает понимание «непоколебимых» законов в записке, где он оспаривает замечания императрицы на проект манифеста об учреждении Совета и реформе Сената:

...каждой разумной с[ы]нь отечества признать должен, что никакая великая, особливо же Российская, империя надежнее управл[я]тся не может, как монаршеским правлением, то есть самодержавством, но из того не следует, чтоб преемник престола мог, имея законное право, без всяких границ все нарушить, что похочет [...] [и] своего самодержавного предместника *непоколебимо учрежденныя уставы*, яко то: *веру духовную, твердость и безопасность имени подданных, их разныя кондиции и состоянии*, достаточно установленную *форму правител[ь]ства*, что единственно почитается надежным ограждением престола Г[о]с[у]д[а]рева от злоключительных революций [...]. Благоразумной монарх почитает не токмо такие *Г[о]с[у]д[а]рственныя фундаментал[ь]ныя уставы*, но и простыя древния обычаи, естли оне переменою времен не обрателися в общей вред.⁴⁸

Панин, также как переводчики его эпохи, называет «самодержавством» монархическое правление, которое требует *фундаментальных законов*, как и все «благополюсованные», то есть цивилизованные, правительства. Из данного отрывка видно, что он подразумевал под *фундаментальными законами*: это не только сохранение монархического строя и православия, но и зафиксированные права сословий и неизменное сохранение «формы правительства», как «ограждение престола Государева от злоключительных революций». Собственно, такую «форму

⁴⁶ Там же. С. 222. Интересно, что в официальном французском переводе Манифеста, предоставленном дипломатическому корпусу и опубликованном в европейских газетах, прямо говорится о намерении императрицы «*raffermer les Constitutions fondamentales de cet Empire & de notre Souveraine Puissance ébranlées par les malheurs passés*». Цит. по публикации в Лейденской газете: *Pièces imprimées à Petersbourg au Senat, concernant la Révolution en Russie // Nouvelles extraordinaires de divers endroits (Gazette de Leyde). Livraison n° 69 du 27 août 1762. Supplément.*

⁴⁷ Об этом свидетельствует близкий к Н.И. Панину датский посол Гакстгаузен (Haxthausen), который сообщал 19 июля 1762 года своему двору, что манифест написан Г.Н. Тепловым, но «*Monsieur de Panin l'a corrigé et y donné la dernière main*» (цит. по: *Ransel D. The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party. New Haven; London. 1975. P. 71*).

⁴⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Д. 400. Л. 178 об.–179. Опубликовано: *Польской С.В. Неизвестная записка Н.И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета (1762–1763 гг.) // Изв. Самарского научного центра РАН. Т. 12 (38). 2010. № 6.*

правительства» Панин и пытался разработать в своем проекте Императорского совета, полагая, что наличие *фундаментальных законов* выгодно отличает монархию от деспотизма.

Уже в конце своего жизненного пути, работая над проектом «непременных законов» для своего воспитанника великого князя Павла Петровича, Н.И. Панин создает вместе с Денисом Ивановичем Фонвизиным *Введение к непременным законам*, где наиболее полно представлено понимание наставником будущего императора сути *фундаментальных законов*.⁴⁹ Н.И. Панин и его последователи предлагают цесаревичу Павлу Петровичу программу преобразований: «просвещенный и добродетельный монарх, застав свою империю и свои собственные права в такой несообразности и неустройстве, начинает великое свое служение немедленным ограждением общия безопасности *посредством законов непреложных*».⁵⁰ Это идея была близка и цесаревичу, правда, из всех непременных законов его, прежде всего, беспокоил тот, который бы устанавливал право престолонаследия.⁵¹ Поэтому во время коронации 5 апреля 1797 года он издал только акты, регулирующие преемственность престола⁵².

Екатерина II, следуя веяниям века, пыталась продемонстрировать «монархическую природу» государства Российского, где наличествуют «непременные законы». Начиная с манифеста 6 июля 1762 года, в котором дается обещание ввести таковые узаконения, она трудится над подготовкой ряда фундаментальных законов. Собственно говоря, Екатерина II отчасти исполнила свою клятву: две *Грамоты* 1785 года являются абсолютными *фундаментальными законами* в понимании XVIII века, так как они закрепляли права сословий. Другое дело, что Екатерина II не хотела или не решалась даровать какие-либо политические права и гарантии, прежде всего, дворянству, что уязвляло его идеологов. Вопрос закрепления гарантий на уже дарованные права был самым болезненным, это прекрасно осознавала сама

⁴⁹ Рассуждение о непременных государственных законах // *Фонвизин Д.И.* Собр. соч. В 2 т. Т. 2. М., 1959. С. 254–266.

⁵⁰ Там же. С. 265–266.

⁵¹ Сохранилось несколько проектов и записок, созданных Павлом в 1780-х годах. См.: Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И. Панина-Д.И. Фонвизина // *ВИД*. Т. VI. Л., 1974. С. 261–280. Павел составил в 1788 г. семейный договор, определявший порядок престолонаследия, опубликованный как Акт 5 апреля 1797 г. (ПСЗ. Т.24. № 17.910).

⁵² ПСЗ. Т.24. № 17.906 и № 17.910. В преамбуле *Учреждения об императорской фамилии* прямо говорится, что этот акт должно поместить «в числе *фундаментальных законов* Империи Нашей» (Там же. С. 525)

императрица, старательно пытавшаяся решить сложное политическое уравнение, где гарантии прав для подданных не должны были ослабить власть государя.

Императрица уделяет много места *фундаментальным законам* в опубликованном *Наказе Уложенной комиссии* (1767), а также в рукописных проектах, таких как *План гражданских законов* (1774–1775), *Коренные статьи* (1779), проектах закона о престолонаследии (1768, 1785), *Наказ Сенату* (1787)⁵³. Понимание Екатериной II *фундаментальных законов* наиболее полно раскрыто в *Наказе*.⁵⁴ Здесь она сознательно отступает от идей Монтескье и произвольно трактует его концепцию монархии. Как известно, в «монархии умеренной» Монтескье «основными законами» (*lois fondamentales*) являются сословные права и привилегии, прежде всего дворянства. Он называет сословия «посредствующие власти» (*pouvoirs intermédiaires*). В *Наказе* же под *pouvoirs intermédiaires* («власти средня») Екатерина II понимает «Сенат, коллегии и нижняя правительства», которые «премудро учредил» Петр Великий (ст. 99 *Наказа*). Поэтому «законы основание державы составляющие (*les lois fondamentales d'un Etat*) предполагают «малые протоки, сиречь правительства (*des Tribunaux*) чрез которые изливается власть Государева» (*Наказ*, ст. 20). Собственно говоря, здесь императрица подменяет сословия бюрократией, устанавливая административную вертикаль.

Важное расхождение с «первоисточником» проявилось и в вопросе об обеспечении гарантий законности: Монтескье видит эти гарантии в существовании «*Dépôt des Lois*» («хранилища законов»): органов, наделенных функцией регистрации законов и правом представления (*remontrance*) монарху в случае, если его новый указ нарушает *фундаментальные законы*. Для Монтескье *pouvoirs intermédiaires* и *Dépôt des Lois* ни в коем случае не совпадают, в *Наказе* же «хранилищем законов» считается Сенат, ранее выступавший как часть «властей средних». Эта подмена терминов была

⁵³ См.: *Омельченко О.А.* Указ.соч. С. 337-360; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 454-460.

⁵⁴ Екатерина II в набросках к *Наказу* раскрывает их содержание: «Законы фундаментальные: 1) Сохранение государства в его величии и пространстве. 2) Сохранение формы правления, установленной согласно этому величию государства. / Что же после сего наиважнейшее для граждан? Их жизнь, их преимущества и их состояние...» (цит. по: *Омельченко О.А.* Законная монархия Екатерины Второй. С. 338). В самом *Наказе* они определены как «непременные законы», которые разнятся от «учреждений временных» и указов. Следует отметить, что в латинском и французском варианте третьей главы *Наказа* встречается конституция, но в смысле учреждения, постановления (ср.: «О безопасности постановлений государственных» – «De tutione constitutionum imperii» – «De la sûreté de la Constitution de l'Etat»). См. четырехязычное издание: *Наказ Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторья, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения.* СПб., 1770. С. 12–13.

обнаружена еще М.М. Щербатовым, который в своих *Замечаниях на Наказ* прямо утверждал, что без «основательных законов», в том числе без дворянских прав, нет истинной монархии. Критика *Наказа* князем М.М. Щербатовым позволяет нам осознать важность понятия *фундаментальные законы* для дворянских идеологов XVIII века. Для них содержание и значение этого понятия было определяющим в борьбе за политические права и гарантии, которую они вели с самодержавием. Щербатов в своих замечаниях на *Наказ*, в отличие от Н.И. Панина, В.И. Крамаренкова и самой Екатерины II, под «самодержавием» понимает именно «самовластие» и «деспотичество». Если он видит желание Екатерины выдать «самодержавие» за «монаршическое правление», то он одергивает императрицу в своих заметках. Например, в примечании на статью 18 *Наказа* он замечает, что Екатерина почти полностью привела слова Монтескье из *De l'Esprit des lois* (II, 4), только забыла одну фразу «где один правит по *основательным законам*». Щербатов он комментирует: «...отложение же сего слова оказывает желание к неограниченной деспотической власти, а где есть деспотичество, тут не могут быть законы тверды, ни власти средние, подчиненные, более взирающие на изволение деспота, нежели на законы». Щербатов удивляется содержанию 19 статьи *Наказа* и пишет: «Монтескиу, тут же. Но все сие сей писатель предполагает в монархии, где государь обязан править по *основательным законам государства* [...] Но сие не в таких державах, где государь себя почитает быть превыше закону».⁵⁵

Сам Щербатов обстоятельно подходит к описанию «*основательных прав*» в своих *Размышлениях о законодательстве вообще*, где утверждает, что Россия «есть монаршического правления», «яко и сама Ея Величество в Наказе своем изъясняется», а следовательно, «монарх несть вотчинник, но управитель и покровитель своего государства, а потому и должно [быть] *некиим основательным правам*».⁵⁶ Это и есть *фундаментальные законы*, к которым Щербатов относит, во-первых, «твердое основание и положение о порядке наследства на престол», во-вторых, «хранение *владычествующей веры* и пребывание государя в оной». За этими ведущими установлениями следует краткое перечисление прочих незыблемых прав: «права издания законов, разных налогов на народ, переделания монеты», «суд и право себя защищать», наконец, «*право именованя дворянскаго*, по их разным степеням,

⁵⁵ Там же. С. 25.

⁵⁶ Сочинения кн. М.М. Щербатова. Т. 1. Стб. 391.

ненарушимо в монаршеском правлении постановлено быть должно». Щербатов не останавливается на этом, он говорит, что «надлежит иметь *хранилище законов*», каковым он полагает Сенат, но еще необходимо «оной не токмо снабдить довольно основательными государственными правами о его могуществе, но также и наполнить такими людьми в силу же основательных прав, чтоб он порученный ему залог в силах был сохранить».⁵⁷

В проектах Щербатова, как и у всех русских дворянских идеологов XVIII века, *фундаментальные законы* выступают средством консервации сословного общества и не имеют никакого отношения к современному пониманию *конституции*. В то же время эти *непреложные уставы* ввиду их отсутствия в деспотической России становятся «движущими понятиями», направленными на будущее, они наполняются целевыми смыслами. Неслучайно в финале своего памфлета *О повреждении нравов* Щербатов связывает пути выхода из коррумпированного настоящего с добродетельным монархом, дарующим «*основательные права государству*».⁵⁸ В этом состоит существенное расхождение с западной политической мыслью, для которой *фундаментальные законы* являются наследием прошлого, а не целью будущего политического развития.

Таким образом, уже во второй половине XVIII века вопрос о *коренных законах* стал поводом для полемики о путях развития России: то содержание, которое вкладывалось в это понятие различными политическими деятелями, важно для понимания их принципов и целей. Ситуация осложнилась на рубеже веков, когда старая политическая терминология начинает претерпевать существенные изменения.

3. «*Конституция*» в России начала XIX века

Французские революция внесла существенные изменения в понимание *фундаментальных законов*, а также актуализировала понятие *конституция* для русской политической жизни.⁵⁹ Вместе с разрушением *Ancien Régime*, произведшим

⁵⁷ Там же. Стб. 391–392.

⁵⁸ О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Приложение. С. 130.

⁵⁹ В эпоху Революции *конституция* проникает на страницы русских литературных сочинений. Н.М. Карамзин в *Письмах русского путешественника* (журнальная публикация 1791–1792 годов, отдельное издание 1801 года) ничего не говорит о спорах по поводу *конституции* во Франции, которые он должен был застать. Но он много пишет об английской *конституции*, под которой подразумевает,

неизгладимое впечатление на русских наблюдателей⁶⁰, меняются некогда основополагающие представления о *государстве и обществе, гражданине и подданном, праве и собственности*.

В самом начале 1800-х годов в правительственных сферах вновь ведутся дискуссии о *коренных* законах. В столкновениях старых екатерининских вельмож и «молодых друзей» императора Александра, наряду с уже знакомыми, всплывают новые смыслы и значения старых понятий. Эта скрытое от посторонних глаз обсуждение 1801–1802 годов становится своеобразным итогом развития изучаемых концептов в политическом дискурсе России XVIII века. Воспитанники елизаветинской и ранней екатерининской эпохи, затвердившие политическую теорию Монтескье и Ваттеля, столкнулись с поколением своих детей и внуков, впитавших политические идеи революционной эпохи. Подобно новомодным парижским нарядам, которые шокировали старых вельмож, новый политический язык, занесенный из Франции, рассматривался как удел «развращенной» молодежи. В этом тоне 38-летний Федор Ростопчин, бывший павловский любимец и чиновник в отставке, жаловался на «молодых людей» в своем письме к графу А.Р. Воронцову 17 февраля 1802 г.:

La race des jeunes gens est mauvaise. Ceux qui prétendaient que les costumes indécents des jeunes gens de Paris avaient perverti les mœurs n'avaient pas si grand tort dans un certain sens, et ici on trouve à chaque pas des gens d'une origine noble, dignes par leur accoutrement et leur langage d'être adoptés par Danton et Robespierre. Il faut espérer que Dieu veillera sur un pays où on l'a adoré depuis tant d'années et qu'il maintiendra et Son culte, et le pouvoir souverain.

как и Де Лольм, государственное устройство. Карамзин утверждает, что при посещении Британского музея в июле 1790 года «всего любопытнее был для меня оригинал Магны Харты, или славный договор англичан с их королем Иоанном, заключенный в XIII веке и служащий основанием их *конституции*. Спросите у англичанина, в чем состоят ее главные выгоды? Он скажет: 'Я живу, где хочу; уверен, в том, что имею; не боюсь ничего, кроме законов' [...] Они горды – и всего более гордятся своею *конституциею*. Я читал здесь Делольма с великим вниманием. Законы хороши, но их надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были счастливы [...] Итак, не *конституция*, а просвещение англичан есть истинный их палладиум. Всякие гражданские учреждения должны быть сообразены с характером народа; что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле» (*Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Избр. соч. В 2 т. Т. 1 / Сост., подгот. текста и примеч. П. Беркова. М.: Л., 1964. С. 565–566, 592*).

⁶⁰ Среди них был князь Борис Голицын, одним из первых зафиксировавший противостояние понятий *общества и государства* в своих заметках «*De l'influence des événements sur la formation d'une Constitution*» (1790). Видимо под влиянием революционных речей и памфлетов, он говорит о «*querre continuelle entre le peuple et le souverain*» во Франции, где в отличие от Англии не появилась правильная *конституция* («*D'un semblable ordre de choses il étoit impossible de voir naitre une constitution quelconque*»). См.: Голицын Б.В. О влиянии событий на Конституцию (1790). Перев. с фр. и комм. В.С. Ржеуцкого и А.В. Чудинова // Французский ежегодник 2010: Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохи Наполеона. М., 2010. С. 200.

В неоднозначной обстановке, сложившейся в Петербурге после дворцового переворота 11 марта 1801 года, лавируя среди противоборствующих придворных группировок, молодой император Александр I недвусмысленно заявил о необходимости политических реформ. «Молодые друзья» императора первоначально предлагали ему обратиться к плану преобразований, изложенных в записке, приписываемой канцлеру Александру Андреевичу Безбородко.⁶¹ Этот текст был весьма далек от «языка Дантона и Робеспьера». Автор *Записки для составления законов Российских* настаивал, что император должен править не по прихотям, а «держат в почтении и исполнении законы предков своих, и самим им установленныя, словом издавши закон свой, он так сказать, сам первый его чтит и ему повинуетя, дабы другие и помыслить не смели, что они от того уклониться или избежать могут». При коронации императора предполагалось, чтобы «Государь по изречении символа веры, произнес клятвенное обещание в таких выражениях, которыя являли б народу Его непорочное намерение царствовать во славу Империи, и во благо общественное. Таковая присяга могла бы быть в следующей силе...». ⁶² К сожалению, далее в документе идет пропуск, хотя очевидно, что «клятвенное обещание» уже предполагает определенное ограничение *фундаментальными законами*, набросок которых собственно, излагается далее в записке как описание сословных прав и привилегий, а также полномочий высших государственных учреждений. В этом смысле *Записка* не представляла ничего нового со времен первого предложения Шувалова 1760 г.

Вызванный в столицу из своего имения граф Александр Романович Воронцов при первом же свидании с императором в начале мая 1801 года слышит от него о его желании «diminuer le pouvoir souverain» и даровать России «une *Constitution* qui borne de son Pouvoir et donne droits grands». Наконец, Александр I просит известного своим гражданским мужеством Воронцова составить проект такой *Грамоты*.⁶³ Воронцов

⁶¹ Оригинал *Записки для составления законов Российских* до сих пор не обнаружен, все списки документа датируются началом XIX века и не подписаны, в самом документе присутствуют определенные анахронизмы, которые позволяют датировать его скорее 1801, чем 1799 годом. Так, например, автор говорит о предстоящей коронации и необходимости императорской клятвы во время ее, но подобное утверждение в 1799 году звучит несколько странно. Собственно, единственным подтверждением авторства А.А. Безбородко являются ссылки на записку «молодых друзей». Можно предположить, что сохранившиеся списки могут быть или обновленным «молодыми друзьями» конспектом записки, или комментариями неизвестного лица по ее содержанию.

⁶² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 400: О внутреннем управлении России. Т. 3. Л. 15 об., 16 об.

⁶³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 47. Л. 54. Воронцов вставляет в свое французское письмо это русское слово, как эквивалент Конституции, в последующих письмах, он использует нейтральное и скорее подходящее

незамедлительно сообщает об этом своему брату в Лондон: он заверяет его, что не является «un amateur du despotisme», но весьма опасается последствий столь непродуманных действий императора. Ответ Семена Воронцова был полон ужаса перед замыслом императора и апокалиптических пророчеств по поводу перемен в конституции России:

...faire des changements si essentiels dans l'empire le plus vaste de l'univers, dans une population de plus de 30 millions, dans une nation non préparée, ignorante et corrompue, et cela dans un temps où la fermentation des esprits est universelle sur tout le continent: c'est, je ne dis pas risquer, mais amener inmanquablement les troubles dans le pays, c'est amener la chute du trône et la dissolution de l'empire⁶⁴

Однако, Александр Воронцов приступает к написанию первой редакции *Грамоты*, вошедшей в историю как *Жалованная грамота российскому народу*. В составлении окончательной редакции этого документа приняли участие, кроме Воронцова, «молодые друзья» императора граф Виктор Павлович Кочубей и Николай Николаевич Новосильцев, рукой которого написана окончательная редакция *Грамоты* на французском языке, а уже в ее перевод внес стилистическую правку Михаил Михайлович Сперанский. В преамбуле этого документа без обиняков говорилось, что *Грамота* дарует России *фундаментальные законы*. Александр I должен был объявить, что «изъявили Мы волю и намерение Наше, употребить все силы и старания к благоденствию России, управляя народом [...] *коренными законами*», а затем император фактически приносил клятву: «узаконяем и обещаем Императорским Нашим словом за Нас и приемников наших, яко *коренным законом*, следующие статьи». ⁶⁵ Предполагалось, что император провозгласит *коренным законом* империи статьи *Жалованной грамоты российскому народу* во время коронации в Москве. Собственно говоря, это напоминало процедуру, приписываемую западными политическими трактатами ограниченному монархам, а также предложение из *Записки для составления законов Российских*. Как известно, император так и не решился ни на публикацию *Грамоты*, ни на «клятвенное обещание» во время коронации в сентябре 1801 года.

к «Грамоте» – «une Chartre». Когда он впервые пишет брату о Грамоте, называя ее по-французски *Constitution*, он имеет ввиду словарное «Конституция государя» (например в *Trevoix* 1771 года), то есть постановление, уложение монарха, но в данном случае – такое уложение, которое дает «коренные законы».

⁶⁴ Письмо С.Р. Воронцова - А.Р. Воронцову. 14(26) июня 1801 г. // Архив князя Воронцова. Т. 10. СПб., 1876. С. 99.

⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 637. Д. 922: Проект всемилостивейшей грамоты российскому народу жалуемой. Л. 1 об.–2.

Грамота, в частности, вызвала критику со стороны бывшего наставника императора Фредерика-Сезара Лагарпа, который еще в апреле 1801 года предлагал своему воспитаннику не следовать примеру Антонинов, которые «не основали счастье своих народов на прочных установлениях, способных удержать в рамках закона таких императоров, как Коммод, Каракалла или Гелиогобал», поэтому необходимо «сделать для Вашей нации сие великое благодеяние. Защитите ее от произвола преемников Ваших такими установлениями, при которых правительство имело бы мощь, ему потребную, а народ – надежное ручательство против тирании»⁶⁶. Но прибыв в Россию Лагарп сменил тон, уже 3 сентября 1801 г. он советовал Александру I :

Именем народа Вашего, Государь, храните со всем тщанием ту власть, которой наделены и которую употреблять станете лишь для его великого блага. Не поддавайтесь отвращению, какое абсолютная власть Вам внушает. Получили Вы эту власть в полном согласии с законами Вашей страны, а потому имейте мужество сохранять ее целиком и безраздельно вплоть до того времени, когда завершены будут под Вашим надзором все труды, необходимые для того, чтобы ей положить предел, а тогда оставите Вы себе лишь те обязанности, каковые для энергичного правления потребны⁶⁷.

Лагарп считал, что император «рожденный убересть свой народ от власти деспотической» должен реформировать судебную власть и составить кодекс законов, только после этого можно «доставить подданным благодетельную свободу гражданскую». Подобно Семену Воронцову Лагарп толкует о постепенном пути реформ и «перемене конституции», которую нельзя даровать одной *Грамотой*. В этом смысле понимание термина *конституция* братьями А.Р. и С.Р. Воронцовым и Лагарпом было еще тесно связано с политической наукой середины XVIII века, и прежде всего, с идеями Монтескье.

Эти идеи были столь же близки братьям Платону и Валериану Александровичам Зубовым, которые разработали свои «конституционные» проекты. До нас дошла анонимная записка *О коренных законах государства* (1802), традиционно приписываемая М.М. Сперанскому, хотя ее содержание противоречит идеям, развитым в последующих проектах этого государственного деятеля. Прежде всего, очевидна проаристократическая тенденциозная позиция автора, позиция никогда не бывшая близкой Сперанскому, не говоря уже о своеобразном тоне, в котором документ написан. Исследователи давно отмечали «странности» так называемых

⁶⁶ Ф.-С. Лагарп – Александру 17 апреля 1801 г. (Плесси-Пике) // Император Александр I и Ф.-С. Лагарп: Письма. Документы. Т. 1. 1782-1802. Сост., вст.ст. и коммент. А. Ю. Андреева и Д. Тозато-Риго; пер. с фр. В. А. Мильчиной. М., 2014. С.384.

⁶⁷ Ф.-С. Лагарп –Александру 3 сентября 1801 (Санкт-Петербург) // Там же. С. 397.

«ранних записок» М.М. Сперанского. Михаил Михайлович Сафонов убедительно доказал, что автором этих записок является граф В.А. Зубов, член Непременного совета.⁶⁸

Валериан Зубов выступает в записке *О коренных законах* как сторонник реализации принципов «умеренной монархии» Монтескье в России. Для него куда важнее социальное преобразование России, чем политическое, поскольку без общественных изменений невозможно установление «истинной монархии» и действие *коренных законов*. Автор записки 1802 года, следуя рассуждению Монтескье «point de noblesse, point de monarchie», утверждает: «...вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи». Он продолжает: «...при таком разделении народа в отношении к престолу, каким образом можно думать о каком-нибудь *образе правления*, о каких-либо *коренных законах*...».⁶⁹ Обратим внимание, что здесь в одной строчке соединяются старое понимание конституции (*образ правления*) и *коренные законы*, но фактически они противопоставлены друг другу. Автор записки предлагает разделить дворянство на высшее (первые четыре класса *Табели о рангах*) и низшее, затем для высшего дворянства восстановить указ 1714 года «о первородстве», а потом превратить «низшее» дворянство в простое чиновничество, лишив его дворянских прав и привилегий. Таким образом, «высший класс» сможет выступить гарантом «коренных законов».

В.А. Зубов в другой своей записке *О правах Сената* (1802) пишет: «По *настоящей конституции России*, источник, начало и конец всех сил государственных есть государь».⁷⁰ Здесь, как и в проекте *О коренных законах* мы снова видим «устаревшую», с современной точки зрения, семантику понятия *конституция*. В тоже время *коренные законы* выступают у него «движущим понятием», их реализация возможна только в будущем, как результат значимой социальной реформы, в результате которой русское дворянство приобретет характеристики «монархического дворянства» *à la Montesquieu*.

⁶⁸ Сафонов М.М. О так называемых ранних записках М.М. Сперанского // ВИД. Т. 22. Л., 1991. С. 101–117.

⁶⁹ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 239.

⁷⁰ РГИА. Ф.1167. Оп. 16. Д. 8: Записка гр. Валериана Зубова о правах Сената при всеподданнейшем письме 29 апреля 1802 года. Л.7.

Следует предположить, что первое, наиболее близкое к современному, понимание *конституции* в России артикулировал граф Павел Александрович Строганов. Он был в Париже как раз во время бурных дискуссий по поводу *конституции*, в ее подлинном значении, пришедшихся на 1788–1789 годы; он во многом впитал те идеи, которые были близки «друзьям Конституции», а не их противникам, полагавшим, что у Франции уже есть *конституция*, и никакая другая ей не нужна. Среди его бумаг, связанных с деятельностью «Негласного комитета», переплетенных в том под названием *Principes de la réforme du Gouvernement*, сохранилась записка *О состоянии нашей Конституции (De l'état de notre Constitution)*. Казалось бы, название записки вновь отсылает нас к старому дореволюционному пониманию *конституции*, но Строганов с самого начала заявляет свое ясное видение *конституции* как правового признания прав нации:

*A mon avis une Constitution est la reconnaissance légale des droits d'une nation ou les formes dans lesquelles elle peut les exercer. Pour assurer ensuite la validité de ces droits, il doit exister une garantie à ce qu'un pouvoir étranger ne puisse pas empêcher l'effet de ces droits. Si cette garantie n'existe pas, le but de l'usage de ces droits, qui est d'empêcher qu'aucune mesure du gouvernement puisse être prise à l'encontre du véritable intérêt national, ce but, dis-je, serait manqué, & alors on pourrait dire qu'il n'y a point de Constitution.*⁷¹

Последняя фраза прямо отсылает нас к статье 16 французской *Декларации прав человека и гражданина* 1789 года. Для Строганова также вполне приемлемы ведущие ценности данной *Декларации*, они должны составить и *конституцию* России: «Le bonheur des hommes consiste dans la sûreté de leur propriété & la liberté d'en faire tout ce qui ne peut pas être nuisible à autrui». Наконец, Строганов устанавливает равенство между *конституцией* и *фундаментальными законами*, предполагая, что устранение административного произвола будет способствовать сохранению собственности и свободы: «Les gardiens de ces règlements de l'administration sont *les lois fondamentales de l'État* ou, autrement dit, *la Constitution*».⁷² Но Строганов тут же заявляет, что в России уже есть некоторые элементы *конституции*, а именно установленные и используемые на

⁷¹ РГАДА. Ф. 1278: Строгановы. Оп. 1. Д. 14: *Principes de la réforme du Gouvernement*. Л. 92. Записка опубликована: Николай Михайлович, в кн. Граф Павел Александрович Строганов. СПб., 1903. Т. 2. С. 40. Перевод вел. кн. Николая Михайловича: «Конституция есть законное признание прав народа и тех форм, в которых он может осуществлять свои права. Для укрепления действительности этих прав необходимо иметь обеспечение, что посторонняя власть не воспрепятствует пользованию этими правами. Где нет такого обеспечения, которое воздерживало бы правительство от мер, противных интересам народа, там нет и конституции» (Там же. С. XI).

⁷² Там же. С. 41. Перевод: «Хранители сих административных установлений суть фундаментальные законы Государства, или, иначе говоря, Конституция».

практике права отдельных сословий. Но при этом, говорит он, полностью отсутствуют какие-либо гарантии этих прав, что, собственно, и составляет главную цель *конституции*. Поэтому он полагает, что введение таковых гарантий может привести к окончательному установлению конституционного строя в России.

Таким образом, Строганов сочетает старое понимание *фундаментальных законов*, как актов фиксирующих права отдельных сословий с новым узусом *конституции*, предполагающих закрепления прав *нации*. Только *нация* у Строгонова не представляет политического единства, поскольку разделена на сословия. Граф Строганов отнюдь не предполагал гражданского равенства в своем наброске, наоборот его *политическое общество* представляет собой сословный старорежимный порядок.

В историографии сложились самые разные оценки политической программы «Негласного комитета». Некоторые историки считали ее, вслед за перепуганными старыми вельможами, «якобинской», чуть ли не революционной, что отнюдь не верно, так как большинство членов этого «революционного комитета» не только не собирались уничтожить сословное деление общества, но и стремились к укреплению дворянских привилегий. Как кажется, изучение понимания «молодыми друзьями» *конституции* поможет нам осознать их представления о направленности реформ. Марк Раев полагал, что к началу XIX века сложилось два основных понимания *конституции*. Первое было результатом английской конституционной традиции, а также революций в Америке и Франции. Согласно этой традиции *конституция* есть:

...a written document clearly stating the sources and character of political sovereignty, guaranteeing the basic rights of all citizens, establishing the mechanism of a representative parliamentary government, and, most important, confining the executive to a position subordinate to that of the elected legislative power.

Второе понимание *конституции* было распространено в России, оно характерно для Александра I, членов Негласного комитета и позже М.М. Сперанского:

What they called constitutions should perhaps be termed 'fundamental principles of administrative organisation'. The term constitution conveyed to them the idea of an orderly system of government and administration, free from the caprices and demoralising tyranny of arbitrariness. To give Russia a constitution, therefore implied bringing clarity and order to the administration and basing the relationship between the government and the individual subject on the rule of law.⁷³

Это очень тонкое наблюдение, как кажется, верно, лишь отчасти. Действительно, «молодые друзья» не предполагали установить в России английскую

⁷³ Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia. The Hague, 1957. P. 41, 42.

или французскую конституцию, но *конституция* в их понимании не сводилась только к административной составляющей. Как доказательство подобного тезиса можно привести слова Строганова, который утверждал, что *конституция* включает в себя три части: «установление прав, их использование и гарантию оных» («l'établissement des droits, la manière d'en faire usage & la garantie»). Н.Н. Новосильцев предлагал на первом заседании «Негласного комитета» в июне 1801 года следующий порядок его деятельности:

...d'abord on devait se rendre compte de l'état actuel des choses, ensuite précéder a la reforme de ces diverses parties de l'administration et enfin couronner ces différentes institutions par une garantie offerte dans une *constitution* réglée d'après le véritable esprit de la nation.⁷⁴

Очевидно, что Новосильцев связывает *конституцию* с *esprit de la nation*, а не с административной системой, которая должна быть урегулирована до установления *конституции*, и только в последнюю очередь должна быть дарована *конституция*, закрепляющая результаты проведенных реформ. Таким образом, *конституция* для «молодых друзей» становилась еще более дальней целью, чем *основательные законы* у прожектеров XVIII века, она должна была увенчать длинную цепочку преобразований, прежде всего в области законодательства и составления нового *Кодекса законов*.

Среди бумаг Новосильцева, посвященных его работе в «Комиссии законов» в 1803–1804 годах, содержатся материалы и наброски *Кодекса законов*. Так вот, первая часть этого кодекса (1 section) озаглавлена «Constitution de l'Empire de Russie» и включает в себя не только установление прав и обязанностей императора, закон о престолонаследии и статус высших государственных учреждений (Сената и министерств), что, собственно, уже включалось в проекты *непременных законов* еще в XVIII веке, но также и права подданных в целом и сословий в частности.⁷⁵ Поэтому невозможно однозначно считать, что для реформаторов начала XIX века *конституция*

⁷⁴ Граф Павел Александрович Строганов. Т. 2. С. 61. Перевод: «Прежде всего, должно узнать насущное положение дел; затем реформировать различные части администрации, и, наконец, увенчать различные установления гарантией данной в *конституции*, основанной на истинном духе нации».

⁷⁵ При этом до сведения публики был доведен план нового свода законов: Доклад министерства юстиции о преобразовании комиссии составления законов и Выписка из поднесенных ЕИВ присутствием комиссии рапортов об успехах трудов ея. Ч.1. СПб., 1804. Здесь содержится *Главное расположение книги законов*, в котором говорится, что «Первая часть содержит в себе *Государственное Постановление*, или законы внутреннего устройства» (Там же. С. 38), во французском переводе: «La Première contient *la Constitution de l'Empire* et les lois organiques» (Там же. С. 39).

была лишь набором «фундаментальных принципов административного устройства». К тому же следует отметить, что выделенная М. Раевым первая традиция была относительно новой, даже в Америке и Франции *конституцию* связывали именно с административными формами: достаточно взглянуть на определения американских и французских словарей конца XVIII – начала XIX века или на определение *конституционных законов* аббатом Сийесом. Поэтому неудивительно, что и в русских проектах столь много места уделяется административным формам *конституции*.

В политических записках П.А. Строганова и Н.Н. Новосильцева *конституция* – это уже акт, гарантирующий права, в том числе описывающий границы государственной власти в отношении прав и свобод личности наряду с регламентацией системы государственного правления. В то же время для А.Р. Воронцова и его современников политическое понимание *конституции* и *фундаментальных законов* отличается, для них *конституция* в широком значении – это форма правления, а в узком значении – конкретное постановление государя. А *фундаментальные законы* суть неизменные установления, закрепляющие права сословий. Эта различная трактовка ключевых понятий екатерининскими вельможами и александровскими «друзьями» является индикатором их разнящихся политических дискурсов, сформированных разным образованием, культурой и историческим контекстом. Взаимное непонимание поколений выразилось в разных смыслах, вкладывавшихся, в казалось бы, одинаково звучащие термины.

Проекты М.М. Сперанского составленные по поручению Александра I, так же как и работы «Негласного комитета» оставались исключительно закулисным обсуждением *конституции* и *непременных законов*. В этом смысле «Введение к Уложению государственных законов» 1809 г. не стоит рассматривать как оригинальный труд Сперанского, а скорее как продолжение целого ряда проектов 1801-1802 гг., вызванным желанием императора «утвердить власть правительства на началах постоянных»⁷⁶. Проект 1809 г. суммировал все прежние реформаторские замыслы и представлял собой наиболее полно разработанный план реформ, включавший, в частности, идею представительства. Если сравнивать проект Сперанского с поздней *Уставной грамотой* Новосильцева, его положения отличались большей широтой и радикализмом суждений. Видимо во многом этот проект был отражением идей самого

⁷⁶ Сперанский М.М. План государственного преобразования. М., 2004. С. 177.

Александра I и фиксировал его политические представления. Примечательно, что понимание *конституции* в нем отличается от так называемых *ранних записок Сперанского* 1802-1803 гг., которые, как мы видели, ему не принадлежали, а являлись сочинениями Валериана Зубова. Интересно, что в поздних сочинениях Сперанского, где авторство принадлежит только ему самому (1820-х гг.), термин *конституция* почти полностью исчезает.

В «Отрывке о комиссии Уложения» (1802), традиционно приписываемой М.М. Сперанскому, автор утверждает, что «всякое государство имеет свою *конституцию*, и Уложение должно быть согласно с сею *конституцией*», однако далее замечает, что «всякое Уложение должно быть основано на существующих правах народа... В России должно их предполагать, ибо в самом деле они еще не существуют, хотя и много писано о них в грамотах и манифестах. В правлении самовластном не может быть Уложения»⁷⁷. В «Введении к Уложению государственных законов» (1809) мы встречаем совершенно иное понимание *конституции*, здесь Сперанский говорит о *конституции* как о писанном законе, который вводится народами или государями. То есть в России нет конституции, ее надо ввести:

Конституции во всех почти государствах устроены были в разные времена, отрывками и по большей части среди жестоких политических превращений. Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы⁷⁸.

Здесь Сперанский рассматривает *конституцию* как установление политических и гражданских прав при переходе от феодальной к республиканской системе: «Все политические превращения, в Европе бывшие, представляют нам непрерывную, так сказать, борьбу системы республик с системою феодальною». В России созрели условия для этого перехода: «настоящая система правления несвойственна уже более состоянию общественного духа и настало время переменить ее и основать новый вещей порядок»⁷⁹. Собственно *конституцию* Сперанский называет в тексте «Введения» «Государственным уложением», приравнивая к нему «коренные государственные законы». Интересно, что спустя 10 лет Александр I, при обсуждении

⁷⁷ Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 216-217.

⁷⁸ Там же. С. 341.

⁷⁹ Там же. 348.

Уставной грамоты Российской империи так же велел переводить *constitution* как *Государственное уложение*⁸⁰.

Становление публичной сферы и рост печатной продукции, в том числе развитие журналистики⁸¹, вели к быстрому распространению новой политической терминологии среди читающей публики. Активная адаптация новых политических понятий стала особенно заметна после наполеоновских войн, во второй половине 1810-х гг. Знаменитая речь императора на польском сейме в 15 марта 1818 г. стала практически сразу известна в России и вызвала самые широкие толки в русском обществе⁸². Современники полагали, что именно она способствовала широкому хождению термина *конституция* в новом значении. Так Сергей Николаевич Глинка утверждал, что «в Москве ни у кого до 1818 г. не срывалось с языка слово *Конституция*. Император Александр Первый сам пустил в ход это заманчивое слово...»⁸³. Интересно, что при этом правительство пыталось избежать ассоциаций *Грамоты* с европейскими конституциями как октроированными, так и революционными. В 1820 г. Н. Н. Новосильцев, сочиняя текст манифеста к *Уставной грамоте Российской империи*, прямо утверждает что *Грамота* не устанавливает новые положения, а лишь описывает конституцию империи, то есть *конституцию* в старом дореволюционном значении:

Уставная грамота... не вносит никакого новшества и никакого изменения в государственное устройство. Она основана на наших государственных учреждениях, она их

⁸⁰ П. А. Вяземский вспоминая о встрече с Александром летом 1820 г., по поводу подготовки перевода Уставной грамоты, писал: «Перевод слов *constitution* и *libéral* словами государственное уложение и законносвободный принадлежит самому государю». Цит. по: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. С. 182.

⁸¹ Русские журналы в начале XIX в. активно пишут и печатают конституционные акты на своих страницах. См.: Конституция Итальянской республики // Вестник Европы. 1802. Ч. II, № 5, март. С. 71–79; О некоторых выгодах Германской конституции // ВЕ. 1808. Ч. XXI, № 14. С. 183–187; Государственный устав Испанской Монархии // Вестник Европы. 1813. № 13. С. 48–67; № 14. С. 130–132; Конституция Французского королевства // Сын Отечества. 1814. Ч. 13, № X X VII. С. 193–197; Ч. 14, № XX XX V. С. 259–270; Новая конституция Франции, изданная под названием дополнительного акта к государственным конституциям // Дух Журналов. 1815. Ч. 3, кн. 20. С. 1063–1071; О конституции Норвежского государства // Вестник Европы. 1816. Ч. 88, № 16. С. 48–67; Государственное уложение Баварского королевства // Дух Журналов. 1818. Ч. 31, нояб. С. 525–572; Государственное уложение Великого герцогства Баденского // Архив исторический и политический : из Духа журналов. СПб., 1818. С. 228–260; Конституция Северо-Американских областей // Дух Журналов. 1820. Ч. 38, кн. 2. С. 73–88; Кн. 3. С. 97–116; Кн. 4. С. 157–164.

⁸² Консервативно настроенный Федор Ростопчин, полагал что «конституция» несет «свободу крепостным», но монарх посягая на права дворянства, не собирается ограничить свою власть и установить законность: «On regarde comme une constitution la liberté des paysans, qui est contre le voeu de la noblesse; mais on ne voudra pas restreindre son pouvoir et se mettre sous l'empire de la justice et de la raison». Ф. В. Ростопчин - С.Р. Воронцову. 26 января 1819 г. (Париж) // АКВ. Т. 8. С. 363.

⁸³ Глинка С.Н. Исторический взгляд на общества европейские и судьбу моего отечества // Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 118.

объединяет, развивает положенные в их основу принципы, приводит их в действие и тем самым открывает возможность ввести порядок и гармонию в различные отрасли управления⁸⁴.

Один из участников работы над *Уставной грамотой* князь П. А. Вяземский совершенно иначе воспринимал происходящее, для него *государство* уже прямо ассоциировалось с правительством, которое необходимо контролировать и *представительство* является обязательным элементом этого контроля. Рассуждая о происходящем, он писал в марте 1819 года А. И. Тургеневу:

Правительство наше, как робёнок, шалит и говорит: „Никто не увидит!“ Пора, пора приставит к нему в дядьки представительство народное; пусть дядька будет и глуповат, но все дитя будет немного помирнее. Беда только, как дядька не забудет, что он из рабов и станет на все говорить: «Ваша господская воля». Вот этого одного боюсь, а глупости меня не пугают. Мы с правительством будем играть в свои глупости, как в свои козыри: чья старше!⁸⁵

Новое понимание *конституции* быстро распространилось среди образованной русской публики, в том же 1819 году А.С. Грибоедов мог говорить: «В Европе, даже и в тех народах, которые еще не добыли себе *конституции*, общее мнение, по крайней мере, требует суда виноватому».⁸⁶ Обратите внимание: здесь *конституцию* можно «добыть», это акт, дающий права и гарантии, в то время как в XVIII веке бóльшая часть образованных людей полагала, что *конституцию* можно «переменить», но лучше этого не делать, так как *конституция* – это установленная традициями форма правления в любой стране, и ее изменение – это путь к гибели государства⁸⁷.

В конституционных проектах декабристов современные им европейские тенденции нашли свое наиболее полное выражение. В отличие от *Уставной грамоты* Новосильцева, где сословные различия сохранялись, при том, что сами сословия не имели никаких гарантий в сохранении своих прав⁸⁸, Н. М. Муравьев и П. И. Пестель в

⁸⁴ Цит. по: МIRONENKO С.В. Самодержавие и реформы. С. 197.

⁸⁵ Остафьевский архив. Т.1 . СПб., 1899. С. 204.

⁸⁶ Грибоедов А.С. Соч. / Вступ. статья, коммент., состав. и подготовка текста С.А. Фомичева. М., 1988. С. 404.

⁸⁷ К примеру такого «старого» понимания конституции придерживался Н. М. Карамзин. См.: Киселев М.А. Карамзин и конституция // Новый Мир. 2016. № 7. - http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/7/karamzin-i-konstituciya.html

⁸⁸ Глава III-я (ст. 78-98) *Уставной грамоты* предполагала введение ряда «гражданских» свобод для «всех российских подданных», которые не соотносились напрямую со всеми сословиями. Так ст. 91 гласила «Да будет от ныне на всегда российский народ иметь представительство», но при этом представительством наделялись только представители дворянства, имеющих «недвижимое имение» и «градские обыватели», записанные в «градскую обывательскую книгу» (ст. 159, 161, 166, 171).

своих проектах предполагали уничтожение сословий и введение общих гражданских свобод. Это вполне соответствовало важнейшим целям новых «республиканских» конституций – установлению гражданского равенства и охране прав человека и гражданина. Несмотря на «славянизацию» понятия конституция, слово которое оба декабриста сознательно избегают⁸⁹, они подразумевают в каждом случае - писанный основной закон, закрепляющий систему государственного управления и общие гражданские права. Никита Муравьев говорит при этом об «уставе положительного образования», а Павел Пестель называет конституцию - «заповедной государственной грамотой великого народа российского», которая должна служить «заветом для усовершенствования государственного устройства России».

Адаптация декабристами понятия конституция вела их по общему пути с правительством, поиск русского эквивалента приводил к схожим словам (*Грамота* или *Устав*). Это лексическое единство, достигнутое во второй половине 1810-начале 1820-х гг., подразумевало и схожую семантику. Александр I, и его критики, одинаково понимали под конституцией уже не любое государственное устройство, не современный аналог аристотелевской *политии*, а фундаментальный закон правового государства, определяющий его структуру и описывающий права граждан. Политическое содержание вкладываемое в конституцию разными общественными силами могло существенно отличаться, но терминологическое единство было установлено. Эти семантические изменения служили индикатором уже иной эпохи, с новыми проблемами, целями и идеалами.

Более того, конституция становилась «движущим понятием»: так же как во второй половине XVIII века дворянская элита обсуждала необходимость фундаментальных законов для сохранения безопасности и собственности в своем государстве, теперь новоявленное общество искало в конституции защиты от посягательства на свои права со стороны государства.

⁸⁹ И Н.М. Муравьев, и П.И. Пестель практически не используют термин конституция. Муравьев только на следствии в 1826 г. говорит о «проекте конституции» и о «конституционном уставе», в ранних редакциях его проекта это слово встречается только в сочетании «конституция Англии». Пестель же совсем не употребляет слово конституция.

Alsu Biktasheva

Divided Power: Tsar, Governor and the Local Society in Government Kazan

Имперский режим позволил России в XIX веке стать самой большой межконтинентальной империей. Прагматика имперского администрирования вынуждала ориентироваться на существующую этническую, социальную и конфессиональную неоднородность присоединенных территорий. Хотелось бы знать, какими способами верховная власть обеспечивала получение знаний об этих различиях, кто и как собирал интересующую информацию на локальном уровне. Иными словами, посредством каких административных практик производилась проверка и инвентаризация имперского многообразия.

Взгляд исследователя на российскую «имперскую ситуацию»¹ не с высоты птичьего полета, а с локального уровня приводит к убеждению, что Российская империя представляла собой сложно организованное административное пространство. Само наличие «многоуровневого разнообразия» земель не гарантировало появление территориально-ориентированного управления. Формирование региональной политики в Александровскую эпоху происходило постепенно, методом проб и отказа от программно-управления по выдуманным или импортируемым моделям, игнорировавшим местные различия. Началось все с предоставления политических прав Финляндии (1809), Царству Польскому (1815), но эти эксперименты не означали отказа от идеи унифицированного управления, а скорее напоминали особый режим для «окраинных» территорий. Государственная уставная грамота Российской империи (1820), известная как проект общероссийской конституции, помимо федеративного устройства провозглашала сочетание централизма государственного управления с интересами местного представительства. Больше трети статей этого документа были посвящены местному управлению, которое в соответствии с проектом Учреждения наместничеств (1816) должно было получить новое оформление. Для этого вся территория Российской империи была разбита на 12 генерал-губернаторских округов.

¹ См. подробнее: Исторический курс «Новая история Северной Евразии». Глава 8. Дилемма стабильности и прогресса: империя и реформы, XIX век // *Ab Imperio*. 2015. № 2. С. 254-264.

Подтверждением реформирования местного управления может служить начавшаяся реализация «наместнической программы» Александра I (1819), реформа М.М. Сперанского по управлению Сибири. Его «Устав об управлении инородцами», «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», Сборник общего права сибирских инородцев для Западной Сибири признавали «исключения» как правовую норму. Таким образом, при Александре I преобразования первоначально ориентированные на унификацию и универсальность управления стали детализироваться имперской реальностью.

Потребность в региональной составляющей перешла по наследству в правление Николая I. Она порождалась предшествующим административным опытом, разрозненными локальными практиками по использованию «местных своеобразий». За отсутствием желаемого баланса общегосударственного и регионального управления, правительство предпочитало обсуждать текущие территориально-административные проблемы в закрытом ведомственном формате многочисленных секретных комитетов с применением преимуществ «негласного надзора». Следует к тому же упомянуть, что отсутствие в России министерства колоний² как институции, ответственной за происходящее внутри ее территорий, проявлялось в хронической «недоуправляемости».

На мой взгляд, изучение реалий имперского администрирования возможно только при обращении к конкретно-историческому материалу. Такое убеждение появилось у меня в ходе изучения опыта казанского губернаторства, поскольку более пристальная оптика приводит к пониманию того как была организована империя изнутри. Ведь одинаковые учреждения и единые административные образования, регулирующие универсальными правовыми нормами, на местах могли значительно отличаться. Интерпретации местных специфик я черпала из ведомственной документации массовой циркуляции: материалов сенатских ревизий, губернаторских отчетов, донесений тайной полиции. Эти же тексты проходили через стол императора. Обращение к такому рода источников обусловлено их многосложностью, позволяющей

² Об этой проблеме см.: Сандерланд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperiuminterpires: роль трансферов в истории Российской империи (1700 - 1917). М., 2010. С. 105-149; Ремнев А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «Sonderweg»? // Там же. С. 150-181; Эдкинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2014. С. 240-269.

отследить потребности их структурирования, мотиваций изменения первоначальных шаблонов, матриц создаваемых инструкций, всего того, что может выдавать интересы, потребности и ожидания их создателей.

Министерские преобразования начала XIX века изменили положение российских губернаторов, превратив бывшего «хозяина губернии» в чиновника Министерства внутренних дел. Находясь официально в подчинении Сената и подвергаясь сенатским проверкам, губернаторы также были поставлены под контроль сразу нескольких министерств. Кроме того, их официальный статус оставался размытым. До принятия «Наказа гражданским губернаторам» 1837 года правовое положение губернатора регулировалось «Наказом» 1728 года³, «Наставлением губернаторам» 1764 года⁴ и «Учреждением для управления губерниями Всероссийской империи» 1775 года⁵. Практическое применение этих и прочих законов было затруднено отсутствием кодифицированного законодательства. Поскольку перечисленные регламенты не были согласованы между собой и подчас противоречили друг другу, пространство полномочий начальника губернии оставалось открытым для интерпретаций. Судя по всему, в период адаптации на русской почве министерского управления, институт губернаторства функционировал в условиях недооформленной исполнительной вертикали власти, острого дефицита профессиональных управленцев и неразвитости гражданского самоуправления.

В самом начале своего правления Александр I возобновил действие «Жалованных грамот» дворянству и городам. Был восстановлен порядок дворянских выборов⁶. К числу первых административных мероприятий следует отнести указ Сенату от 16 августа 1802 года «О непреступлении губернаторам пределов власти, назначенных им

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб. 1832. ПСЗ-1. № 5333. (Далее ПСЗ-1)

⁴ Там же. № 12137

⁵ Там же. № 14392.

⁶ ПСЗ-1. № 19790, № 19866, № 20004.

законами»⁷. Официальным поводом к созданию «ограничений власти губернатора» дали материалы сенаторской ревизии Калужской губернии⁸. Ограничение губернаторских полномочий достигалось через требование коллегиальности, согласно которой «начальствующие в Губерниях управляли бы именем Императорского Величества посредством губернских правлений, а не своим лицом». Вводились ограничения на вмешательство губернатора в судебный следственный процесс. Губернатор не должен был производить «личных» или «по своему усмотрению» расправ, только через присутственные места. Особый интерес представляет требование соблюдения сословных прав. Губернаторы не должны были вмешиваться «в дворянские и гражданские выборы» и «не домогались бы по желанию своему одних избрания, а других удаления от должностей». Им рекомендовалось воздерживаться от «пристрастных представлений к определению на места». Что касается траектории движения делопроизводства, то рекомендовалось «относиться бы не к лицам», а в учреждения, не прибегая к каким-либо «личным перепискам» и самим «подобные повеления» не принимать. В завершении император призывал своих губернаторов «следовать точной силе законов», не реагируя на «партикулярные письма первейших людей в государстве». Такое воззвание – явная дань политическому утопизму александровской эпохи.

С течением времени все эти преобразования стали проникать в жизнь губерний. Не обретя «начальствующего» покровителя в лице министра внутренних дел, гражданские губернаторы были поставлены законодателем под жесткий административный надзор Сената и внутренний надзор со стороны местного дворянства. По-видимому, данными мерами верховная власть стремилась ограничить местное бюрократическое «всевластие» и восстановить утраченный со времен Екатерины II баланс властей. Но возникшее на этой почве двоевластие между губернаторами и предводителями дворянства лишь усилило многолетние противоборства губернской администрации и представителей разных социальных групп, вовлеченных в борьбу за репутации и интересы. Попытки правового ограничения губернаторской власти проявились в конфликтах между губернским предводителем дворянства и начальником губернии.

⁷ Там же. № 20372.

⁸ Там же. № 20374.

Глубина этих институциональных столкновений не везде была одинакова, однако разрешение отдельных из них требовало вмешательства извне.

Практика радикальной «встряски» местного управления назначением ревизии Сената восходит еще к петровским временам, но до конца восемнадцатого столетия эти ревизии так и не приобрели систематический характер. В период правления Александра I сенаторские проверки становятся регулярным явлением. Они различались по срокам, целям и масштабам, но неизменным поводом для их проведения служили письменные жалобы «с мест». Они отсылались на «Высочайшее имя», в Сенат, в Комитет министров, Государственный совет. Накопление этих сигналов инициировало столичную проверку. Персонифицируя власть столичного ревизора, современники стали называть эти проверки «сенаторскими ревизиями». Их статистика наглядно демонстрирует, что в системе государственного управления они приобрели особую значимость. До сих пор общее количество их неизвестно, но, судя по имеющимся данным, с 1800 по 1915 гг. Сенат провел примерно 120-125 ревизий⁹. Три четверти (90) приходятся на первую половину XIX века, во второй половине века их интенсивность резко снижается. По моим подсчетам, 52 ревизии приходятся на Александровскую первую четверть столетия и только 38 – на Николаевскую вторую четверть¹⁰. При всей условности подсчетов, общая тенденция вполне очевидна. Государство тратило на их проведение немало средств. Одна ревизия в среднем обходилась казне от пяти до десяти тысяч рублей¹¹. Средняя продолжительность доходила до четырех месяцев. Такие проверки назывались «надведомственными», что подчеркивало их непричастность к внутриведомственным ревизиям Министерства внутренних дел. Назначались они по «Высочайшим повелениям», объем ревизионных полномочий определялся особыми инструкциями.

Помимо материалов проверок, особый интерес представляют следственные документы сенаторских расследований, состоящие из жалоб и доносов, прошений, показаний подследственных и очевидцев, прокурорских запросов, рапортов, служебных донесений. Этот массив бумаг производили многочисленные должностные

⁹ См.: История Правительствующего сената за двести лет 1711 – 1911 гг. Санкт-Петербург, 1911. Т. II. С. 596-600; Т. IV. Приложение. С. 513-515.

¹⁰ Там же. С. 503-508.

¹¹ Там же. Т. 3. С. 636.

лица, подследственные и свидетели: одни – в поисках истины, другие – в поисках выгоды. И отделить один мотив от другого подчас требует значительных исследовательских усилий. В качестве свидетелей, обвинителей, ответчиков в выявленных документах фигурируют разные категории крестьян, городские ремесленники, рекруты и их родители, нижние воинские чины, губернские чиновники, преподаватели учебных заведений, представители губернского дворянства и их петербургские покровители. Все вместе они образуют паутину социальных коммуникаций, которая приходила в действие и была эффективной в руках людей, знающих её логику. В этой связи интригующим становится сюжет о легальных и нелегальных способах групповой борьбы, личных трагедиях вовлеченных в нее людей, что позволяет по-новому увидеть жизнь людей власти в провинциях Российской империи, составить представление о реалиях губернского управления.

Если наложить имеющуюся статистику ревизий Сената за первую четверть XIX века на сводный список пребывания в должности российских губернаторов, подготовленный к столетию Министерства внутренних дел¹², то можно обнаружить стойкую кадровую ситуацию: время «удаления», а затем и дальнейшего увольнения большинства российских губернаторов совпадает с периодом проведения «вверенной им губернии» сенаторской ревизии. Так, в период правления Александра I губернии Поволжского региона подвергались сенаторским ревизиям 22 раза: Нижегородская – в 1810 г.; Казанская – в 1801, 1803, 1808, 1810, 1815, 1819 гг.; Вятская – в 1801 г., дважды в 1807 г. и 1813 г.; Симбирская – в 1826 году; Пермская – в 1808 г., 1809 г., 1817 г.; Пензенская – в 1808 г., 1815 г., 1826 г.; Саратовская – в 1802 г., 1808 г., дважды в 1826 г.¹³

Самой посещаемой в этом ряду, как видим, стала Казанская губерния. Собранные воедино материалы шести казанских ревизий позволили: 1) выявить достаточно стойкое и повсеместное противостояние местного дворянства представителям коронной власти, 2) отследить дальнейшую судьбу казанских губернаторов и других

¹² Губернии Российской империи. История и руководители, 1708–1917: Ист. данные об образовании губерний, областей, градоначальств и др. частей внутреннего управления Империи с указанием высших чинов этого управления в хронологическом порядке по 1 нояб. 1902 г. : кн. подготовлена Департаментом общих дел МВД в 1902 г. – Изд. с испр. и доп. / ред.-сост. Ю. Н. Морунов; гл. ред. Н. Ф. Самохвалов. – М.: Объединенная ред. МВД России, 2003. – 479 с.

¹³ История Правительствующего сената за двести лет 1711 – 1911 гг. Санкт-Петербург, 1911. Т. II. С. 596-600; Т. IV. Приложение. С. 513-515.

губернских чиновников, оказавшихся под следствием, 3) раскрыть мотивы и способы их увольнения, казусы неформального властвования, 4) разобраться в противоборстве интересов дворянских группировок с местным правительством. Они вскрыли картину постоянных конфликтов, интриг и взаимодействия представителей коронной власти с местным дворянством, чиновниками иных ведомств. В результате сенаторских проверок - из девяти казанских губернаторов Александровской поры - шестеро были уволены судебным порядком, гласным решением первого департамента Сената (П.П. Пуцин, А.И. Муханов, Н.И. Кацарев, Ф.П. Гурьев, И.А. Толстой). П.А. Нилов ушёл в отставку по решению Комитета министров.

Итоги сенатских расследований и количество уволенных по их результатам губернаторов приводят к убеждению, что тот объём власти, которым они были наделены, не позволял им самостоятельно разрешать административные конфликты. В случае противостояния губернатора и предводителя дворянства, местного правительства и корпоративных органов управления столичные визитаторы неизменно переходили на сторону местного дворянства. Особенно жестким противостояние представителей коронной власти и казанского дворянства было с 1814 до начала 1830-х годов. За этот период П. Ф. Гурьев был осужден «по подозрению во взятке», И. А. Толстой «за злоупотребления властью», П. А. Нилов «за превышение власти». Этот кризис губернского управления был порождён проведением очередной сенаторской ревизией 1819–1820 годов по доносу казанского губернского предводителя дворянства. Каждый раз увольнение присланного из Петербурга губернатора оказывалось результатом его конфликта с местной дворянской «партией». Факт противостояния губернского предводителя дворянства Г. Н. Киселёва любому присланному из Петербурга ставленнику фиксировали не только ревизоры. О нём официально сообщалось в служебном рапорте казанский губернский прокурор, доктор юридических прав Г. И. Солнцев¹⁴. Рапорт этот был написан в 1830 году по настоянию Николая I. Прокурор пояснял, что на период правления каждого осужденного губернатора приходились очередные дворянские выборы, «по коим некоторые дворяне, на службу избираемые начальниками губернии по разным случаям не были утверждаемы, а вместо оных определяемы губернским правлением коронные

¹⁴ ГАРФ, ф. 109, 1 экспедиция, 1831г., д. 529. л. 50-54.

чиновники»¹⁵. По мнению губернского прокурора, в этом заключалась причина обстоятельств паралича власти в Казанской губернии.

Казанское дворянство явно стремилось иметь марионеточного губернатора и направлять действия его администрации. Разрешение данного конфликта произошло посредством заключения «регулятивного соглашения»: верховная власть признала нормы традиционных отношений (местные клановые связи и интересы), а дворянские предводители вступили в сотрудничество с назначенным в Казань генерал-губернатором. Вместе с тем карательная направленность ревизий Сената первой четверти XIX века сделала своё дело. Престиж представительства коронной власти в этот период заметно пошатнулся. Выход из этой ситуации виделся в реставрации авторитарных форм местного управления путем возврата института генерал-губернаторства и военного губернаторства, посредством осуществления комплекса мер, направленных на усиление должностного статуса начальника губернии.

Разрешение казанских событий произошло по уже имеющемуся политическому сценарию. В 1816 г. император распорядился в Сенате разработать проект, по которому генерал-губернаторства укрупнялись (до 5 губерний) и становились промежуточными между центральным и местным управлением. О намерении реформировать управление внутренних губерний может свидетельствовать практика создания крупных территориальных объединений под управлением принца Г. П. Ольденбургского, герцога А. Вюртембергского, наличие особых образований в Финляндии, Польше, Сибири, Новороссии, Прибалтике, на Кавказе. О планируемом общероссийском реформировании местного управления опубликовал богатый архивный материал финский историк Петер Мустонен¹⁶. По его мнению, главным препятствием на этом пути стало совмещение «линейной» министерской системы управления с персонифицированной властью генерал-губернаторов. Потребовалось время и, главным образом, опыт, чтобы осознать эту несовместимость.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Мустонен П. Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца, 1812–1858 гг.: к типологии основ имперского управления. Хельсинки. 1998. С. 75–101.

В 1819 году Александр I поручает генерал-адъютанту А. Д. Балашову «проверить проект на деле»¹⁷ в центральной части России. Забегая вперед отмечу, что с 1822 года практика реализации генерал-губернаторского управления имела свое применение и в пяти Поволжских губерниях: Нижегородской, Казанской, Симбирской, Саратовской и Пензенской. Такая последовательная территориальная локализация «наместнического проекта» свидетельствует в пользу его устойчивости. Александр I на протяжении последних 10 лет своего царствования, расширяя пространства его применения, шаг за шагом приближал его осуществление.

30 июня 1822 г. именным указом сенатор Владимир Юрьевич Соймонов (1772-1825) был наделен правами генерал-губернатора и направлен в Казанскую губернию для прекращения там «злоупотреблений и беспорядков» до полного «устройства той губернии»¹⁸. Безусловно, его назначение носило чрезвычайный характер и произошло в условиях реализации наместнической программы. По прибытии в Казань, он не стал там оставаться «до полного ее устройства», и уже весной 1823 года отправился на Урал, чтобы возглавить Екатеринбургскую временную горную комиссию. Создается впечатление, что его назначение в Казань было лишь поводом для более важных дел.

И действительно, вся его жизнь была посвящена развитию горного дела в России. Он обучался горному делу не только в России, но и в Европе. Во Фрайберге в горной академии познакомился с Александром фон Гумбольдтом, с которым долгие годы сохранял дружеские отношения. По возвращению из-за границы быстро продвигался по карьерной лестнице. В 1800 году он вице-президент берг-коллегии, через два года перешел на службу в департамент министерства финансов по горному ведомству. После преобразования горного управления (1806) становится московским берг-инспектором. С 1812 по 1821 годы находился в Коломне, куда было переведено Московское горное правление.

¹⁷ Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собр. соч. А. Д. Градовского. СПб., 1899. Т. 1. С. 299–338; Соколов К. Н. Очерк истории и современное значение генерал-губернатора // Вестник права. 1903. № 7. С. 110–179; № 8. С. 39–76; Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 398–406; [Раскин Д. И.]. Институт генерал-губернаторства и становление системы министерского управления // Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001. Т. 1. С. 65–92; Акульшин П. В. Генерал-губернатор А. Д. Балашов // Отеч. история. 2004. № 2. С. 170–180; Арутюнян В. Г. Генерал-губернаторства в начале 1820-х годов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8, История. 2005. № 4. С. 68–82.

¹⁸ ПСЗ-1. № 29098.

Инициатива создания Екатеринбургской горной комиссии принадлежала новому министру финансов Е.Ф. Канкрину, сменившего на этом посту Д.А. Гурьева. Оздоровление экономики страны он видел в возрождении былых возможностей Уральского региона, поскольку с начала XIX века здесь значительно сократилась добыча золота, а изъяны в управлении уральской металлургией привели к закрытию нескольких крупных заводов¹⁹. Назрела необходимость изменения системы горного управления, чтобы преодолеть застой в горнозаводской промышленности. К тому же в самом начале 1820-х годов на Урале были обнаружены новые россыпи золота и платины.

Временная горная комиссия под руководством казанского генерал-губернатора должна была не только заниматься изысканием «новых признаков государственного богатства в царстве ископаемых», но и бороться с укоренившимся там казнокрадством. В ее состав входили все начальники казенных уральских заводов. Действовали в соответствии с инструкцией, которую составил сам министр финансов с одобрения императора. Отчеты о деятельности комиссии и предлагаемые меры исправления состояния горнорудной промышленности регулярно поступали на рассмотрение Е.Ф. Канкрину. Думается, их содержание было неутешительным, поэтому осенью 1824 года Александр I решил посетить уральские горы и лично убедиться в происходящем. Его поездка многое изменила. Прежде всего, он убедился в правоте В.Ю. Соймонова. Позднее император признавался, что если бы он не отправил его туда и не поехал сам, то золота было бы столь же мало, как и прежде²⁰. Для «пресечения воровства» предлагалось отделить Урал «особым генерал-губернаторством» со столицей в Екатеринбурге с должным положением нового начальника. Оно должно соответствовать положению таких генерал-губернаторов «как Эссен, Балашов, кн. Репнин»²¹. Эти идеи заложили основу составления «проекта образования горного генерал-губернаторства». История появления этого документа и, главным образом его трансформация может свидетельствовать о значимости и даже главенстве региональной специфики при выборе форм управления к данной территории.

¹⁹ Новиков И.А. Александр I и реформа системы управления горными заводами Урала // Проблемы социально-политической и этнической истории России XIV - XX вв. Челябинск, 1995. С. 29.

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 14. Записка В.Ю. Соймонова о встрече с императором 25 января 1825 г. Л. 35-38 оборот.

²¹ Там же.

Получается, что проект В.Ю. Соймонова создавался не без участия самого императора. Во всяком случае, его политический контекст, пусть даже с отсылкой на мнение императора, вполне очевиден.

Проект именовался по-разному: «проект учреждения горного генерал-губернаторства», «проект об образовании Уральского генерал-губернаторства». В документах личного фонда Соймоновых он значится как «Проект образования горного генерал-губернаторства, составленного Владимиром Юрьевичем Соймоновым по повелению Императора Александра I»²². Начинался он с изложения причин, приведших к упадку казенные заводы. Прежде всего, отмечались разногласия между управлением горной части и гражданской, которая к тому же не подчинялась. Он подчеркивал, что все становилось на свои места, когда обе части оказывались под управлением одного лица. В качестве примера приводит прежние генерал-губернаторства, а также опыт соединения званий горного начальника и губернатора в Колыванской и Томской областях. Кроме этого, отмечалось малое влияние на уральские заводы отраслевых ведомств – горного правления, берг-инспектора. На местах оптимизации управления мешало раздробленность заводского управления, бухгалтерская безотчетность, превышения власти горных начальников, частая их сменяемость, отсутствие сдельной платы мастеровым, злоупотребления по судной горной части и многое другое.

Выявленные недостатки, по мнению главы правительственной комиссии преодолимы учреждением на Урале специального горного округа под управлением генерал-губернатора. Он просит назвать его «Горным – Уральским» и при этом делает отсылку на инициативу правительства по реализации «наместнического проекта», что подтверждается «Расписанием губерний, входивших в генерал-губернаторские округа»²³. В его представлениях в Горный округ должна была входит вся Пермская губерния (поскольку она располагалась по обеим сторонам Уральского хребта и здесь находились 88 частных и 16 казенных металлургических заводов) и отдельные части

²² ОПИ ГИМ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 3-68.

²³ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 405-406.

Оренбургской и Вятской губерний²⁴. Пермь, Екатеринбург и Уфу Соймонов предлагал сделать губернскими городами. Центром округа становился Екатеринбург.

Следующая часть «проекта» была посвящена распределению полномочий между горным генерал-губернатором, берг-инспектором и тремя гражданскими губернаторами. Неоднократно упоминался опыт правления бывшего Пермского и Вятского генерал-губернатора Модераха, когда надзор за делами гражданскими и горными был отделен от непосредственного управления заводами, которое осуществляло пермское горное управление во главе с берг-инспектором. Этот баланс был нарушен в 1811 году после повсеместной ликвидации генерал-губернаторской должности во внутренних губерниях. Что же касается власти военной, то ее предполагалось оставить в руках Оренбургского военного губернатора. Кроме того, Соймонов отстаивал ряд мер, направленных на улучшение положения мастеровых, а для обсуждения текущих проблем предлагал учредить особенный комитет из лучших горных чиновников под председательством генерал-губернатора.

Объем полномочий генерал-губернатора по гражданскому управлению должен был быть такими же, как у других генерал-губернаторов в империи, а по части горной распространяться на все заводы вверенного округа. Берг-инспектор должен был держать под контролем все горные правления на правах гражданского губернатора, и во всем быть ближайшим помощником генерал-губернатора. Генерал-губернатор должен был ежегодно объезжать все казенные заводы или посылать вместо себя берг-инспектора. Все горные начальники должны быть подчинены пермскому правлению, ему же надлежало направлять в департамент горных и соляных дел ведомости о действиях казенных заводов. В делах горных генерал-губернатор должен был обращаться и вести переписку «единственно» с министром финансов. В исключительных случаях имел возможность обратиться непосредственно к императору. Иными словами делегируемые генерал-губернатору полномочия, позволяли своевременно разрешать возникающие противоречия ведомственного и территориального характера, поскольку, согласно отдельным положениям проекта, территориальное управление подчинялось горному.

²⁴ ОПИ ГИМ. Ф.395. Д. 17. Л. 29 оборот.

Последняя встреча В.Ю. Соймонова с Александром I состоялась в январе 1825 г. Умер он 20 августа, а вскоре не стало и самого императора. Назначение на должность нижегородского, казанского, симбирского, саратовского и пензенского генерал-губернатора получил Алексей Николаевич Бахметьев. При таких обстоятельствах проектная деятельность казанского генерал-губернатора могла окончательно затеряться. Но покровительство министра финансов не осталось безучастным. 22 ноября 1826 г. издается сенатский указ «для лучшего устройства Горных заводов хребта Уральского», в котором было написано, что «по представлению министра финансов учреждается должность главного начальника заводов Уральского хребта, обязанности и принцип взаимодействия которого с другими властными структурами определяются инструкцией или же «наставлением», рассмотренным и одобренным Комитетом министров»²⁵.

Если сравнить содержание горного проекта с «положением о главном начальнике заводов Уральского хребта» (состоит из 51 статьи), то выявляется прямое сходство модели управления Соймонова с «инструкциями» министра финансов. Так, главный начальник заводов Уральского хребта назначался императором и подчиняется исключительно министру финансов, являлся главным командиром заводов и директором пермского горного правления по обоим департаментам. Берг-инспектор оставался вице-директором правления и помощником главного начальника. Горные заводские начальники потеряли право делать представления непосредственно министру финансов. В соответствии с новым порядком они должны были сначала передавать их на рассмотрение Горного правления, и если главный начальник мог разрешить вопрос на месте, то в дальнейшем он не отсылался в министерство.

Как и «горный генерал-губернатор» главный начальник не имел права вступать в переписку с другими министрами, подчиняясь непосредственно министерству финансов. Аналогично горному генерал-губернатору он должен следить за своевременностью и максимальной экономией заготовления заводских потребностей, ему вверялась забота о мастеровых, об эффективном разделении прибыли. Все также не должен был вмешиваясь во внутренние дела частных заводов, но должен был следить за соблюдением законов, отвращать «жестокости и

²⁵ ПСЗ – 2. Т. 1. № 687.

притеснения», заботиться о своевременном поступлении горных податей. И таких совпадений в обоих документах большое множество. Но сами эти параллели не столь важны. Главным образом были сохранены предлагаемые принципы разделения властей. Отделение надзора от управления уральской горнорудной промышленностью, введение единоначалия будь то в лице генерал-губернатора или главного начальника уральских заводов, введение отраслевой соподчиненности в интересах головного ведомства. Следовательно, проект В. Ю. Соймонова, как и предполагалось, был доработан в министерстве финансов и выведен из плоскости политических обсуждений в плоскость экономическую.

Значимость выявленной преемственности усиливается в контексте административных преобразований начального периода правления Николая I. Практически одновременно с введением «положения о главном начальнике заводов Уральского хребта» начал свою работу комитет 6 декабря 1826 года. Согласно его решению все «внутренние» генерал-губернаторства были ликвидированы, с сохранением на окраинах Российской империи. В ряде губерний, подчиненных прежде генерал-губернаторам, учреждались военные губернаторы. Так, указом 27 января 1832 г. в губерниях Казанской и Тульской вместо гражданских губернаторов были назначены военные губернаторы²⁶. Управление Нижегородской²⁷ и Астраханской²⁸ также передавалось военному губернатору. Для выработки общегосударственных стратегических решений в области регионального управления создавались так называемые территориальные комитеты. В своем большинстве они были созданы в 1830-1840-е годы: комитет по делам Царства Польского (1831-1841 и 1864-1881), комитет Западных губерний (1831-1848), Кавказский комитет (1833-1840, 1840-1842, 1842-1882), Сибирские комитеты по управлению азиатской Россией (1819-1838 и 1853-1864)²⁹. Логика таких

²⁶ ПСЗ – 2. № 5108.

²⁷ Там же. № 5478.

²⁸ Там же. № 5060.

²⁹ См.: Архипова Т.Г. Комитет западных губерний 1831-1848 (к истории политики царизма в отношении национальных окраин). Труды МГИАИ, т.28. М., 1970. С. 512–528; Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 208; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. / Ответственные редакторы [С.Г. Агаджанов], В.В. Трепавлов. М., 1998; Лисицына Г.Г. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX- начало XX века. СПб., 2005; Северный Кавказ в составе Российской империи. / Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М., 2007; Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2010. С. 252–318; Лепеш О.В. Комитет западных губерний: организация и деятельность: (1831-1848 гг.). Минск,

институциональных решений приводит к пониманию, что преобразования первоначально ориентированные на унификацию и универсальность управления стали детализироваться имперской реальностью. Обозначившейся поворот к проблемам местных властей, может свидетельствовать в пользу формирования имперской многовариантной модели «управления разнообразием».

Вернемся к судьбе создаваемого горного генерал-губернаторства. В отличие от проектов М.М. Сперанского и А.Д. Балашова проект В.Ю. Соймонова не получил широкой огласки. О нем знали лишь в узких ведомственных кругах. Реализация всех трех проектов соответствовала замыслу Александра I, намеревающегося провести общероссийскую реформу местного управления, с учетом специфики управляемых территорий³⁰. В этой связи проект Соймонова удачно вписался в общий контекст наместнических преобразований, являясь профессиональным описанием тех самых региональных нужд и специфик исследуемого региона. В этом, думается, и состояла его уникальность. Впервые знания о локальных своеобразиях оказались востребованными, нашли отраслевую поддержку со стороны министерства финансов и были воплощены в правление Николая I. Поэтому не случайно проект после смерти его автора был оперативно адаптирован ведомством министра финансов и введен законопроектом на высочайшее утверждение 22 ноября 1826 года. Правомерность этого административного решения прошла проверку времени. Должность начальника заводов Уральского хребта практически без изменений сохранилась вплоть до 1917 года.

Итак, обозначившийся к концу царствования Александра I поворот в сторону усиления вертикали исполнительной власти следует искать в практиках губернского властвования первой четверти XIX века. Когда контроль над провинциями оставался прерогативой Сената, а исполнительная власть сосредоточивалась в Комитете министров, когда многочисленные сенатские ревизии априорно спускаемые в виде наказаний, вместо преобразующих целей достигали обратных результатов, вот тогда и

2010; Дамешек И.Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи (на материалах Азиатской России XIX в.). Серия «История» 2011. № 1 (1). С. 8-25; Луферчик, Е.Г. Органический статут Царства Польского 1832 г. Минск, 2013; Суни Л. В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск, 2013.

³⁰ См.: Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 353.

был возрожден институт наместников, но его существование не вписывалось в систему министерского управления³¹. Поволжский случай учреждения власти генерал-губернатора позволяет по-новому осмыслить причины жизнестойкости наместнической программы. И в этой связи отдельной проблемой может стать обсуждение соотношения отраслевого (министерского) и территориального (областного, окружного) управления.

³¹ Le Donne J.P. Russian Governors General.1775-1825. Territorial or Functional administration? // Cahiers du Monde russe. Janvier-mars. 2001. №43/1. P. 5-30; Idem. Administrative regionalization in the Russian empire.1802 – 1826 // Cahiers du Monde russe. Janvier-mars. 2002. №43/1. P. 5-33

Сергей Польской

Понятия конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе на рубеже XVIII-XIX вв.

Молодые люди наши врут, болтают, ничего не понимают, и сами не знают чего хотят, понимая и конституцию, и либеральные правила в кривом виде, а впрочем: созрели мы достаточно, чтобы помышлять нам о конституциях?

В.П. Кочубей - М.М. Сперанскому. 2 ноября 1820 г.

Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885), описывая брожения дворянских умов после отмены крепостного права, замечал, что конституция «составляет теперь предмет тайных и явных мечтаний и горячих надежд дворян», однако беда в том, что люди ведущие разговоры о конституции вкладывают в это понятие разные значения, два из которых являются основными, конституция понимается или как «внутренне благоустройство», или как «представительное правление». Историк полагал, что «смещение понятия о конституции в этих различных значениях рождает тысячи недоразумений между правительствами и народами, в особенности между людьми, одинаково желающими добра своей родине»³². Наблюдение Кавелина во многом релевантно и для начала XIX века, когда разные представления о конституции вели к разному восприятию политической реальности. Политический лексикон рубежа XVIII-XIX вв. знал несколько значений слова «конституция», которые далеко не всегда совпадали в своих значениях. Читая тексты александровской эпохи важно понимать, какие смыслы вкладывает авторы в термины «конституция» или «фундаментальные законы». Что собственно имели ввиду сам император и его приближенные, когда обменивались своими рассуждениями о «конституции»? Сложность правильного понимания политической лексики этой эпохи во многом связана с тем, что именно на поколение Александра Павловича пришлось коренные перемены в политическом языке.

Действительно рубеж XVIII-XIX вв. стал «временным водоразделом» изменившим политическую лексику, пересмотр которой был связан с общей трансформацией социального порядка в эту эпоху. «Переломное время», по мнению Р.

³² Кавелин К.Д. Дворянство и освобождение крестьян // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 151-152.

Козеллека, начинается с середины XVIII века, когда «классические топосы в корне изменили свое значение», «старые слова получили новое смысловое наполнение, которое по мере приближения к нашей современности уж становится настолько понятным нам, что не требуют перевода»³³. Не является исключением и понятие «конституция», которая переживает в 1780-1810-е гг. важнейшие смысловые трансформации, приближающее это понятие к его современным значениям. С *конституцией* непосредственно связано понятие *фундаментальных законов*, как замечает Оливье Бо «il est difficile de faire une histoire du concept de constitution sans le mettre en relation avec le concept voisin de *lois fondamentales*»³⁴. Перемены, которые происходили в эту эпоху с понятиями «конституция» и «фундаментальный закон» были непосредственно связаны с общей динамикой общественно-политической лексики, и понимание указанных понятий возможно только в соотношении с другими концептами, прежде всего с понятиями - «государство», «общество», «гражданин», «свобода».

История понятий *конституция* и *фундаментальный закон* (*lex fundamentalis, loi fondamentale, Fundamentalgesetz*) в Европе и Америке изучалась в рамках *Begriffsgeschichte* и кембриджской школы.³⁵ В российской историографии подобных исследований, посвященных становлению изучаемых понятий в России не так много³⁶.

³³ Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи в 2-х тт. Т.1 / Пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн.ред. Перевода Ю. Арнаутова. М., 2014. С. 25.

³⁴ Beaud O. L'histoire du concept de constitution en France. De la constitution politique à la constitution comme statut juridique de l'Etat (2009) // Jus Politicum. Autour de la notion de Constitution. 2009. n° 3. - <http://www.juspoliticum.com/L-histoire-du-concept-de.html>

³⁵ Stourzh G. Constitution: Changing Meanings of the Term from the Early Seventeenth to the Late Eighteenth Century // Ball T, Pocock J.G.A. (Ed.) Conceptual Change and the Constitution. Lawrence, 1988. P. 35–54; Mohnhaupt H., Grimm D. Verfassung. Konstitution, Status, Lex fundamentalis // Koselleck R. (Hrsg.) Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 831–862; Schmale W. La France, l'Allemagne et la Constitution (1789–1815) // Annales historiques de la Révolution française. Vol. 286. 1991. P. 459–481; *Idem*. Constitution, Constitutionnel // Reichardt R., Lüsebrink H.J. (Hrsg.) Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820. H. 12. München, 1992. S. 31–63; Beaud O. L'histoire du concept de constitution en France. De la constitution politique à la constitution comme statut juridique de l'Etat (2009) // Jus Politicum. Autour de la notion de Constitution. 2009. n° 3. - <http://www.juspoliticum.com/L-histoire-du-concept-de.html>

³⁶ См.: Макаров А.Н. Учение об основных законах в русской юридической литературе XVIII и первой половине XIX вв. // Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. Петроград, 1922. С. 370-381; Омельченко О.А. К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в. // Омельченко О.А. Власть и Закон в России XVIII века. Исследования и очерки. М., 2004. С. 111-141; Тимофеев Д.В. Конституция в России первой четверти XIX века: поиск ориентиров политического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 23-32; Польской С. В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII

В докладе мы попытаемся рассмотреть семантические изменения двух названных «ключевых понятий» на рубеже XVIII-XIX вв. и выяснить каким образом эти европейские концепты адаптируются и используются в политическом языке александровской эпохи.

1. Понятия конституция и фундаментальные законы в контексте европейской политической мысли XVII-XVIII вв.

Современное политическое понятие *конституция* связанное со своим юридическим синонимом *фундаментальный закон* формируется сравнительно недавно³⁷. Еще три века тому назад *конституция* употреблялась в юридическом, финансовом, религиозном, медицинском, физическом, астрономическом, но отнюдь не в политическом смысле. Если заглянуть в толковые словари XVII- начала XVIII века употребление понятия конституция прежде всего было связано с медициной или юриспруденцией³⁸. Латинское существительное *constitutio* восходит к глаголу *constituo* (ставить, помещать, устанавливать), и соответственно, оно употребляется в значении – *установление, учреждение*. Вслед за Цицероном, Квинтилианом, авторами кодекса Юстиниана термин используется в средневековой Европе в смысле некоего установленного правила, юридического постановления, императорского или папского декрета. Так французы в первой половине XVIII века услышав слово *constitution*, прежде всего, ассоциировали его с папской буллой *Unigenitus* Климента XI, которая

века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2-х томах / Науч. ред.: А. И. Миллер, Д. Сдвижков, И. Ширле. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 94-150.

³⁷ Большинство современных словарей трактуют *конституцию* как «основной закон государства, определяющий основы общественного и государственного строя, систему государственных органов, права и обязанности граждан». См.: Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. М., 1993.

³⁸ В первом издании *Словаря Французской Академии* говорится о конституции как о некоем установлении (*établissement*), причем скорее финансовом, оформленном определенным правовым актом (рента, пенсия). Как пример словоупотребления приводится фраза: «Он имеет сто тысяч ливров конституций» (*Il a pour cent mille livres de constitutions*). Затем речь идет о конституции как о законе, ордонансе, регламенте (и заметим, снова во множественном числе: «Эта республика, этот город управляется хорошими Конституциями» (*Cette République était gouvernée par de bonnes Constitutions*). Потом идет медицинское значение комплекции, сложения человека (*Bonne, forte constitution. Il est de bonne constitution, de mauvaise constitution*), и завершает смысловое поле конституций ссылка на философов, которые метафорически употребляют термин, говоря об устройстве мира (*constitution du monde*). См.: Dictionnaire de l'Académie Française. Paris, 1694. Т. 1. P. 238.

разделила французское общество на сторонников и противников янсенизма, и привела к появлению терминов «конституционалисты» (*constitutionnaires*) и «антиконституционалисты» (*anti-constitutionnaires*), под которыми понимались противники и сторонники буллы³⁹.

Как отмечает Геральд Штурц: «the term “constitution” was apparently rather a latecomer in early modern political discourse»⁴⁰. Конституция попадает в политический лексикон во многом благодаря медицинской, а не юридической лексике. Авторы политических сочинений начинают в XVII веке использовать этот термин в метафорическом смысле, связывая «политическое тело» государства с определенной конституцией, так же как тело человека связывалось с крепкой или слабой конституцией. Конституция выступает здесь как особое сложение государственного «тела», установление определенных принципов его существования, состояние управления этого «корпуса». В подобном значении «конституция» совпадала с аристотелевской *politeia*. Однако такое терминологическое сочленение произошло только на рубеже XVII-XVIII вв. Так ранее переводчики Аристотеля использовали как эквивалент *politeia* в английских переводах - *Res publica*, *Policy*, *Commonwealth*, а во французских - *police* или *république*⁴¹. Уже в первой половине XVIII века Болингброк и Монтескье уверенно связывают понятие *полития* и *конституция*. Так Болингброк пишет в 1733 г.:

By *constitution*, we mean, whenever we speak with propriety and exactness, that assemblage of laws, institutions and customs, derived from certain fixed principles of reason, directed to certain fixed objects of public good, that compose the general system, according to which the community hath agreed to be governed⁴².

Определение Болингброка примечательно, поскольку ставит вопрос о том, что включало в себя понятие *государство* для человека XVIII века. Во-первых, оно было не

³⁹ Beaud O. L'histoire du concept de constitution en France. P. 8-9.

⁴⁰ Stourzh G. Constitution: Changing Meanings of the Term from the Early Seventeenth to the Late Eighteenth Century. P. 84.

⁴¹ Например в переводе Луи Ле Руа, есть комментарий переводчика, объясняющий смысл *politeia* Аристотеля: «La *police* est l'ordre de la cité ès magistrats, mesmement au souverain de tous : consistant toute la république en son gouvernement». (*Les Politiques d'Aristote*. P., 1576, P. 164-165.). Тот же комментарий в английском переводе: «*Policy* is the order & disposition of the city in regard of Magistrats & specially in regard of him that hath souveraine authority over all, in whose government the whole commonweale consisteth» (*Aristotle's Politiques, or discourse of government, translated out of the Greek into French...* by Loys le Roy called Regius. Translated out of French into English. L., 1598). В первом английском переводе «Политики» с греческого (1776) была дана как «form of government».

⁴² Dissertation on Parties // Works of Bolingbroke. L., 1809. T. 3 P. 157.

отделимо от понятия *общество*, понимаемого как политическое объединение *граждан*, обладающих собственностью и наделенных определенными правами. В этом смысле *гражданское общество* (*societas, societas civilis, populus*) было эквивалентом *государства* как политической общности (*civitas, res publica*). Во-вторых, управление этим объединением граждан не рассматривали как отдельный внешний институт, а исключительно как внутреннюю систему организации этого сообщества, в котором управляемые соглашались подчиняться управляющим на основании принципа общей пользы. Таким образом *politeia* и *конституции* рассматривали до конца XVIII века как публично-правовое устройство *гражданского общества*, в старом его значении. Эта старая *узус гражданского общества и государства* разрушается в эпоху Французской революции, когда происходит разделение понятий *государство* и *общество* (наметившееся еще с середины XVIII века): *общество* становится свободным от политического господства пространством частных собственников, сосуществующих на началах свободы и равенства, между тем как *государство* начинает пониматься как отделенный политический институт⁴³. В этом смысле люди XVIII века еще не знали современного (буржуазного) противопоставления *общества* и *государства*, ставшего центральным для политической мысли XIX века.

При «Старом порядке» в Европе система властвования была неразрывно связана с сословным характером общества. Манфред Ридель отмечает, что

societas civilis и есть собственно, название феодально-сословного общества, то и дело встречающееся нам в политической теории XVII-XVIII веков. <...> Этим словосочетанием могло быть обозначено любое потестарное объединение людей, наделенное собственными правами (привилегиями) и законами: города, земли, королевства, княжества, графства, «малые» и «большие» владения <...> Структура понятия определялась тесным, неразрывным единством общества и власти. Базой власти являлась всегда власть над домом – будь то над «домами» (то есть династиями, родами), участвовавшими во власти, или же над именными землевладельцев, которые в совокупности своей образовывали «земство» в политическом смысле. <...> Привилегия (преимущественное право) выступала центральной категорией этого общества, определявшей политико-правовое положение индивида в нем, его принадлежность к одному из «сословий» и «владений», из которых это общество состояло⁴⁴.

Однако описанный выше политический порядок, подразумевавший *договор*, как основу частных, так и публичных отношений внутри общества, часто противопоставлялся европейскими политическими теоретиками восточным

⁴³ См.: Ридель М. Общество, гражданское // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи в 2-х т. Т.2. С. 93-219.

⁴⁴ Там же. С.125-126, 127.

деспотическим режимам, которые не знали *гражданского общества* и *договорных отношений*. Поэтому *конституция* была возможна там, где подданные обладали собственностью и частью властных полномочий, а не являлись сами собственностью деспота. Для европейских путешественников XVII-XVIII вв. *Московия* или *Турция* была примером подобной варварской формы господства⁴⁵.

Еще в XVII веке *конституция* была редким гостем в политических трактатах, куда более часто встречалось понятие *leges fundamentalis*, выступавшее как важнейший концепт политического права раннего Нового времени. Так, во Франции термин *lois fondamentales* начинает употребляться с 1576 года вместо *anciennes lois du Royaume*, в Англии понятие *fundamental law* соотносится с *Великой хартией вольностей* с начала XVII века. В Германии *Fundamentalgesetz* впервые упомянуты в *Regierungsform* Померании 1634 года, впрочем, еще в 1591 году Фридрих Прукманн, канцлер курфюрста Бранденбургского, утверждает в своем *Paragraphus solute potestas*, что Салический закон есть «*lex fundamentalis florentissimi Galliae regni*». Наконец, общим местом при описании Священной Римской империи было упоминание ее *constitutions et leges fundamentalis*, под которыми прежде всего подразумевалась *Золотая булла* 1356 года, Аусбургский и Вестфальский трактаты.⁴⁶ Как отмечает Вольфганг Шмале, на протяжении XVII–XVIII веков в Германии определение понятия *конституция* вызывало меньше проблем, чем во Франции, поскольку до Французской революции под *конституциями* здесь понимали неизменный корпус *фундаментальных законов* Империи.⁴⁷

⁴⁵ Адам Олеарий рассуждал по поводу формы правления «Московии» (1647): «Что касается русского государственного строя, то, как видно отчасти уже из вышеприведенных глав, - это, как определяют политики, "*monarchia dominica et despotica*". Государь, каковым является царь или великий князь, получивший по наследству корону, один управляет всей страной, и все его подданные, как дворяне и князья, так и простолюдины, горожане и крестьяне, являются его холопами и рабами, с которым он обращается как хозяин со своими слугами. Этот род управления очень похож на тот, который Аристотелем изображен в следующих словах: "Есть и иной вид монархии, вроде того, как у некоторых варваров имеются царства, по значению своему стоящие ближе всего к тирании". Если иметь в виду, что общее отличие закономерного правления от тиранического заключается в том, что в первом из них соблюдается благополучие подданных, а во втором личная выгода государя, то русское управление должно считаться находящимся в близком родстве с тираническим». См.: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 1996. С. 225.

⁴⁶ *Oestreich G.* From Contractual Monarchy to Constitutionalism // *Collins J.B., Taylor K.L.* (Ed.) Early modern Europe: issues and interpretations. Oxford, 2006. P. 324.

⁴⁷ *Schmale W.* La France, l'Allemagne et la Constitution. P. 468 («En Allemagne, la notion de constitution faisait moins de problème qu'en France [...] La raison en est simple, parce que le signifié ne faisait pas de doute: un corpus de lois fondamentales comme la Bulle d'Or de 1356, la paix de la religion d'Augsbourg, la paix de Westphalie de 1648 [...] formaient, sans nul doute, la constitution de l'Empire»).

В политико-правовой мысли до середины XVIII века *конституция* и *фундаментальные законы* не были непосредственно связаны друг с другом. Если *конституция* подразумевала форму правления, то *фундаментальные законы* соотносились с договором между управляющим и управляемыми или ассоциировались с обычным правом (*ancient Custom, Coutume établie*). Юристы того времени относили практически все европейские монархии к основанным на праве узуфрукта, т.е. являющимися договорными по своему характеру, в чем видели их существенное отличие от деспотий. Так, Гуго Гроций констатирует в *De Jure Belli ac Pacis* (1625), что в Европе «государи ныне по большей части владеют государством не на вотчинном праве, но лишь на праве узуфрукта».⁴⁸

Однако на протяжении XVIII века семантика данных концептов начинает постепенно трансформироваться. Шарль Луи Монтескье в своем *Духе законов* (1748) придает слову *конституция* значение политического концепта, используя его в значении *politeia* Аристотеля, только применяя его не к городу, а государству в целом.⁴⁹ В то же время Монтескье делает важнейший шаг в определении *фундаментальных законов*, в частности для монархического правления. Как известно, в его концепции наличие неперменных законов, закрепляющих права сословий, есть главное отличие монархии от деспотии. Это определение «истинной монархии» становится ведущим в политической литературе XVIII века. Фактически он рассматривает *конституцию* как систему государственного устройства, определяющую не только законы, но и социальную жизнь. В этом отношении, несмотря на все свои теоретические разногласия с Монтескье, Жан-Жак Руссо использует то же понимание *конституции* в *Общественном договоре* (1762). В том же смысле Жан Луи Де Лолъм в *Constitution de l'Angleterre* (1770) понимает английскую *конституцию* как исторически сложившуюся

⁴⁸ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 773 (кн. III, гл. XX, § V).

⁴⁹ Как отмечает Оливье Бо, *конституция* в политическом значении была для французов XVIII века неологизмом и англицизмом, заслуга Монтескье в том, что он «a élevé le mot de *constitution* à la dignité du concept, et il l'a fait en lui faisant endosser un sens désormais proche de l'ancienne *politeia* [...] Assimilée à la *politeia* d'Aristote ou de Polybe, celle-ci acquiert un sens politique: elle désigne le mode d'agencement ou d'organisation des pouvoirs à l'intérieur de l'Etat. Montesquieu partage cette conception dans la mesure où, transposant la Cité à l'Etat, il use du mot de constitution pour qualifier la forme d'organisation de l'Etat» (см.: Beaud O. L'histoire du concept de constitution en France).

систему управления (*systems des Gouvernements*), не уходя далеко от смысла, который вкладывали сами англичане в свою конституцию.⁵⁰

Важнейшее изменение в понимании конституции вносит в середине XVIII века Эмер де Ваттель (Emer de Vattel (1714–1767), чей труд *Право народов, или принципы естественного закона* (1758) оказал существенное влияние на восприятие конституции среди американских и французских революционеров конца века. Ваттель одним из первых формулирует четкое политическое определение конституции:

Основной регламент, определяющий образ Публичной Власти, должен быть выражен в Конституции Государства. В ней представлены: форма, в которой Нация выступает в качестве Политического тела, как и посредством кого Народ должен быть управляем, какие имеют права и обязанности те, кто управляют. Эта Конституция – не что иное, как установление порядка, в котором Нация предполагает трудиться сообща для достижения авантажей, ради коих и учреждается Политическое Общество.⁵¹

Для Ваттеля принципиальная роль в создании конституции принадлежит нации. Он концептуально объединяет понятие конституции и фундаментальных законов, фактически Ваттель дает первое современное юридическое определение конституции как совокупности основных законов:

Законы суть правила, установленные Публичной Властью для соблюдения в Обществе. Все они должны согласоваться с благом Государства и Граждан. Законы, созданные непосредственно для общественного блага, суть Законы Политические [...] одним словом, они совпадают с формой Конституции Государства и являются Фундаментальными законами.⁵²

Таким образом, Ваттель совершил теоретический прорыв в понимании конституции, который вел к созданию первых писанных конституций. Исследователи полагают, что *Право народов* оказало значительное влияние на «отцов-основателей» США, в частности на конституционные идеи Томаса Джефферсона. Хотя еще накануне Французской революции Жан Батист Рене Робине (1735–1820), используя определение Ваттеля, говорит о конституции для всех форм государственного правления. В *Универсальном словаре нравственных, экономических, политических и дипломатических наук* прослеживается эволюция от старого широкого к узкому современному значению конституции: «Слово конституция означает в самом общем

⁵⁰ [De Lolme J.L.] Constitution de l'Angleterre ou État du gouvernement anglais comparé avec la forme républicaine et avec les autres monarchies de l'Europe. Amsterdam, 1771. P. 246.

⁵¹ Vattel E. Droit des gens; ou, Principes de la loi naturelle appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains. Vol. 1. Londres, 1758. P. 31 (chapt. III, § 27).

⁵² Ibid. P. 32. (chapt. III, § 29).

понимании установление чего-либо. В Политике и Праве народов под Конституцией государства понимается *фундаментальный регламент, который определяет способ, каковым должно осуществлять публичную власть*⁵³. Здесь же Робине ставит знак равенства между *фундаментальными законами и конституцией*. Хотя, согласно Робине, как и большинству авторов его эпохи, *конституции* имеются у всех государств, в том числе монархических, и различаются в зависимости от формы правления. Робине даже в России обнаружил *фундаментальные законы*, несмотря на деспотический характер правления: «Все *фундаментальные законы*, насколько известно, сводятся здесь к одному, что предписывает суверену исповедание греческой религии, и к другому, что запрещает разделять свое Государство: впрочем, последний существует только в традиции, а первый мы найдем только в *Тестаменте* Екатерины I».⁵⁴

Накануне французской революции аббат Габриель Бонно де Мабли (1709–1785) выступил против абсолютизации понятия *фундаментальные законы*. В своем трактате *Об изучении истории* (1783) он подверг критике саму идею *фундаментальных законов*. Утверждал, что законы рано или поздно устаревают, он заключал, что они нуждаются в изменениях в соответствии с духом времени, а значит, идея «неизменных» законов – сама по себе порочна. Всюду, где нет деспотизма, народу принадлежит право отменять старые законы и создавать новые.⁵⁵

Революционные потрясения 1770–1790-х годов сыграли важнейшую роль в изменении политической терминологии. Появившиеся в результате Войны за независимость американские конституции штатов – это, прежде всего, уставные грамоты, где описаны форма правления штата. Принятая в 1787 году *Конституция* Соединенных штатов Америки фактически подразумевала установленную форму правления.⁵⁶ В своем понимании *конституции* американские революционеры, вслед за Ваттелем, объединяют понятия *фундаментальных законов и конституции* и еще более резко подчеркивают определяющее значение Нации в создании конституции,

⁵³ Dictionnaire universel des sciences morale, économique, politique et diplomatique, ou Bibliothèque de l'homme-d'état et du citoyen. T. 14. Londres, 1780. P. 56.

⁵⁴ Dictionnaire universel. T. 28. Londres, 1783. P. 24.

⁵⁵ De l'étude de l'histoire // Oeuvres complètes de l'abbé de Mably. T. 12. A Lyon, 1796. P. 296.

⁵⁶ Так, конституция Северной Каролины (1776) названа «Constitution, or Form of Government», полное название Конституции Массачусетса (1780) «Constitution, or Form of Government for the Commonwealth of Massachusetts», а в самом тексте конституция выступает как синоним формы правления – «Constitution of Government» (см.: <http://www.modern-constitutions.de>).

поскольку не правительство создается конституцией, а конституция создает правительство.⁵⁷

Писанные американские *конституции* сыграли решающую роль для семантического перехода и во Франции, где в дискуссиях 1788–1789 годов по поводу *конституции* сталкиваются два ее понимания: старое, как формы правления, которое защищают сторонники короля и сословных привилегий, и новое революционное, где *конституция* понимается как акт, дарующий равные права и свободы гражданам и устанавливающий новую форму правления. Французские революционеры настаивают, что Франции нужна *конституция*, которая дала бы общегражданские свободы, обеспечила бы возможность «Нации» выражать свою волю, они утверждают, что *конституции* во Франции нет и ее надо создать. Это заявление вызывает возмущение сторонников *Ancien Régime* и старого значения *конституции*. В ответ на революционные памфлеты они выпускают брошюры с доказательствами давнего существования *конституции* во Франции. Придворный историограф Жакоб Николя Моро, создает трактат *Изложение и защита нашей монархической французской Конституции* (1789), где с гневом восклицает: «Множество книжиц [...] содержат в себе сие ужасающее высказывание: *Франция еще не имеет вовсе конституции*. Из чего заключают, и весь свет сие повторяет, что должно воспользоваться оказией и дать ей наконец оную».⁵⁸ Но противники «монархической конституции» усматривают материальные причины, которые двигают ее защитниками и яростно нападают на сторонников сословных привилегий:

Нам не прекращают твердить о *Конституции*: слово сие соединило все Привилегированные Сословия, они хотят этим словом заткнуть нам рот. Угрожать их Привилегиям – вот что значит ниспровергнуть *Конституцию*, как если бы смысл Монархической Конституции был только в том, чтобы существовали Привилегированные Сословия.⁵⁹

⁵⁷ Томас Пэйн, оспаривая Э. Бёрка, дает следующее определение конституции: «*A constitution is a thing antecedent to a government, and a government is only the creature of a constitution. The constitution of a country is not the act of its government, but of the people constituting a government*» (Rights of Man: Being an Answer to Mr. Burke's Attack on the French Revolution. (2nd edition) by T. Paine. London, 1791. P. 56–57). Отметим, что данное определение конституции у Пэйна во многом связано с наделавшим шума в 1789 году трактатом аббата Сийеса и частично повторяет его дефиниции.

⁵⁸ Exposition et défense de notre Constitution monarchique Française / Par M. Moreau. Vol. 2. Paris, 1789. P. 190.

⁵⁹ De l'organisation d'un état monarchique, ou Considérations sur les vices de la monarchie Française & sur la nécessité de lui donner une Constitution. Paris, 1789. P. 5–6.

Одним из первых в ходе этих дискуссий 1788–1789 годов приходит к современному пониманию *конституции* Эммануэль Жозеф Сийес в своем знаменитом публицистическом сочинении *Что такое третье сословие*, которое вышло в январе 1789 года. В его пятой части аббат Сийес дает собственное определение *конституции*:

*...что следует понимать под политической конституцией общества и каковы должны быть ее отношения к самой нации. Невозможно создать учреждение для какой-нибудь цели, без того чтобы не дать ему определенные организацию, формы и законы, согласно которым оно должно выполнять функции, которые хотят ему поручить. Это и есть так называемая конституция данного учреждения. Без нее оно существовать не может. Очевидно, что любое правление должно иметь свою конституцию.*⁶⁰

Здесь Сийес использует идеи Вателя и американских конституционалистов, но идет дальше своих учителей. Он уточняет и формулирует определение *фундаментального закона*, которым, по его мнению, и является *конституция*, далее он уже объединяет эти понятия и ведет речь о *конституционных законах*:

*Сии законы именуется фундаментальными не в том смысле, что оные могут быть независимыми от воли нации, но потому, что учреждения, существующие и действующие благодаря им, не вправе их изменять. В каждой своей части конституция не есть создание власти учрежденной, но власти учреждающей. Ни одна выбранная власть не может ничего изменять в условиях ее избрания. Только в этом смысле конституционные законы носят название фундаментальных. Первые законы, которые учреждают законодательное собрание, основаны на воле нации до всякой конституции; они образуют ее первую ступень.*⁶¹

Мы видим, что Сийес отразил уже сложившееся к началу революции современное понимание *конституции* как акта устанавливающего права нации и в то же время закрепляющего государственную систему, основанную на народном представительстве. Таким образом, *конституция* – это фундаментальный «неизменный» закон для тех, кто, следуя воле нации, создает и исполняет конкретные законы, а не для самой нации, которая вольна изменить *конституцию*.

Точки над «i» в дискуссиях о *конституции* расставила *Декларация прав человека и гражданина*, принятая Учредительным собранием 26 августа 1789 года и положившая начало формированию первой писаной *конституции* во Франции. *Декларация* 1789 года утверждает, что «все общества, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции» («XVI. Toute société dans laquelle la

⁶⁰ [Siyès E.J.]. Qu'est-ce que le Tiers-État. Paris, 1789. P. 74.

⁶¹ Ibid. P. 76.

garantie des droits n'est pas assurée, ni la séparation des pouvoirs déterminée, n'a point de constitution»⁶². Понимание *фундаментального закона* как неотъемлемого атрибута монархического правления, теряет свое значение, и *loi fondamentale* становится синонимом конституции в революционной Франции. Более того, по мере радикализации революционного движения и развития дехристианизации, *конституция* начинает замещать религию. Вольфганг Шмалле отмечая, что на *конституцию* переносятся некоторые функции религии, цитирует речи и газетные статьи 1793-1794 гг., в которых это понятие принимает новые смыслы: «Une *constitution* doit être le catéchisme du genre humain...», «... presque partout la *Constitution* remplace le culte... la *Constitution* nous conserve tout ce que les religions avaient de bon : la morale»⁶³. Французские революционные конституционные акты (*Декларация прав человека и гражданина* 1789 г., *Конституции* 1791, 1793, 1795 гг.) вскоре стали образцовыми и явились основой для проектов писанных конституций первой четверти XIX века. Но вместе с тем утопическая вера в спасительную силу *конституции* в деле преобразования общества, ослабевав у французов, распространяется по всей Европе.

Таким образом, в политическом и правовом дискурсе понятия *конституция* и *фундаментальные законы* в XVII–XVIII веках имели разные коннотации: *конституция* прежде всего описывала форму правления, а *фундаментальные законы* – исторически сложившиеся правовые обычаи, ставшие нормой политического права. Идея о том, что *конституция* непосредственно может быть выражена в *фундаментальных законах* или сама есть *фундаментальный закон* государства, была отчетливо высказана в середине XVIII века Э. де Ваттелем, но окончательное закрепление семантической общности терминов произошло только в 1780–1790-е годы прежде всего у американских и французских публицистов накануне Революции. Причем самое радикальное понимание *конституции* в XVIII веке не только объединяло ее с понятием *фундаментального закона*, но и требовало закрепления в последнем гражданских прав и свобод, а также их гарантий. Впрочем, такое осмысление, появившееся в конце века, было далеко не всеобщим, и еще достаточно долгое время вокруг *конституции* шла «война перьев» и продолжалась борьба между разными пониманиями этого концепта.

⁶² Constitutions des principaux états de l'Europe et des États-Unis. T. 3. Paris, 1791. P. 350.

⁶³ Schmale W. La France, l'Allemagne et la Constitution (1789–1815). P. 467.

2. Конституция и фундаментальные законы в России

XVIII века

Вследствие растущего интереса к европейской политической мысли русская образованная «публика» активно знакомится с новыми западными концепциями, которые оказывают значимое влияние на становление отечественной политической теории. Благодаря переводу сочинений различных европейских политических мыслителей в русском языке не только появляется, но и постепенно усваивается понятие *фундаментальные законы*, а вместе с ним и термин *конституция*. Однако, *конституция*, несмотря на свое раннее проникновение в русский политический лексикон, долгое время находится в тени *фундаментальных законов* и редко становится частью дискурсивных практик русских пишущих «политиков» вплоть до конца XVIII века.

Оригинальные сочинения русских авторов XVIII века, в которых использовались понятия *конституция* и *фундаментальные законы*, были связаны, прежде всего, с элитарным политическим дискурсом. Прежде всего, мы найдем данные термины в литературе государственных проектов, в записках и публицистических сочинениях, написанных для узкого круга дворянской образованной элиты, связанной с высшей государственной службой. Причем активное использование изучаемых концептов приходится на вторую половину XVIII века, что свидетельствует об их сознательной и успешной адаптации именно в этот период. В первой половине XVIII века эти термины встречаются довольно редко в русской политической сочинениях.

Во многом подобное пренебрежение понятием *фундаментальные законы* было связано с официальной позицией самодержавия и его идеологов, не приветствовавших идею какого-либо ограничения воли монарха. Более чем определенно по этому поводу высказался Феофан Прокопович в *Правде воли монаршей* (1722), где он утверждает, что так как «всяк самодержавный Государь» обладает «маестатом» (то есть суверенитетом), то он «человеческого закона хранить не должен, колми же паче за преступление закона человеческого не судим есть: Заповеди же Божия хранить должен, но за преступление их токмо богу ответ дать, а от

человек судим быти не может».⁶⁴ Монарх не подвержен никакому закону, соответственно, он не должен соблюдать законы «основательные», подразумевавшие сохранение традиционного права, на которое и посягал Петр Великий своими реформами, будучи заказчиком и, возможно, соавтором Феофана.

В недавно вышедшей статье Лоренц Эррен утверждает, что «Правда воли монаршей» явилась своеобразным «*фундаментальным законом*»⁶⁵, полагая, что функции этого текста выходили за рамки простого объяснения и предполагала введение «правовых норм», которые не содержались в Уставе 1722 г. В частности он, вслед за Энтони Лентиним считает, что обозначение в «Правде» постановления о престолонаследии 1722 года как «Главного Устава» следует понимать как «фундаментальный закон»⁶⁶. Э. Лентин ссылается на немецкий перевод 1724 года, где «Главный Устав» переводится буквально как *Haupt Verordnung*⁶⁷, однако переводчик здесь буквально передал русский термин, никоим образом не отсылая читателя к уже широко распространенным в немецкой юридической и политической литературе этого времени концептам *Grundgesetz* и *Fundamental-Gesetz*⁶⁸. В «Правде» все же имеется отсылка к термину «фундаментальный закон», но Устав 1722 г. с ним никак не связывается, поскольку понятие *lex fundamentalis* дается автором через его отрицание. Феофан говорит, что в принципе для суверенного государя (*самодержца*) не может

⁶⁴ Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. СПб, 1722. С. 22.

⁶⁵ Erren L. Feofan Prokopovich's *Pravda voli monarshei* as Fundamental Law of the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 17, 2 (Spring 2016): 333–360.

⁶⁶ Lentin A. Peter the Great: His Law on the Imperial Succession in Russia, 1722 : the Official Commentary. Oxford, 1996. P. 17.

⁶⁷ *Das Recht der Monarchen*. S. 1. Э. Лентин так же ссылается на Г. Ф. Миллера, который писал, что Петр был волен назначить наследника, следуя «la constitution fondamentale de l'empire» (Lentin A. *Peter the Great*. P. 78). Но Миллер имел ввиду вовсе не Устав 1722 г., а политическое устройство государства (*la constitution*) как неограниченной монархии.

⁶⁸ Оба термина были широко употребимы с середины XVII века, более распространенным был *Fundamental Gesetz*, но и *Grundgesetz* так же часто встречается. К примеру, в трагедии Андреаса Грифиуса «Карл Стюарт»: «indem er [der könig] sich nunmehr zum sterben fertig macht / vor recht und grundgesetz» (Gryphius A. *Carolus Stuardus*, trauerspiele // *Andreae Gryphii Freuden-und Trauer-Spiele auch Oden und Sonnette*. Leipzig, 1663. s. 366). При этом никто бы не мог перепутать *Grundgesetz*, и даже *gesetz*, с *verordnung*, говоря современной терминологией *verordnung* это даже не закон, а подзаконный акт, постановление, которое регулирует нормы в рамках закона. Так же как и автор «Правды», ее переводчик на немецкий сознательно избегает употребления *Fundamental Gesetz* и *Grundgesetz*, по вполне очевидным причинам.

существовать закон определяющий порядок наследия, поскольку: «человеческий бо закон о сем не может быти, понеже явственно показалося, что самодержцы законам человеческим не подлежат: закона же божие на сие не обретаем»⁶⁹. То есть право наследования не определяется ни человеческим законом, ни божественным.

Феофан все же знает о существовании понятия *«фундаментальный закон»*, но не называя его прямо, указывает на его происхождение и особенности функционирования. Фундаментальные законы, в том числе определяющие наследование престола, возможны только в «непрямой монархии», то есть в ограниченной. Речь о них заходит в связи с обсуждением вопроса, о невозможности отмены народом «своей воли», выраженной при заключении первоначального договора. Народ не может разорвать этот договор, делегировавший власть суверену. Феофан утверждает, что вследствие этого народ должен терпеть «монарха своего нестороение, и злонравие», но есть одно исключение: «разве бы при перваго Монарха избрании, были *положенные некие договоры*, самого Монарха соизволением, или и клятвою утвержденные, которых за неисполнение, уставлено бы Монарха оставляти»⁷⁰. В данном случае *«положенные некие договоры»* - эвфемизм, поскольку, скрывающиеся за ним *фундаментальные законы* для автора почти политически неприличное слово, так как закон для него в принципе не может быть фундаментальным, то есть связывающим каким-либо образом волю суверена. Отсюда и определение подобной монархии как «непрямой», она «весьма не таковая, о яковой нам слово сие», то есть не имеющая суверенитета, «Маестата» в понимании Прокоповича. Здесь он фактически описывает, ровно то, что произвели «верховники» в 1730 году, заставив Анну Иоанновну подписать договор (корона в обмен на выполнение «кондиций»), за неисполнение условий которого она соглашалась с тем, что «лишена буду короны российской»⁷¹. Анна фактически лишалась «суверенства», а «прямая» монархия становилась «непрямой». Соответственно «Кондиции» и «Форма правления», составленные Верховным тайным советом, равнялись фундаментальным законам государства. Прокопович естественно не мог принять подобного отчуждения самодержавной власти («суверенства») от личности монарха.

⁶⁹ *Правда воли монаршей*. С. 25.

⁷⁰ *Правда воли монаршей*. С. 32.

⁷¹ Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января - 25 февраля 1730 года: События, люди, документы. М., 2010. С. 36.

После «затейки верховников» вопрос о *фундаментальных законах* вновь поднимается только во второй половине XVIII века, когда правительство Елизаветы Петровны и Екатерины II берет на вооружение «монархическую риторику», предполагающую наличие в «истинной монархии» (*monarchie tempérée*) фундаментальных законов. Проект Ивана Ивановича Шувалова, созданный скорее всего в 1760-1761 г., предполагал «увенчать» работу елизаветинской Уложенной комиссии изданием фундаментальных законов, описывающих порядок наследования престола и закреплявших права поданных, прежде всего дворянства. В то же время образованное дворянство активно обращается к вопросу о положении высшего сословия в монархии. Несомненно, что почерпнутая у Монтескье идея монархии, ограниченной правами сословий, оказала существенное влияние на политические взгляды дворянской элиты 1760-х годов. Свидетельством тому может служить деятельность Романа Илларионовича Воронцова, который, будучи с октября 1760 года главой елизаветинской Уложенной комиссии, попытался не просто закрепить права дворянства, но сделать их неременным законом империи. По его мнению, описание прав других *сословий* было возможно только относительно положения дворянства, поэтому центральное место в третьей части *Нового Уложения* приобретает 22 глава, где права «благородных» становятся основой благополучия государства. В царствование Петра III отец его фаворитки выступил инициатором отмены обязательной службы дворянства, и стал, вместе с Александром Ивановичем Глебовым, автором манифеста *О даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству*, в котором присутствовало явное клятвенное обещание монарха: «Мы, Нашим Императорским словом, наиторжественным образом утверждаем, на всегда сие свято и ненарушимо содержать в постановленной силе и преимуществах, и нижепоследующие по Нам законные Наши Наследники в отмену сего в чем-либо поступить могут, ибо сохранение сего Нашего узаконения будет им *непоколебимым утверждением* Самодержавнаго Всероссийскаго престола». ⁷² Это клятвенное обещание манифест 18 февраля 1762 года *фундаментальным законом*, ограничивающим власть

⁷² ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 15. СПб., 1830. С. 914, № 11.444 (18 февраля 1762 г.: О даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству). В подлиннике проекта 22 главы третьей части *Уложения* выделена в черную рамку фраза о том, что вольность дворянства будет неременным правилом для монарха и «*ниже преемники Наши по Нам вотмену сего в чем-либо поступить могут: ибо сохранение онаго будет им непоколебимым утверждением самодержавнаго Всероссийскаго престола*» (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Ч. II. Л. 381).

монарха в отношении прав подданных⁷³. Но наряду с собственно дворянской «вольностью» это ограничение политической воли государя не устраивало Екатерину II, которая 11 февраля 1763 года заявила Комиссии о вольности дворянской, что дворянство «сохраняется при полученной свободе» и она даже согласна подтвердить все, что «помянутое собрание придумает к умножению в России дворянской свободы», но только бы «самодержавная власть в российском государстве, которую империя издревле управляется, в своей силе оставалась».⁷⁴

Екатерина II в 1762 году активно использовала риторику изобличения самовластья и утверждала необходимость соблюдения твердых законов самим монархом в манифесте 6 июля 1762 года, который подробно объяснял подданным причины низложения ее супруга.⁷⁵ Автор манифеста обвиняет Петра Федоровича в том, что он преступил традиции страны, посягнув на православие, «презрел он и законы естественные и гражданские» и, таким образом, перестал быть самодержавным (*monarque*) властителем, а стал самовластным (*despote*): «и он возмечтал о своей власти Монаршей, яко бы она не от Бога установлена была, и не к пользе и благополучию подданных своих, но случайно к нему в руки впала для собственного его угождения, и для того дал самовластие своему соединится с самовольным стремлением на все *такие установления в государстве*, какие только малость духа его определить могла к оскорблению народа».⁷⁶ Вступая на престол, императрица, как «истинный монарх» приносит клятву и обещает установить *фундаментальные законы* и править согласно с ними: «...здесь наиторжественнейше обещаем Нашим Императорским словом, *узаконить такие государственные установления*, по

⁷³ Это прекрасно осознавали современники, так М.М. Щербатов, критикуя *Жалованную грамоту 1785 г.*, ссылался на *манифест 1762 г.* как на «*основательный закон* государства, яко в 9 пункте точно сие изображено». См.: *Щербатов М.М.* Примечания верного сына отечества на Дворянские права // ЧОИДР. 1871. Кн. 4. Ч. 5. С.9

⁷⁴ Цит. по: *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 201.

⁷⁵ Манифест 6 июля 1762 года // Оснадцатый век. Исторический сборник, издаваемый П. Бартевым. Кн. 4. М., 1869.

⁷⁶ Там же. С. 218.

которым бы правительство любезного Нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело.»⁷⁷

Утверждение, что самодержавная власть была «испроверженна» Петром III, призвано подчеркнуть, что Екатерина II восстанавливает в России монархию вместо деспотии, установленной произволом ее супруга. Скорее всего, текст манифеста был написан Григорием Николаевичем Тепловым при непосредственном участии Н.И. Панина, который на протяжении всей своей политической деятельности настаивал на введении *фундаментальных законов* в России.⁷⁸ В 1762 году Н.И. Панин, защищая свой проект Императорского совета, раскрывает понимание «непоколебимых» законов в записке, где он оспаривает замечания императрицы на проект манифеста об учреждении Совета и реформе Сената:

...каждой разумной с[ы]нь отечества признать должен, что никакая великая, особливо же Российская, империя надежнее управл[я]тся не может, как монаршеским правлением, то есть самодержавством, но из того не следует, чтоб преемник престола мог, имея законное право, без всяких границ все нарушить, что похочет [...] [и] своего самодержавного предместника *непоколебимо учрежденныя уставы*, яко то: *веру духовную, твердость и безопасность имени подданных, их разныя кондиции и состоянии*, достаточно установленную *форму правител[ь]ства*, что единственно почитается надежным ограждением престола Г[о]с[у]д[а]рева от злоключительных революций [...]. Благоразумной монарх почитает не токмо такие *Г[о]с[у]д[а]рственныя фундаментал[ь]ныя уставы*, но и простыя древния обычаи, естли оне переменою времен не обрателися в общей вред.⁷⁹

Панин, также как переводчики его эпохи, называет «самодержавством» монархическое правление, которое требует *фундаментальных законов*, как и все «благополюсованные», то есть цивилизованные, правительства. Из данного отрывка видно, что он подразумевал под *фундаментальными законами*: это не только сохранение монархического строя и православия, но и зафиксированные права

⁷⁷ Там же. С. 222. Интересно, что в официальном французском переводе Манифеста, предоставленном дипломатическому корпусу и опубликованном в европейских газетах, прямо говорится о намерении императрицы «*raffermir les Constitutions fondamentales de cet Empire & de notre Souveraine Puissance ébranlées par les malheurs passés*». Цит. по публикации в *Лейденской газете*: *Pièces imprimées à Petersbourg au Senat, concernant la Révolution en Russie // Nouvelles extraordinaires de divers endroits (Gazette de Leyde)*. Livraison n° 69 du 27 août 1762. Supplément.

⁷⁸ Об этом свидетельствует близкий к Н.И. Панину датский посол Гакстгаузен (Haxthausen), который сообщал 19 июля 1762 года своему двору, что манифест написан Г.Н. Тепловым, но «*Monsieur de Panin l'a corrigé et y donné la dernière main*» (цит. по: *Ransel D. The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party*. New Haven; London. 1975. P. 71).

⁷⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Д. 400. Л. 178 об.–179. Опубликовано: *Польской С.В.* Неизвестная записка Н.И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета (1762–1763 гг.) // Изв. Самарского научного центра РАН. Т. 12 (38). 2010. № 6.

сословий и неизменное сохранение «формы правительства», как «ограждение престола Государева от злоключительных революций». Собственно, такую «форму правительства» Панин и пытался разработать в своем проекте Императорского совета, полагая, что наличие *фундаментальных законов* выгодно отличает монархию от деспотизма.

Уже в конце своего жизненного пути, работая над проектом «непременных законов» для своего воспитанника великого князя Павла Петровича, Н.И. Панин создает вместе с Денисом Ивановичем Фонвизиным *Введение к непременным законам*, где наиболее полно представлено понимание наставником будущего императора сути *фундаментальных законов*.⁸⁰ Н.И. Панин и его последователи предлагают цесаревичу Павлу Петровичу программу преобразований: «просвещенный и добродетельный монарх, застав свою империю и свои собственные права в такой несообразности и неустройстве, начинает великое свое служение немедленным ограждением общия безопасности *посредством законов непреложных*».⁸¹ Это идея была близка и цесаревичу, правда, из всех непременных законов его, прежде всего, беспокоил тот, который бы устанавливал право престолонаследия.⁸² Поэтому во время коронации 5 апреля 1797 года он издал только акты, регулирующие преемственность престола⁸³.

Екатерина II, следуя веяньям века, пыталась продемонстрировать «монархическую природу» государства Российского, где наличествуют «непременные законы». Начиная с манифеста 6 июля 1762 года, в котором дается обещание ввести таковые узаконения, она трудится над подготовкой ряда фундаментальных законов. Собственно говоря, Екатерина II отчасти исполнила свою клятву: две *Грамоты* 1785 года являются абсолютными *фундаментальными законами* в понимании XVIII века, так как они закрепляли права сословий. Другое дело, что Екатерина II не хотела или не решалась даровать какие-либо политические права и гарантии, прежде всего,

⁸⁰ Рассуждение о непременных государственных законах // *Фонвизин Д.И.* Собр. соч. В 2 т. Т. 2. М., 1959. С. 254–266.

⁸¹ Там же. С. 265–266.

⁸² Сохранилось несколько проектов и записок, созданных Павлом в 1780-х годах. См.: Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И. Панина-Д.И. Фонвизина // ВИД. Т. VI. Л., 1974. С. 261–280. Павел составил в 1788 г. семейный договор, определявший порядок престолонаследия, опубликованный как Акт 5 апреля 1797 г. (ПСЗ. Т.24. № 17.910).

⁸³ ПСЗ. Т.24. № 17.906 и № 17.910. В преамбуле *Учреждения об императорской фамилии* прямо говорится, что этот акт должно поместить «в числе *фундаментальных законов* Империи Нашей» (Там же. С. 525)

дворянству, что уязвляло его идеологов. Вопрос закрепления гарантий на уже дарованные права был самым болезненным, это прекрасно осознавала сама императрица, старательно пытавшаяся решить сложное политическое уравнение, где гарантии прав для подданных не должны были ослабить власть государя.

Императрица уделяет много места *фундаментальным законам* в опубликованном *Наказе Уложенной комиссии* (1767), а также в рукописных проектах, таких как *План гражданских законов* (1774–1775), *Коренные статьи* (1779), проектах закона о престолонаследии (1768, 1785), *Наказ Сенату* (1787)⁸⁴. Понимание Екатериной II *фундаментальных законов* наиболее полно раскрыто в *Наказе*.⁸⁵ Здесь она сознательно отступает от идей Монтескье и произвольно трактует его концепцию монархии. Как известно, в «монархии умеренной» Монтескье «основными законами» (*lois fondamentales*) являются сословные права и привилегии, прежде всего дворянства. Он называет сословия «посредствующие власти» (*pouvoirs intermédiaires*). В *Наказе* же под *pouvoirs intermédiaires* («власти средняя») Екатерина II понимает «Сенат, коллегии и нижняя правительства», которые «премудро учредил» Петр Великий (ст. 99 *Наказа*). Поэтому «законы основание державы составляющие (*les lois fondamentales d'un Etat*) предполагают «малые протоки, сиречь правительства (*des Tribunaux*) чрез которые изливается власть Государева» (*Наказ*, ст. 20). Собственно говоря, здесь императрица подменяет сословия бюрократией, устанавливая административную вертикаль.

Важное расхождение с «первоисточником» проявилось и в вопросе об обеспечении гарантий законности: Монтескье видит эти гарантии в существовании «*Dépôt des Lois*» («хранилища законов»): органов, наделенных функцией регистрации законов и правом представления (*remontrance*) монарху в случае, если его новый указ нарушает *фундаментальные законы*. Для Монтескье *pouvoirs intermédiaires* и *Dépôt*

⁸⁴ См: *Омельченко О.А.* Указ.соч. С. 337-360; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 454-460.

⁸⁵ Екатерина II в набросках к *Наказу* раскрывает их содержание: «Законы фундаментальные: 1) Сохранение государства в его величии и пространстве. 2) Сохранение формы правления, установленной согласно этому величию государства. / Что же после сего наиважнейшее для граждан? Их жизнь, их преимущества и их состояние...» (цит. по: *Омельченко О.А.* Законная монархия Екатерины Второй. С. 338). В самом *Наказе* они определены как «непременные законы», которые разнятся от «учреждений временных» и указов. Следует отметить, что в латинском и французском варианте третьей главы *Наказа* встречается конституция, но в смысле учреждения, постановления (ср.: «О безопасности постановлений государственных» – «De tutione constitutionum imperii» – «De la sûreté de la Constitution de l'Etat»). См. четырехязычное издание: *Наказ Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторья, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения.* СПб., 1770. С. 12–13.

des Lois ни в коем случае не совпадают, в *Наказе* же «хранилищем законов» считается Сенат, ранее выступавший как часть «властей средних». Эта подмена терминов была обнаружена еще М.М. Щербатовым, который в своих *Замечаниях на Наказ* прямо утверждал, что без «основательных законов», в том числе без дворянских прав, нет истинной монархии. Критика *Наказа* князем М.М. Щербатовым позволяет нам осознать важность понятия *фундаментальные законы* для дворянских идеологов XVIII века. Для них содержание и значение этого понятия было определяющим в борьбе за политические права и гарантии, которую они вели с самодержавием. Щербатов в своих замечаниях на *Наказ*, в отличие от Н.И. Панина, В.И. Крамаренкова и самой Екатерины II, под «самодержавием» понимает именно «самовластие» и «деспотичество». Если он видит желание Екатерины выдать «самодержавие» за «монаршическое правление», то он одергивает императрицу в своих заметках. Например, в примечании на статью 18 *Наказа* он замечает, что Екатерина почти полностью привела слова Монтескье из *De l'Esprit des lois* (II, 4), только забыла одну фразу «где один правит по *основательным законам*». Щербатов он комментирует: «...отложение же сего слова оказывает желание к неограниченной деспотической власти, а где есть деспотичество, тут не могут быть законы тверды, ни власти средние, подчиненные, более взирающие на изволение деспота, нежели на законы». Щербатов удивляется содержанию 19 статьи *Наказа* и пишет: «Монтескию, тут же. Но все сие сей писатель предполагает в монархии, где государь обязан править по *основательным законам государства* [...] Но сие не в таких державах, где государь себя почитает быть превыше закону».⁸⁶

Сам Щербатов обстоятельно подходит к описанию «*основательных прав*» в своих *Размышлениях о законодательстве вообще*, где утверждает, что Россия «есть монаршического правления», «яко и сама Ея Величество в *Наказе* своем изъясняется», а следовательно, «монарх несть вотчинник, но управитель и покровитель своего государства, а потому и должно [быть] *некиим основательным правам*».⁸⁷ Это и есть *фундаментальные законы*, к которым Щербатов относит, во-первых, «твердое основание и положение о порядке наследства на престол», во-вторых, «хранение *владычествующей веры* и пребывание государя в оной». За этими ведущими установлениями следует краткое перечисление прочих незыблемых прав: «права

⁸⁶ Там же. С. 25.

⁸⁷ Сочинения кн. М.М. Щербатова. Т. 1. Стб. 391.

издания законов, разных налогов на народ, переделания монеты», «суд и право себя защищать», наконец, «*право именованя дворянскаго, по их разным степеням, ненарушимо в монаршеском правлении постановлено быть должно*». Щербатов не останавливается на этом, он говорит, что «надлежит иметь *хранилище законов*», каковым он полагает Сенат, но еще необходимо «*оной не токмо снабдить довольно основательными государственными правами о его могуществе, но также и наполнить такими людьми в силу же основательных прав, чтоб он порученный ему залог в силах был сохранить*».⁸⁸

В проектах Щербатова, как и у всех русских дворянских идеологов XVIII века, *фундаментальные законы* выступают средством консервации сословного общества и не имеют никакого отношения к современному пониманию *конституции*. В то же время эти *непреложные уставы* ввиду их отсутствия в деспотической России становятся «движущими понятиями», направленными на будущее, они наполняются целевыми смыслами. Неслучайно в финале своего памфлета *О повреждении нравов* Щербатов связывает пути выхода из коррумпированного настоящего с добродетельным монархом, дарующим «*основательные права государству*».⁸⁹ В этом состоит существенное расхождение с западной политической мыслью, для которой *фундаментальные законы* являются наследием прошлого, а не целью будущего политического развития.

Таким образом, уже во второй половине XVIII века вопрос о *коренных законах* стал поводом для полемики о путях развития России: то содержание, которое вкладывалось в это понятие различными политическими деятелями, важно для понимания их принципов и целей. Ситуация осложнилась на рубеже веков, когда старая политическая терминология начинает претерпевать существенные изменения.

4. «*Конституция*» в России начала XIX века

Французские революция внесла существенные изменения в понимание *фундаментальных законов*, а также актуализировала понятие *конституция* для

⁸⁸ Там же. Стб. 391–392.

⁸⁹ О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Приложение. С. 130.

русской политической жизни.⁹⁰ Вместе с разрушением *Ancien Régime*, произведшим неизгладимое впечатление на русских наблюдателей⁹¹, меняются некогда основополагающие представления о *государстве и обществе, гражданине и подданном, праве и собственности*.

В самом начале 1800-х годов в правительственных сферах вновь ведутся дискуссии о *коренных* законах. В столкновениях старых екатерининских вельмож и «молодых друзей» императора Александра, наряду с уже знакомыми, всплывают новые смыслы и значения старых понятий. Эта скрытое от посторонних глаз обсуждение 1801–1802 годов становится своеобразным итогом развития изучаемых концептов в политическом дискурсе России XVIII века. Воспитанники елизаветинской и ранней екатерининской эпохи, затвердившие политическую теорию Монтескье и Ваттеля, столкнулись с поколением своих детей и внуков, впитавших политические идеи революционной эпохи. Подобно новомодным парижским нарядам, которые шокировали старых вельмож, новый политический язык, занесенный из Франции, рассматривался как удел «развращенной» молодежи. В этом тоне 38-летний Федор Ростопчин, бывший павловский любимец и чиновник в отставке, жаловался на «молодых людей» в своем письме к графу А.Р. Воронцову 17 февраля 1802 г.:

La race des jeunes gens est mauvaise. Ceux qui prétendaient que les costumes indécents des jeunes gens de Paris avaient perverti les mœurs n'avaient pas si grand tort dans un certain sens, et ici on trouve à chaque pas des gens d'une origine noble, dignes par leur accoutrement et leur

⁹⁰ В эпоху Революции *конституция* проникает на страницы русских литературных сочинений. Н.М. Карамзин в *Письмах русского путешественника* (журнальная публикация 1791–1792 годов, отдельное издание 1801 года) ничего не говорит о спорах по поводу *конституции* во Франции, которые он должен был застать. Но он много пишет об английской *конституции*, под которой подразумевает, как и Де Лольм, государственное устройство. Карамзин утверждает, что при посещении Британского музея в июле 1790 года «всего любопытнее был для меня оригинал Магны Харты, или славный договор англичан с их королем Иоанном, заключенный в XIII веке и служащий основанием их *конституции*. Спросите у англичанина, в чем состоят ее главные выгоды? Он скажет: 'Я живу, где хочу; уверен, в том, что имею; не боюсь ничего, кроме законов' [...] Они горды – и всего более гордятся своею *конституциею*. Я читал здесь Делольма с великим вниманием. Законы хороши, но их надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были счастливы [...] Итак, не *конституция*, а просвещение англичан есть истинный их палладиум. Всякие гражданские учреждения должны быть сообразены с характером народа; что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле» (*Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Избр. соч. В 2 т. Т. 1 / Сост., подгот. текста и примеч. П. Беркова. М.: Л., 1964. С. 565–566, 592*).

⁹¹ Среди них был князь Борис Голицын, одним из первых зафиксировавший противостояние понятий *общества и государства* в своих заметках «*De l'influence des événements sur la formation d'une Constitution*» (1790). Видимо под влиянием революционных речей и памфлетов, он говорит о «*querre continuelle entre le peuple et le souverain*» во Франции, где в отличие от Англии не появилась правильная *конституция* («*D'un semblable ordre de choses il étoit impossible de voir naitre une constitution quelconque*»). См.: Голицын Б.В. О влиянии событий на Конституцию (1790). Перев. с фр. и комм. В.С. Ржеуцкого и А.В. Чудинова // Французский ежегодник 2010: Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохи Наполеона. М., 2010. С. 200.

langage d'être adoptés par Danton et Robespierre. Il faut espérer que Dieu veillera sur un pays où on l'a adoré depuis tant d'années et qu'il maintiendra et Son culte, et le pouvoir souverain.

В неоднозначной обстановке, сложившейся в Петербурге после дворцового переворота 11 марта 1801 года, лавируя среди противоборствующих придворных группировок, молодой император Александр I недвусмысленно заявил о необходимости политических реформ. «Молодые друзья» императора первоначально предлагали ему обратиться к плану преобразований, изложенных в записке, приписываемой канцлеру Александру Андреевичу Безбородко.⁹² Этот текст был весьма далек от «языка Дантона и Робеспьера». Автор *Записки для составления законов Российских* настаивал, что император должен править не по прихотям, а «держат в почтении и исполнении законы предков своих, и самим им установленныя, словом издавши закон свой, он так сказать, сам первый его чтит и ему повинуетя, дабы другие и помыслить не смели, что они от того уклониться или избежать могут». При коронации императора предполагалось, чтобы «Государь по изречении символа веры, произнес клятвенное обещание в таких выражениях, которыя являли б народу Его непорочное намерение царствовать во славу Империи, и во благо общественное. Таковая присяга могла бы быть в следующей силе...».⁹³ К сожалению, далее в документе идет пропуск, хотя очевидно, что «клятвенное обещание» уже предполагает определенное ограничение *фундаментальными законами*, набросок которых собственно, излагается далее в записке как описание сословных прав и привилегий, а также полномочий высших государственных учреждений. В этом смысле *Записка* не представляла ничего нового со времен первого предложения Шувалова 1760 г.

Вызванный в столицу из своего имения граф Александр Романович Воронцов при первом же свидании с императором в начале мая 1801 года слышит от него о его желании «diminuer le pouvoir souverain» и даровать России «une *Constitution* qui borne de son Pouvoir et donne droits grands». Наконец, Александр I просит известного своим

⁹² Оригинал *Записки для составления законов Российских* до сих пор не обнаружен, все списки документа датируются началом XIX века и не подписаны, в самом документе присутствуют определенные анахронизмы, которые позволяют датировать его скорее 1801, чем 1799 годом. Так, например, автор говорит о предстоящей коронации и необходимости императорской клятвы во время ее, но подобное утверждение в 1799 году звучит несколько странно. Собственно, единственным подтверждением авторства А.А. Безбородко являются ссылки на записку «молодых друзей». Можно предположить, что сохранившиеся списки могут быть или обновленным «молодыми друзьями» конспектом записки, или комментариями неизвестного лица по ее содержанию.

⁹³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 400: О внутреннем управлении России. Т. 3. Л. 15 об., 16 об.

гражданским мужеством Воронцова составить проект такой *Грамоты*.⁹⁴ Воронцов незамедлительно сообщает об этом своему брату в Лондон: он заверяет его, что не является «un amateur du despotisme», но весьма опасается последствий столь непродуманных действий императора. Ответ Семена Воронцова был полон ужаса перед замыслом императора и апокалиптических пророчеств по поводу перемен в конституции России:

...faire des changements si essentiels dans l'empire le plus vaste de l'univers, dans une population de plus de 30 millions, dans une nation non préparée, ignorante et corrompue, et cela dans un temps où la fermentation des esprits est universelle sur tout le continent: c'est, je ne dis pas risquer, mais amener inmanquablement les troubles dans le pays, c'est amener la chute du trône et la dissolution de l'empire⁹⁵

Однако, Александр Воронцов приступает к написанию первой редакции *Грамоты*, вошедшей в историю как *Жалованная грамота российскому народу*. В составлении окончательной редакции этого документа приняли участие, кроме Воронцова, «молодые друзья» императора граф Виктор Павлович Кочубей и Николай Николаевич Новосильцев, рукой которого написана окончательная редакция *Грамоты* на французском языке, а уже в ее перевод внес стилистическую правку Михаил Михайлович Сперанский. В преамбуле этого документа без обиняков говорилось, что *Грамота* дарует России *фундаментальные законы*. Александр I должен был объявить, что «изъявили Мы волю и намерение Наше, употребить все силы и старания к благоденствию России, управляя народом [...] *коренными законами*», а затем император фактически приносил клятву: «узаконяем и обещаем Императорским Нашим словом за Нас и приемников наших, яко *коренным законом*, следующие статьи».⁹⁶ Предполагалось, что император провозгласит *коренным законом* империи статьи *Жалованной грамоты российскому народу* во время коронации в Москве. Собственно говоря, это напоминало процедуру, приписываемую западными политическими трактатами ограниченному монархам, а также предложение из *Записки для составления законов Российских*. Как известно, император так и не решился ни на

⁹⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 47. Л. 54. Воронцов вставляет в свое французское письмо это русское слово, как эквивалент Конституции, в последующих письмах, он использует нейтральное и скорее подходящее к «Грамоте» – «une Chartre». Когда он впервые пишет брату о Грамоте, называя ее по-французски *Constitution*, он имеет ввиду словарное «Конституция государя» (например в *Trevoix* 1771 года), то есть постановление, уложение монарха, но в данном случае – такое уложение, которое дает «коренные законы».

⁹⁵ Письмо С.Р. Воронцова - А.Р. Воронцову. 14(26) июня 1801 г. // Архив князя Воронцова. Т. 10. СПб., 1876. С. 99.

⁹⁶ ОР РНБ. Ф. 637. Д. 922: Проект всемилостивейшей грамоты российскому народу жалуемой. Л. 1 об.–2.

публикацию *Грамоты*, ни на «клятвенное обещание» во время коронации в сентябре 1801 года.

Грамота, в частности, вызвала критику со стороны бывшего наставника императора Фредерика-Сезара Лагарпа, который еще в апреле 1801 года предлагал своему воспитаннику не следовать примеру Антонинов, которые «не основали счастье своих народов на прочных установлениях, способных удержать в рамках закона таких императоров, как Коммод, Каракалла или Гелиогобал», поэтому необходимо «сделать для Вашей нации сие великое благодеяние. Защитите ее от произвола преемников Ваших такими установлениями, при которых правительство имело бы мощь, ему потребную, а народ – надежное ручательство против тирании»⁹⁷. Но прибыв в Россию Лагарп сменил тон, уже 3 сентября 1801 г. он советовал Александру I :

Именем народа Вашего, Государь, храните со всем тщанием ту власть, которой наделены и которую употреблять станете лишь для его великого блага. Не поддавайтесь отвращению, какое абсолютная власть Вам внушает. Получили Вы эту власть в полном согласии с законами Вашей страны, а потому имейте мужество сохранять ее целиком и безраздельно вплоть до того времени, когда завершены будут под Вашим надзором все труды, необходимые для того, чтобы ей положить предел, а тогда оставите Вы себе лишь те обязанности, каковые для энергичного правления потребны⁹⁸.

Лагарп считал, что император «рожденный убересть свой народ от власти деспотической» должен реформировать судебную власть и составить кодекс законов, только после этого можно «доставить подданным благодетельную свободу гражданскую». Подобно Семену Воронцову Лагарп толкует о постепенном пути реформ и «перемене конституции», которую нельзя даровать одной *Грамотой*. В этом смысле понимание термина *конституция* братьями А.Р. и С.Р. Воронцовым и Лагарпом было еще тесно связано с политической наукой середины XVIII века, и прежде всего, с идеями Монтескье.

Эти идеи были столь же близки братьям Платону и Валериану Александровичам Зубовым, которые разработали свои «конституционные» проекты. До нас дошла анонимная записка *О коренных законах государства* (1802), традиционно приписываемая М.М. Сперанскому, хотя ее содержание противоречит идеям, развитым в последующих проектах этого государственного деятеля. Прежде всего,

⁹⁷ Ф.-С. Лагарп – Александру 17 апреля 1801 г. (Плесси-Пике) // Император Александр I и Ф.-С. Лагарп: Письма. Документы. Т. 1. 1782-1802. Сост., вст.ст. и коммент. А. Ю. Андреева и Д. Тозато-Риго; пер. с фр. В. А. Мильчиной. М., 2014. С.384.

⁹⁸ Ф.-С. Лагарп –Александру 3 сентября 1801 (Санкт-Петербург) // Там же. С. 397.

очевидна проаристократическая тенденциозная позиция автора, позиция никогда не бывшая близкой Сперанскому, не говоря уже о своеобразном тоне, в котором документ написан. Исследователи давно отмечали «странности» так называемых «ранних записок» М.М. Сперанского. Михаил Михайлович Сафонов убедительно доказал, что автором этих записок является граф В.А. Зубов, член Непременного совета.⁹⁹

Валериан Зубов выступает в записке *О коренных законах* как сторонник реализации принципов «умеренной монархии» Монтескье в России. Для него куда важнее социальное преобразование России, чем политическое, поскольку без общественных изменений невозможно установление «истинной монархии» и действие *коренных законов*. Автор записки 1802 года, следуя рассуждению Монтескье «point de noblesse, point de monarchie», утверждает: «...вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи». Он продолжает: «...при таком разделении народа в отношении к престолу, каким образом можно думать о каком-нибудь *образе правления*, о каких-либо *коренных законах*...».¹⁰⁰ Обратим внимание, что здесь в одной строчке соединяются старое понимание конституции (*образ правления*) и *коренные законы*, но фактически они противопоставлены друг другу. Автор записки предлагает разделить дворянство на высшее (первые четыре класса *Табели о рангах*) и низшее, затем для высшего дворянства восстановить указ 1714 года «о первородстве», а потом превратить «низшее» дворянство в простое чиновничество, лишив его дворянских прав и привилегий. Таким образом, «высший класс» сможет выступить гарантом «коренных законов».

В.А. Зубов в другой своей записке *О правах Сената* (1802) пишет: «По *настоящей конституции России*, источник, начало и конец всех сил государственных есть государь».¹⁰¹ Здесь, как и в проекте *О коренных законах* мы снова видим «устаревшую», с современной точки зрения, семантику понятия *конституция*. В тоже время *коренные законы* выступают у него «движущим понятием», их реализация

⁹⁹ Сафонов М.М. О так называемых ранних записках М.М. Сперанского // ВИД. Т. 22. Л., 1991. С. 101–117.

¹⁰⁰ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 239.

¹⁰¹ РГИА. Ф.1167. Оп. 16. Д. 8: Записка гр. Валериана Зубова о правах Сената при всеподданнейшем письме 29 апреля 1802 года. Л.7.

возможна только в будущем, как результат значимой социальной реформы, в результате которой русское дворянство приобретет характеристики «монархического дворянства» *à la Montesquieu*.

Следует предположить, что первое, наиболее близкое к современному, понимание *конституции* в России артикулировал граф Павел Александрович Строганов. Он был в Париже как раз во время бурных дискуссий по поводу *конституции*, в ее подлинном значении, пришедшихся на 1788–1789 годы; он во многом впитал те идеи, которые были близки «друзьям Конституции», а не их противникам, полагавшим, что у Франции уже есть *конституция*, и никакая другая ей не нужна. Среди его бумаг, связанных с деятельностью «Негласного комитета», переплетенных в том под названием *Principes de la réforme du Gouvernement*, сохранилась записка *О состоянии нашей Конституции (De l'état de notre Constitution)*. Казалось бы, название записки вновь отсылает нас к старому дореволюционному пониманию *конституции*, но Строганов с самого начала заявляет свое ясное видение *конституции* как правового признания прав нации:

A mon avis une Constitution est la reconnaissance légale des droits d'une nation ou les formes dans lesquelles elle peut les exercer. Pour assurer ensuite la validité de ces droits, il doit exister une garantie à ce qu'un pouvoir étranger ne puisse pas empêcher l'effet de ces droits. Si cette garantie n'existe pas, le but de l'usage de ces droits, qui est d'empêcher qu'aucune mesure du gouvernement puisse être prise à l'encontre du véritable intérêt national, ce but, dis-je, serait manqué, & alors on pourrait dire qu'il n'y a point de Constitution.¹⁰²

Последняя фраза прямо отсылает нас к статье 16 французской *Декларации прав человека и гражданина* 1789 года. Для Строганова также вполне приемлемы ведущие ценности данной *Декларации*, они должны составить и *конституцию* России: «Le bonheur des hommes consiste dans la sûreté de leur propriété & la liberté d'en faire tout ce qui ne peut pas être nuisible à autrui». Наконец, Строганов устанавливает равенство между *конституцией* и *фундаментальными законами*, предполагая, что устранение административного произвола будет способствовать сохранению собственности и свободы: «Les gardiens de ces règlements de l'administration sont *les lois fondamentales de*

¹⁰² РГАДА. Ф. 1278: Строгановы. Оп. 1. Д. 14: Principes de la réforme du Gouvernement. Л. 92. Записка опубликована: Николай Михайлович, в. кн. Граф Павел Александрович Строганов. СПб., 1903. Т. 2. С. 40. Перевод вел. кн. Николая Михайловича: «Конституция есть законное признание прав народа и тех форм, в которых он может осуществлять свои права. Для укрепления действительности этих прав необходимо иметь обеспечение, что посторонняя власть не воспрепятствует пользованию этими правами. Где нет такого обеспечения, которое воздерживало бы правительство от мер, противных интересам народа, там нет и конституции» (Там же. С. XI).

l'État ou, autrement dit, la Constitution». ¹⁰³ Но Строганов тут же заявляет, что в России уже есть некоторые элементы *конституции*, а именно установленные и используемые на практике права отдельных сословий. Но при этом, говорит он, полностью отсутствуют какие-либо гарантии этих прав, что, собственно, и составляет главную цель *конституции*. Поэтому он полагает, что введение таких гарантий может привести к окончательному установлению конституционного строя в России.

Таким образом, Строганов сочетает старое понимание *фундаментальных законов*, как актов фиксирующих права отдельных сословий с новым узусом *конституции*, предполагающих закрепления прав *нации*. Только *нация* у Строганова не представляет политического единства, поскольку разделена на сословия. Граф Строганов отнюдь не предполагал гражданского равенства в своем наброске, наоборот его *политическое общество* представляет собой сословный старорежимный порядок.

В историографии сложились самые разные оценки политической программы «Негласного комитета». Некоторые историки считали ее, вслед за перепуганными старыми вельможами, «якобинской», чуть ли не революционной, что отнюдь не верно, так как большинство членов этого «революционного комитета» не только не собирались уничтожить сословное деление общества, но и стремились к укреплению дворянских привилегий. Как кажется, изучение понимания «молодыми друзьями» *конституции* поможет нам осознать их представления о направленности реформ. Марк Раев полагал, что к началу XIX века сложилось два основных понимания *конституции*. Первое было результатом английской конституционной традиции, а также революций в Америке и Франции. Согласно этой традиции *конституция* есть:

...a written document clearly stating the sources and character of political sovereignty, guaranteeing the basic rights of all citizens, establishing the mechanism of a representative parliamentary government, and, most important, confining the executive to a position subordinate to that of the elected legislative power.

Второе понимание *конституции* было распространено в России, оно характерно для Александра I, членов Негласного комитета и позже М.М. Сперанского:

What they called constitutions should perhaps be termed '*fundamental principles of administrative organisation*'. The term constitution conveyed to them the idea of an orderly system of government and administration, free from the caprices and demoralising tyranny of arbitrariness. To give Russia a constitution, therefore implied bringing clarity and order to the

¹⁰³ Там же. С. 41. Перевод: «Хранители сих административных установлений суть фундаментальные законы Государства, или, иначе говоря, Конституция».

administration and basing the relationship between the government and the individual subject on the rule of law.¹⁰⁴

Это очень тонкое наблюдение, как кажется, верно, лишь отчасти. Действительно, «молодые друзья» не предполагали установить в России английскую или французскую конституцию, но *конституция* в их понимании не сводилась только к административной составляющей. Как доказательство подобного тезиса можно привести слова Строганова, который утверждал, что *конституция* включает в себя три части: «установление прав, их использование и гарантию оных» («l'établissement des droits, la manière d'en faire usage & la garantie»). Н.Н. Новосильцев предлагал на первом заседании «Негласного комитета» в июне 1801 года следующий порядок его деятельности:

...d'abord on devait se rendre compte de l'état actuel des choses, ensuite précéder a la reforme de ces diverses parties de l'administration et enfin couronner ces différentes institutions par une garantie offerte dans une *constitution* réglée d'après le véritable esprit de la nation.¹⁰⁵

Очевидно, что Новосильцев связывает *конституцию* с *esprit de la nation*, а не с административной системой, которая должна быть урегулирована до установления *конституции*, и только в последнюю очередь должна быть дарована *конституция*, закрепляющая результаты проведенных реформ. Таким образом, *конституция* для «молодых друзей» становилась еще более дальней целью, чем *основательные законы* у прожектеров XVIII века, она должна была увенчать длинную цепочку преобразований, прежде всего в области законодательства и составления нового *Кодекса законов*.

Среди бумаг Новосильцева, посвященных его работе в «Комиссии законов» в 1803–1804 годах, содержатся материалы и наброски *Кодекса законов*. Так вот, первая часть этого кодекса (1 section) озаглавлена «Constitution de l'Empire de Russie» и включает в себя не только установление прав и обязанностей императора, закон о престолонаследии и статус высших государственных учреждений (Сената и министерств), что, собственно, уже включалось в проекты *непременных законов* еще в XVIII веке, но также и права подданных в целом и сословий в частности.¹⁰⁶ Поэтому

¹⁰⁴ Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia. The Hague, 1957. P. 41, 42.

¹⁰⁵ Граф Павел Александрович Строганов. Т. 2. С. 61. Перевод: «Прежде всего, должно узнать насущное положение дел; затем реформировать различные части администрации, и, наконец, увенчать различные установления гарантией данной в *конституции*, основанной на истинном духе нации».

¹⁰⁶ При этом до сведения публики был доведен план нового свода законов: Доклад министерства юстиции о преобразовании комиссии составления законов и Выписка из поднесенных ЕИВ

невозможно однозначно считать, что для реформаторов начала XIX века *конституция* была лишь набором «фундаментальных принципов административного устройства». К тому же следует отметить, что выделенная М. Раевым первая традиция была относительно новой, даже в Америке и Франции *конституцию* связывали именно с административными формами: достаточно взглянуть на определения американских и французских словарей конца XVIII – начала XIX века или на определение *конституционных законов* аббатом Сийесом. Поэтому неудивительно, что и в русских проектах столь много места уделяется административным формам *конституции*.

В политических записках П.А. Строганова и Н.Н. Новосильцева *конституция* – это уже акт, гарантирующий права, в том числе описывающий границы государственной власти в отношении прав и свобод личности наряду с регламентацией системы государственного правления. В то же время для А.Р. Воронцова и его современников политическое понимание *конституции* и *фундаментальных законов* отличается, для них *конституция* в широком значении – это форма правления, а в узком значении – конкретное постановление государя. А *фундаментальные законы* суть неизменные установления, закрепляющие права сословий. Эта различная трактовка ключевых понятий екатерининскими вельможами и александровскими «друзьями» является индикатором их разнящихся политических дискурсов, сформированных разным образованием, культурой и историческим контекстом. Взаимное непонимание поколений выразилось в разных смыслах, вкладывавшихся, в казалось бы, одинаково звучащие термины.

Проекты М.М. Сперанского составленные по поручению Александра I, так же как и работы «Негласного комитета» оставались исключительно закулисным обсуждением *конституции* и *непременных законов*. В этом смысле «Введение к Уложению государственных законов» 1809 г. не стоит рассматривать как оригинальный труд Сперанского, а скорее как продолжение целого ряда проектов 1801-1802 гг. , вызванным желанием императора «утвердить власть правительства на началах постоянных»¹⁰⁷. Проект 1809 г. суммировал все прежние реформаторские замыслы и представлял собой наиболее полно разработанный план реформ, включавший, в

присутствием комиссии рапортов об успехах трудов ея. Ч.1. СПб., 1804. Здесь содержится *Главное расположение книги законов*, в котором говорится, что «Первая часть содержит в себе *Государственное Постановление*, или законы внутреннего устройства» (Там же. С. 38), во французском переводе: «La Première contient la *Constitution de l'Empire* et les lois organiques» (Там же. С. 39).

¹⁰⁷ Сперанский М.М. План государственного преобразования. М., 2004. С. 177.

частности, идею представительства. Если сравнивать проект Сперанского с поздней *Уставной грамотой* Новосильцева, его положения отличались большей широтой и радикализмом суждений. Видимо во многом этот проект был отражением идей самого Александра I и фиксировал его политические представления. Примечательно, что понимание *конституции* в нем отличается от так называемых *ранних записок Сперанского* 1802-1803 гг., которые, как мы видели, ему не принадлежали, а являлись сочинениями Валериана Зубова. Интересно, что в поздних сочинениях Сперанского, где авторство принадлежит только ему самому (1820-х гг.), термин *конституция* почти полностью исчезает.

В «Отрывке о комиссии Уложения» (1802), традиционно приписываемой М.М. Сперанскому, автор утверждает, что «всякое государство имеет свою *конституцию*, и Уложение должно быть согласно с сею *конституцией*», однако далее замечает, что «всякое Уложение должно быть основано на существующих правах народа... В России должно их предполагать, ибо в самом деле они еще не существуют, хотя и много писано о них в грамотах и манифестах. В правлении самовластном не может быть Уложения»¹⁰⁸. В «Введении к Уложению государственных законов» (1809) мы встречаем совершенно иное понимание *конституции*, здесь Сперанский говорит о *конституции* как о писанном законе, который вводится народами или государями. То есть в России нет конституции, ее надо ввести:

Конституции во всех почти государствах устрояемы были в разные времена, отрывками и по большей части среди жестоких политических превращений. Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы¹⁰⁹.

Здесь Сперанский рассматривает *конституцию* как установление политических и гражданских прав при переходе от феодальной к республиканской системе: «Все политические превращения, в Европе бывшие, представляют нам непрерывную, так сказать, борьбу системы республик с системою феодальною». В России созрели условия для этого перехода: «настоящая система правления несвойственна уже более состоянию общественного духа и настало время переменить ее и основать новый вещей порядок»¹¹⁰. Собственно *конституцию* Сперанский называет в тексте

¹⁰⁸ Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 216-217.

¹⁰⁹ Там же. С. 341.

¹¹⁰ Там же. 348.

«Введения» «Государственным уложением», приравнивая к нему «коренные государственные законы». Интересно, что спустя 10 лет Александр I, при обсуждении *Уставной грамоты Российской империи* так же велел переводить *constitution* как *Государственное уложение*¹¹¹.

Становление публичной сферы и рост печатной продукции, в том числе развитие журналистики¹¹², вели к быстрому распространению новой политической терминологии среди читающей публики. Активная адаптация новых политических понятий стала особенно заметна после наполеоновских войн, во второй половине 1810-х гг. Знаменитая речь императора на польском сейме в 15 марта 1818 г. стала практически сразу известна в России и вызвала самые широкие толки в русском обществе¹¹³. Современники полагали, что именно она способствовала широкому хождению термина *конституция* в новом значении. Так Сергей Николаевич Глинка утверждал, что «в Москве ни у кого до 1818 г. не срывалось с языка слово *Конституция*. Император Александр Первый сам пустил в ход это заманчивое слово...»¹¹⁴. Интересно, что при этом правительство пыталось избежать ассоциаций *Грамоты* с европейскими конституциями как октроированными, так и революционными. В 1820 г. Н. Н. Новосильцев, сочиняя текст манифеста к *Уставной*

¹¹¹ П. А. Вяземский вспоминая о встрече с Александром летом 1820 г., по поводу подготовки перевода *Уставной грамоты*, писал: «Перевод слов *constitution* и *libéral* словами *государственное уложение* и *законносвободный* принадлежит самому государю». Цит. по: *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. С. 182.

¹¹² Русские журналы в начале XIX в. активно пишут и печатают конституционные акты на своих страницах. См.: Конституция Итальянской республики // Вестник Европы. 1802. Ч. II, № 5, март. С. 71–79; О некоторых выгодах Германской конституции // ВЕ. 1808. Ч. X X I, № 14. С. 183–187; Государственный устав Испанской Монархии // Вестник Европы. 1813. № 13. С. 48–67; № 14. С. 130–132; Конституция Французского королевства // Сын Отечества. 1814. Ч. 13, № X X VII. С. 193–197; Ч. 14, № XX XX V. С. 259–270; Новая конституция Франции, изданная под названием дополнительного акта к государственным конституциям // Дух Журналов. 1815. Ч. 3, кн. 20. С. 1063–1071; О конституции Норвежского государства // Вестник Европы. 1816. Ч. 88, № 16. С. 48–67; Государственное уложение Баварского королевства // Дух Журналов. 1818. Ч. 31, нояб. С. 525–572; Государственное уложение Великого герцогства Баденского // Архив исторический и политический : из Духа журналов. СПб., 1818. С. 228–260; Конституция Северо-Американских областей // Дух Журналов. 1820. Ч. 38, кн. 2. С. 73–88; Кн. 3. С. 97–116; Кн. 4. С. 157–164.

¹¹³ Консервативно настроенный Федор Ростопчин, полагал что «конституция» несет «свободу крепостным», но монарх посягая на права дворянства, не собирается ограничить свою власть и установить законность: «On regarde comme une constitution la liberté des paysans, qui est contre le voeu de la noblesse; mais on ne voudra pas restreindre son pouvoir et se mettre sous l'empire de la justice et de la raison». Ф. В. Ростопчин - С.Р. Воронцову. 26 января 1819 г. (Париж) // АКВ. Т. 8. С. 363.

¹¹⁴ *Глинка С.Н.* Исторический взгляд на общества европейские и судьбу моего отечества // Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 118.

грамоте Российской империи, прямо утверждает что *Грамота* не устанавливает новые положения, а лишь описывает конституцию империи, то есть *конституцию* в старом дореволюционном значении:

Уставная грамота... не вносит никакого новшества и никакого изменения в государственное устройство. Она основана на наших государственных учреждениях, она их объединяет, развивает положенные в их основу принципы, приводит их в действие и тем самым открывает возможность ввести порядок и гармонию в различные отрасли управления¹¹⁵.

Один из участников работы над *Уставной грамотой* князь П. А. Вяземский совершенно иначе воспринимал происходящее, для него *государство* уже прямо ассоциировалось с правительством, которое необходимо контролировать и *представительство* является обязательным элементом этого контроля. Рассуждая о происходящем, он писал в марте 1819 года А. И. Тургеневу:

Правительство наше, как робёнок, шалит и говорит: „Никто не увидит!“ Пора, пора приставит к нему в дядьки представительство народное; пусть дядька будет и глуповат, но все дитя будет немного помирнее. Беда только, как дядька не забудет, что он из рабов и станет на все говорить: «Ваша господская воля». Вот этого одного боюсь, а глупости меня не пугают. Мы с правительством будем играть в свои глупости, как в свои козыри: чья старше!¹¹⁶

Новое понимание *конституции* быстро распространилось среди образованной русской публики, в том же 1819 году А.С. Грибоедов мог говорить: «В Европе, даже и в тех народах, которые еще не добыли себе *конституции*, общее мнение, по крайней мере, требует суда виноватому».¹¹⁷ Обратите внимание: здесь *конституцию* можно «добыть», это акт, дающий права и гарантии, в то время как в XVIII веке большая часть образованных людей полагала, что *конституцию* можно «переменить», но лучше этого не делать, так как *конституция* – это установленная традициями форма правления в любой стране, и ее изменение – это путь к гибели государства¹¹⁸.

В конституционных проектах декабристов современные им европейские тенденции нашли свое наиболее полное выражение. В отличие от *Уставной грамоты* Новосильцева, где сословные различия сохранялись, при том, что сами сословия не имели никаких гарантий в сохранении своих прав¹¹⁹, Н. М. Муравьев и П. И. Пестель в

¹¹⁵ Цит. по: МIRONENKO С.В. Самодержавие и реформы. С. 197.

¹¹⁶ Остафьевский архив. Т.1 . СПб., 1899. С. 204.

¹¹⁷ Грибоедов А.С. Соч. / Вступ. статья, коммент., состав. и подготовка текста С.А. Фомичева. М., 1988. С. 404.

¹¹⁸ К примеру такого «старого» понимания конституции придерживался Н. М. Карамзин. См.: Киселев М.А. Карамзин и конституция // Новый Мир. 2016. № 7. - http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/7/karamzin-i-konstituciya.html

¹¹⁹ Глава III-я (ст. 78-98) *Уставной грамоты* предполагала введение ряда «гражданских» свобод для «всех российских подданных», которые не соотносились напрямую со всеми сословиями. Так ст. 91 гласила «Да будет от ныне на всегда российский народ иметь представительство», но при этом

своих проектах предполагали уничтожение сословий и введение общих гражданских свобод. Это вполне соответствовало важнейшим целям новых «республиканских» конституций – установлению гражданского равенства и охране прав человека и гражданина. Несмотря на «славянизацию» понятия конституция, слово которое оба декабриста сознательно избегают¹²⁰, они подразумевают в каждом случае - писанный основной закон, закрепляющий систему государственного управления и общие гражданские права. Никита Муравьев говорит при этом об «уставе положительного образования», а Павел Пестель называет конституцию - «заповедной государственной грамотой великого народа российского», которая должна служить «заветом для усовершенствования государственного устройства России».

Адаптация декабристами понятия конституция вела их по общему пути с правительством, поиск русского эквивалента приводил к схожим словам (*Грамота* или *Устав*). Это лексическое единство, достигнутое во второй половине 1810-начале 1820-х гг., подразумевало и схожую семантику. Александр I, и его критики, одинаково понимали под конституцией уже не любое государственное устройство, не современный аналог аристотелевской *политии*, а фундаментальный закон правового государства, определяющий его структуру и описывающий права граждан. Политическое содержание вкладываемое в конституцию разными общественными силами могло существенно отличаться, но терминологическое единство было установлено. Эти семантические изменения служили индикатором уже иной эпохи, с новыми проблемами, целями и идеалами.

Более того, конституция становилась «движущим понятием»: так же как во второй половине XVIII века дворянская элита обсуждала необходимость фундаментальных законов для сохранения безопасности и собственности в своем государстве, теперь новоявленное общество искало в конституции защиты от посягательства на свои права со стороны государства.

представительством наделялись только представители дворянства, имеющих «недвижимое имение» и «градские обыватели», записанные в «градскую обывательскую книгу» (ст. 159, 161, 166, 171).

¹²⁰ И Н.М. Муравьев, и П.И. Пестель практически не используют термин конституция. Муравьев только на следствии в 1826 г. говорит о «проекте конституции» и о «конституционном уставе», в ранних редакциях его проекта это слово встречается только в сочетании «конституция Англии». Пестель же совсем не употребляет слово конституция.

Центральная администрация и локальное общество на Урале

Урал в имперском контексте: Территориально-административное деление

Карты Российской империи 18 – 19 веков делят её территорию на две части: «Россия, находящаяся в Европе» и «Россия, находящаяся в Азии». Показывают ли эти карты центральные губернии, показывают ли Сибирь, Урал находится, что называется, скраю, либо совсем «выпадает» из карты. Это объясняется безусловно его «пограничным» положением на политической и административной карте империи. Эта периферийность Урала подчёркивает тем не менее его центральную роль в имперском дискурсе того времени. Со времён Анны Иоанновны Урал принято считать географической границей между Европой и Азией, что имело для империи символическое и политическое значение. Протягивание границы вдоль «хребта Уральского» закрепляло принадлежность России к Европе, но в то же время заостряло внимание государства на проблеме интегрированности Сибири в имперскую административную систему. Урал оказался в роли некой границы внутри самой империи. В этой связи можно согласиться с аргументацией Ремнева. Он разделяет империю на четыре типа территорий: центр, внутренние губернии, окраины или пограничные территории и переходные формы периферии. Последние отличаются прежде всего их географическим положением, которое можно охарактеризовать как внутренние окраины, но и степень их интегрированности в имперское пространство. Заселение и экономическое освоение регионов внутренней периферии усиливало их интеграцию в империю. Унификация территориально-административного деления должна была интегрировать территории в административную сеть империи.¹ Издатель журнала «Русский вестник» Михаил Катков подвёл своего рода итог процесса интеграции имперского пространства: в 1871 году он поделился с публикой своим наблюдением, что Уфинская, Оренбургская, Тобольская и Томская губернии

¹ Ремнев, Анатолий, Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: Колониализм без Министерства колоний – Русский «Sonderweg»? // Ауст Мартин, Вильпиус Рикарда, Миллер Алексей, Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917), Москва 2010, с. 174 – 175; Hildermeier, Manfred, Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution, München 2013², S. 438-442, 515-522; Madariaga Isabel de, Russia in the Age of Catherine the Great, London 1982, S. 277-291. К проблеме интеграции окраин и Сибири в административный аппарат империи: Петрухинцев Николай, Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740), Москва 2014, с. 597-634.

растворились в Российском государстве и прекратили быть окраинами; с их преимущественно русским населением они полностью превратились во внутренние губернии.²

Из перечисленных Катковым губерний две находятся на Урале, Уфинская и Оренбургская. И действительно, Уральский регион можно отнести к переходной форме периферийной территории. Уже в силу своего географического положения между центральными областями России и Сибирью, но и в результате изменений населения по национальному и социальному составу, происходивших здесь с раннего Нового времени, Урал отличался и от центра, и от Сибири и тем более от Кавказа. Не случайно в описаниях империи, а также политической и административной дискуссии по вопросу её деления в первой четверти XIX века (Сперанский в 1809 г.) Уралу отводилась роль границы между внутренними губерниями и Сибирью. При этом речь шла об особенностях Сибири, не Урала, в конгломерате имперских территорий. Сперанский утверждал, что Сибирь нуждается в особой форме администрации, но к таким территориям он относил и регионы Южного Урала с центром в Оренбурге.³ Сибирский историк Словцов считал необходимой модернизацию Сибири, чтобы объединить её с законами и духовным образованием России.⁴ В такой аргументации Урал оказывался в роли границы между модерностью центральной России и отсталостью Сибири.

Положение Урала в административном и демографическом контексте империи, но и в силу особенностей экономического развития было амбивалентно. От регионов, которые будут обсуждаться в данной тематической секции, Урал отличался своим положением в рамках территориально – административного деления. Его территории принадлежали как к европейской части империи, так и к Сибири. Можно сказать, что в ходе реформирования административной системы России в течении всего XVIII столетия наибольшее число корректур и изменений произошло на Урале. Большая часть Урала в первой половине XVIII века, по губернской реформе 1708 года, вошла в состав Сибирской губернии с центром в Тобольске, а Южная Вятка и Башкирия были включены в Казанскую губернию. Но уже через одиннадцать лет административное деление Урала изменилось. В 1719 году Пётр I разделил Сибирь на пять провинций.

² Ремнев, указ. соч, с. 160-161.

³ Там же, с. 153; Сперанский М., Руководство к познанию законов, СПб 2002, с. 370.

⁴ Словцов П. А., Историческое обозрение Сибири, кн. 1, СПб 1886, с. 281; Ремнев, указ. соч., с. 152.

Три из них включили уральские территории: Вятка, Соликамск и Тобольск. Башкирия после раздела Казанской губернии была присоединена к провинции Уфа. Характерно, что Башкирия управлялась прямо из центра – из Сената, опиравшегося при этом на локальную элиту. В результате этой реформы на Урале присутствовали две формы правления: губернская – в Казани и Тобольске; воевады – на Вятке и в остальных провинциях. В 1727 году правительство «перенесло» Вятскую и Соликамскую провинции из Сибири в Казанскую губернию.⁵

В начале 1780х годов на Урале начала действовать губернская реформа Екатерины II. На его территории были образованы четыре наместничества: Вятка, Пермь, Уфа, Тобольск. Но уже в 1797 году наместничества исчезли с карты административного деления империи. Вместо екатерининских наместничеств на Урале возникли две довольно крупные губернии: Вятская и Пермская. Но центральным городом всего Уральского региона к тому времени стал Екатеринбург, входивший в Пермскую губернию.⁶

Экономическая структура Урала и горнозаводская элита

История Екатеринбурга отражает пожалуй главную особенность регионально-административного и социального развития Урала. Созданный в 1721 - 1723 годах на берегу реки Исеть на Среднем Урале Екатеринбург являлся крупным горно-заводским центром. В течении первой половины XVIII века здесь сложилась довольно крупная мануфактурная металлургическая индустрия. А сам Екатеринбург, с 1781 года город, стал административным центром всей горно-добывающей и металлургической индустрии на Урале. Он выполнял функции управления в области финансов, администрации, полиции, а также надзора над селениями и слободами, в которых жили крестьяне, присланные на работы на заводах. В 1723 году по мере роста крепости и населения Екатеринбурга туда были переведены земская и казённая конторы, судебная канцелярия и таможня, а затем и Сибирский обер-берг-амт. Приписные крестьяне находились под управлением земской конторы. Система горно-заводской администрации состояла из трёх ступеней – заводские конторы на местах, берг-амт в

⁵ Dukes, Paul, A History of the Urals. Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era, London 2015, S. 24-25

⁶ там же, с. 38.

округе и Сибирский берг-амт. Эта горно-заводская административная система существовала параллельно с губернской администрацией.⁷ В течении XVIII века на Урале сложилась плотная сеть казённой администрации из губернских, уездных и горнозаводских учреждений.⁸

Наряду с казёнными металлургическими центрами существовали частные горно-заводские округа, как например ниже-тагильский и невьянский, принадлежавшие Демидовым. Эти округа имели по отношению к государственной администрации самостоятельный статус; они являлись своего рода заводскими вотчинами. Частными заводчиками на Урале были Демидовы – старейший род, Строгановы, Яковлевы, Турчаниновы; крупнейшими из них были Демидовы. Первые представители этих родов, прежде всего Демидовы и Строгановы, были создателями окружной системы горно-заводской промышленности. Эти округа являлись частным владением и передавались по наследству. Таким образом процесс возникновения и обособления самостоятельных горнозаводских округов сопровождался формированием родов крупных уральских горнозаводчиков, превратившихся в крупнейших в России землевладельцев.⁹ То есть помимо государственной административной элиты на Урале существовала частная элита, экономическая и административная власть которой опиралась на горнозаводские округа и тем самым охватывала значительные территории Урала. Власть Демидовых в регионе была так велика, что они были готовы пойти на конфликт с властью, если их не устраивала государственная политика в области горнозаводской промышленности. У Никиты Демидова был острый конфликт с начальником казённых горных заводов Василием Татищевым. Демидов пытался предотвратить трансфер локальной государственной горнозаводской администрации на Средний Урал и создание здесь казённых предприятий.¹⁰ А в 1735 – 1737 годах Демидовы организовали сопротивление против военно – полицейских мер под руководством Татищева, направленных против староверов. Часть рабочих на

⁷ Там же, с. 24; История Урала с древнейших времён до 1861 г., Москва 1989, с. 264. 296.

⁸ Там же, с. 298.

⁹ Только на Среднем Урале из двенадцати частных заводов семь принадлежали Демидовым; одиннадцать заводов были казёнными. Неклюдов Евгений, Уральские заводчики в контексте российской имперской модернизации // Уральский исторический вестник, № 4 (49), 2015, с. 45-47; Dukes, указ. соч., с. 23.

¹⁰ Там же, с. 24; История Урала, с. 264.

демидовских заводах принадлежали, как и сами Демидовы, к староверам, более того многие из них работали на предприятиях нелегально.¹¹

Социальная структура общества на Урале.

Создание государственных предприятий и частных заводских округов оказало огромное влияние на формирование общества на Урале и его социальное деление. Центрами русской колонизации Урала в допетровский период были вотчины Строгановых на Каме и на Яике. С XVI века приток русских на Урал увеличился. Основной группой поселенцев были крестьяне и посадские люди. О массовом притоке русских на Урал можно говорить с XVII века. Уже в этот период заселение Урала регулировалось государством. Русские приходили в качестве служилых людей, таких как стрельцы, козаки, пушкари, государственные ремесленники. Среди казённых пришельцев были и служилые дворяне, посланные на Урал в качестве военных офицеров или воевод. Приток поселенцев значительно усилился после церковного раскола в 1660е годы. Самую большую группу пришедших на Урал русских представляли черносошные крестьяне. К концу XVII века на Урале образовалось коренное русское население, т. е. рождённые здесь потомки поселенцев.¹² Уже по I ревизии 1719 года 90% населения на Среднем Урале составляли русские; в Оренбургской губернии в конце XVIII века 40% населения были русскими. За XVIII столетие население Урала выросло в шесть раз. По итогам V ревизии 1795 года в трёх уральских губерниях проживало 1296 тыс. душ мужского пола. В целом по Уралу более половины населения приходилось на русских; коренные народы Урала насчитывали около 500 тыс. душ мужского пола.¹³

Имперская экспансия России в первой четверти XVIII столетия повлекла за собой существенные изменения в составе уральского населения. Урал находился вдали от более плотно заселённых территорий на западе и в центре России. Местное население Урала – башкиры, калмыки, манси, вогулы – были кочевниками. Попытка привлечь представителей этих народностей в качестве рабочей силы на уральских предприятиях не увенчалась успехом. Необходимость быстрого снабжения заводов Урала рабочей

¹¹ Dukes, указ. соч., с. 33.

¹² Dukes, указ. соч., с. 12 – 21.

¹³ История Урала, с. 299.

силой для увеличения производства привела Петра I к решению прибегнуть к практике сезонной приписки государственных крестьян к казённым и частным предприятиям. В XVIII веке приписные крестьяне являлись по видимому крупнейшей группой поселенцев на Урале. Часть государственных крестьян приходила на уральские заводы добровольно. К ним присоединились беглые крепостные. Государство не преминуло использовать рабочую силу нелегальных поселенцев в интересах своих собственных и частных: Указом от 18 июля 1721 года царь позволил горнозаводчикам, независимо от того являлись ли они дворянами или нет, нанимать на заводы беглых крепостных крестьян.¹⁴

Социальная структура Урала отражала таким образом пограничное положение региона: Сравнительно низкое число крепостных, но в то же время значительно большее число различных категорий государственного населения, сформировавшегося в ходе ранней индустриализации Урала в XVIII веке. Самой крупной социальной категорией являлись крестьяне, приписанные к мануфактурам. Большая часть из них принадлежала государственным предприятиям. Вторая по численности категория принадлежала частным заводчикам, которые пользовались дарованным им правом покупать крепостных для их заводов. К концу столетия численность мастеровых и работных людей составляла 86,4 тыс., а численность приписных крестьян выросла до 212,7 тыс. человек.¹⁵ Эти крестьяне приобрели практически статус профессиональных рабочих, в то же время они становились заводскими крепостными. Можно выделить таким образом три меры центрального правительства, определившие формирование местного населения на Урале: приписка черносошных крестьян к казённым и частным предприятиям, во втором случае на посессионном праве; предоставление заводчикам и купцам права, приобретать крепостные деревни для их мануфактур; предоставление заводчикам права нанимать на вспомогательные работы беглых крепостных. Таким образом можно сказать, что социальный состав уральского населения большей частью определялся несвободными, приписными рабочими крестьянами.

¹⁴ Hudson Hugh a. a., *Proletarians by Fiat: The Compulsory Ural Metallurgical Work Force, 1630-1861*//*International Labor and Working-Class History*, № 48, *Workers and Citizenship in Europe and North America*, Fall 1995, S. 95-97.

¹⁵ Голикова Светлана, Шкерин Владимир, *Формирование горнозаводского населения Урала как социокультурной общности (XVIII – XIX вв.)* // *Уральский исторический вестник*, № 2 (47), 2015, с. 122.

Элита местного общества состояла в основном из государственной и частной заводской бюрократии и купечества. Дворян-помещиков на Урале почти не было, а крупные заводчики пошли по пути нобилитации и предпочитали государственную службу в столице. Этому отдалению крупных индустриальных родов от непосредственного участия в управлении и от региона способствовала стабилизация окружной системы управления и местной крепостной администрации. В то же время все важные административные и финансовые решения в горнозаводских округах принимали по прежнему владельцы путём дистанционного управления.¹⁶

Население уральских городов было весьма разнообразно. Нижние слои происходили в основном из государственных крестьян, многие из них были пришельцами из деревень средней полосы и Поволжья. Средняя страта горожан состояла преимущественно из квалифицированных мастеров, ремесленников и торговцев малой и средней руки. Крупные купцы представляли наряду с государственными чиновниками городскую верхушку. Некоторые из чиновников имели дворянство или офицерское звание. Казачество являлось очень важной группой населения, особенно на Южном Урале.¹⁷

Чтобы лучше понять специфику локального общества на Урале следует учесть географический фактор. Урал оставался в целом экономически и административно оторванным от центра регионом с низкой плотностью населения. В то же время население Урала концентрировалось в индустриальных центрах. Население горнозаводских центров Пермского наместничества превышало население всех официальных городов империи.¹⁸ Рабочее население полностью зависело от предприятий, но и заводы зависели от рабочих. Изолированность и социальная зависимость рабочего населения явились в то же время консолидирующими факторами. Необходимость работать в коллективах способствовало формированию своего рода корпоративного сознания в среде заводского населения, причём рабочие по-видимому не делали различия между свободными, посессионными и крепостными.¹⁹ Во всяком случае они оказались в состоянии выразить свои требования и отстаивать их посредством активного протеста. Демидовым и

¹⁶ Неклюдов, указ. соч., с. 47.

¹⁷ Dukes, указ. соч., с. 32.

¹⁸ История Урала, с. 295.

¹⁹ Dukes, указ. соч., с. 32.

Строгановым удалось ещё в 1734 году совместными усилиями предотвратить запланированное Татищевым обновление Горного устава, призванное урегулировать отношения между заводчиками и работниками и улучшить тем самым условия труда. Отчасти Татищев потерпел поражение и от того, что его взгляды расходились с представлениями пославшего его на Урал Кабинета Анны Иоанновны. Правительство придерживалось принудительной политики.²⁰ Не случайно, что история Урала XVIII века полна социальными волнениями. Правительство игнорировало требования заводского населения по улучшению условий труда и уравнивания заработной платы с вольнонаёмными рабочими. Движущей силой заводских восстаний были приписные крестьяне. Они и присоединились в 1773 году к восстанию, поднятому донским казаком Емельяном Пугачёвым.²¹

Как сообщала сама Екатерина II ещё в 1771 году, по своём восшествии на престол в 1762 году она насчитала на Урале 49000 восставших приписных крестьян.²² Она попыталась изменить трудовую политику на Урале путём отмены приписки государственных крестьян на металлургические предприятия, начатую ещё в самом конце царствования Елизаветы Петровны. Указ Петра I, разрешивший недворянам покупку крепостных для заводов, был отменён Петром III в марте 1762 года. Указом от 9 апреля 1763 года Екатерина попыталась улучшить положение приписных крестьян, ограничив их пребывание на заводах тремя месяцами.²³ Императрица игнорировала требования приписных крестьян о полном освобождении их от приписки к заводам и об уравнивании оплаты труда. Менее всего Екатерина была готова распространить действие указа на всю промышленность.²⁴ Но и после пугачёвского бунта Екатерина не видела причин для отмены приписной системы. В мае 1779 года был издан манифест, по новому регулировавший приписку крестьян к заводам: Оплата труда была увеличена, строго определялся перечень работ, но сама приписка к государственным и частным предприятиям была сохранена.²⁵

²⁰ Hudson, указ. соч., с. 99-100.

²¹ Там же, с. 101, 104.

²² СИРИО, т. 10, с. 380; Hudson, указ. соч., с. 102.

²³ ПСЗ, т. XVI, №11790.

²⁴ Hudson, указ. соч., с. 103.

²⁵ ПСЗ, т. XX, № 14878.

Правительственная политика на Урале в первой четверти XIX века.

К началу XIX века имперское правительство унаследовало от прошедшего столетия на Урале довольно сложную ситуацию. Окружная система горнозаводского хозяйства окончательно оформилась. Частные горнозаводские округа являлись практически регионообразующими структурами, их администрация существовала параллельно с государственной. Большая часть заводов (52) находилась в частном владении. От павловского царствования на Урале остались две огромные губернии вместо екатерининских на губернии разделённых наместничеств. Кроме того на Урале было по-прежнему неспокойно. Местной администрации по-видимому с большим трудом удавалось дисциплинировать заводских рабочих и усмирять их противостояние приписной системе. Трудноконтролируемое заводское население устраивало забастовки с требованием улучшения условий труда и отмены приписок к казённым и частновладельческим предприятиям. Приписные рабочие крестьяне существовали не только на Урале. Система приписки к предприятиям практиковалась в Олонецкой губернии, на Алтае, в Луганске. Но бунтовали в основном только уральские приписные.²⁶

Правительство осознавало социальную взрывоопасность приписной практики и её негативное влияние на уральскую металлургию. Но в условиях угрозы войны с Наполеоном Бонапартом оно не решалось на радикальную реформу трудовой политики на Урале. В целях усиления военного производства Павел I ввёл в ноябре 1800 года институт непременных работников, или точнее, попытался его ввести.²⁷ Смысл закона заключался в переводе части приписных заводских крестьян в статус непременных, иначе говоря, постоянных рабочих, обязанных трудиться весь день на заводе. Александр I вознамерился осуществить начинания отца, но в улучшенном варианте. В 1806 году на уральских заводах были введены военные порядки, а в марте 1807 года отменён институт приписки. Второй пункт распространялся лишь на казённые заводы. Частные предприятия изымались из этого закона до 1813 года ввиду военного положения.²⁸ В какой мере горнозаводчики оказали влияние на положения закона в рамках данного доклада выяснить не возможно. Однако с уверенностью можно

²⁶ Hudson, указ. соч., с. 107; История Урала, с. 404.

²⁷ ПСЗ, т. XXVI, № 19641.

²⁸ ПСЗ, т. XXIX, № 2298.

сказать, что этот закон представлял собой компромис между военными интересами государства, экономическими интересами горнозаводчиков и социальными требованиями приписных рабочих. Для последней группы этот закон имел двойные последствия и далеко не для всех принёс улучшение их положения. Александр I сигнализировал добрую волю по отношению к рабочему населению Урала, но в то же время усилил государственный контроль над рабочими, оставшимися в приписке.

С одной стороны этот закон шёл дальше екатеринских мер по улучшению ситуации горнорабочих Урала. Более 200 тыс. уральских приписных крестьян были освобождены от принудительного труда на заводах. Но институт неременных работников был сохранён, порядка 17 тыс. рабочих остались принудительно связаны с предприятиями. Этот закон можно считать своего рода имперской трудовой политикой. Введение военного порядка на заводах усилило с одной стороны связь региональных горных властей с центром: начальник горных заводов хребта Уральского подчинялся лишь министру финансов и императору. Эта вертикаль выделяла Урал из унифицированной общеимперской системы отношений центра и регионов. С другой стороны горнопромышленная власть с её военнизированной структурой получила большую автономию от местных властей и правило посредством особых законов – Уставов Горных. Работа на заводах была приравнена к военной службе: Неременные (урочные) работники должны были отработать на заводе 30 лет. Государство тем самым сохранило принудительный труд на металлургических заводах, чтобы обеспечить прежде всего военные нужды империи. Тем более что этот закон не действовал за пределами Урала. В Олонце и на Алтае продолжали существовать в полном объёме приписное и посессионное право.²⁹ Горное правление и имперское правительство отказались полностью предоставить наём рабочих на заводы свободному рынку, опасаясь, что в этом случае государство утратит контроль над столь важной отраслью промышленности. Приписная и посессионная системы являлись по существу институтами крепостного права. Закон 1807 года можно считать компромиссом между требованиями одной части приписной группы населения и

²⁹ Hudson, указ. соч., с. 106-107; Шкерин В. А., «Мы верноподанные ведения горного мастерские рабочие люди»: Социальное самосознание уральских рабочих первой половины XIX в. // Уральский исторический вестник, № 2 (39), 2013, с. 73-80, здесь с. 73.

существующей системой крепостных отношений. Не случайно институты приписки и посессионного права существовали вплоть до 1861 года.

В первой четверти XIX века вновь изменилось территориально-административное деление Урала после того как было создано новое Сибирское наместничество с центром в Иркутске, в котором «растворилась» Тобольская губерния. Вятская и Пермская губернии были объединены в одно наместничество. По-новому была организована горнозаводская администрация. В 1806 году её центральным органом стал Горный и Соляной департамент. Правительство сохранило практически двойное подчинение: На уровне центральной государственной администрации департамент являлся отделением министерства финансов и подчинялся, как указано выше, министру финансов. На уровне локальной администрации департаменту подчинялась Пермская горная контора, которая заведовала всей горнозаводской индустрией Урала. Главой этой конторы был Пермско-вятский генерал-губернатор.

Целью этой реформы была ревизия старой системы управления горнозаводской индустрии и округов на Урале. Министр финансов Васильев и специальный комитет пришли к выводу, что ограничение властных полномочий локальных органов горной администрации тормозит развитие металлургии на Урале. Васильев отмечал, что горнозаводское начальство на местах не связано с органами локальной гражданской администрации. Но у них существуют общие дела с земской полицией. Это ведёт к путанице и межведомственным спорам.³⁰ Правительство пришло к выводу о необходимости усиления локальной горной администрации за счёт делегирования полномочий из центра на места. Саму горнозаводскую администрацию необходимо было подвести ближе к заводам. Разделение горнозаводского аппарата управления от государственной губернской и городской администрации посчитали нужным сохранить, но в то же время связать горнозаводские дела в одном центре. Главой горнозаводской администрации должен был стать генерал-губернатор, в чьих руках стекались гражданские и все прочие дела.³¹ Эти меры можно считать продолжением парадигмы екатерининской административной реформы: Делегирование компетенций из центра в провинцию, но при этом централизация власти на местах на губернском и генерал-губернском уровне. Александр I следовал «духу и делу» своей бабки,

³⁰ ПСЗ, № 22208

³¹ Шепелёв Л. Е., Аппарат власти в России, Эпоха Александра I и Николая I, СПб 2007, с. 363.

старавшейся провести внутреннюю консолидацию империи путём централизации имперской власти на локальном уровне. В случае с горной властью эта административная модификация должна была служить экономической модернизации в имперских целях. Правительство рассматривало уральскую горнозаводскую индустрию как одну из важнейших статей государственного дохода. Не случайно комитет настаивал на том, что административная и экономическая части не в коем случае не должны подчиняться двум друг от друга отделённым властям. На уровне же горнозаводской администрации судебная и исполнительная власть были друг от друга отделены, и была создана горная полиция.

Модернизация горнозаводской индустрии не должна была ограничиваться административными мерами. Васильев советовал Александру создать на местах общество горнозаводчиков по примеру других сословий. Эти общества должны были представлять корпоративные интересы и пользоваться предусмотренными законом преимуществами и выгодами, как это происходит в просвещённых государствах. Император это предложение одобрил, но осуществлено оно не было. Васильев вскоре умер, а горнозаводчики не проявили никакой инициативы в этом направлении.³²

Это было связано прежде всего с особенностями развития уральской горнозаводской элиты в социальных и политических реалиях России того времени и её положением в Российской империи александровской эпохи. Экономический и социальный подъём уральских горнозаводских династий был результатом царской политики. Взаимоотношения заводчиков и государства в XVIII веке являлись отношениями тесной экономической связи и патронажа. Абсолютная власть Демидовых в их горнозаводских округах являлась следствием этих патроманиальных связей. Эта зависимость стала ещё сильнее и преобрела несколько иной характер после того как крупные горнозаводчики были возведены в дворянство и оказались в кругу придворной элиты. Их предприятия и состояние привели их к дворянскому званию. Дворянское звание и престиж связывали их с государственной службой, а государственная служба связывала их с империей. В первой четверти XIX столетия ведущими горнозаводчиками Урала можно считать Николая Демидова – владельца Нижнетагильского округа, А. Яковлева,

³² Там же, с. 367.

графиню С. Строганову и Х. Лазарева. Как отмечалось выше, горнозаводчики отошли от непосредственного управления округами. Но это не означало, что отношения между ними и государством изменились. Как и столетием раньше, крупные горнозаводчики прибегали в случае необходимости к помощи казны для поддержания заводов. Государство предоставляло залоги и ссуды, в некоторых случаях передавало частные хозяйства в казённое попечительское управление.³³ Эта помощь, разумеется, не была бескорыстной. Империя нуждалась в металлургической индустрии для оснащения армии и для торговли. Уральские горнозаводчики принадлежали к имперской элите, находились на государственной службе, но они оставались связанными с их горнозаводскими округами на Урале. Демидовские заводы выполняли государственные военные заказы. Интересы Демидовых были связаны не только с экспортом сырья на европейском рынке, но во всё большей мере и с имперской политикой России, тем более что во время континентальной блокады экспорт продукции демидовских заводов резко сократился. Ввиду военного положения Николай Демидов мог надеяться на государственную поддержку своих заводов.³⁴

Заключение.

Итог о положении дел на Урале, подведённый в 1820е годы, разочаровал императора. В условиях войны с Наполеоном, с точки зрения властей, модернизация горного дела на Урале сделалась невозможной. Положение усугублялось континентальной блокадой. Николай Демидов не мог сбывать продукцию своих предприятий на европейском рынке. Государственные заказы и финансовая поддержка казны, а также изъятие частных предприятий из действия закона марта 1807 года не улучшили положение. Более того, демидовские заводы оказались не в состоянии выполнить в полной мере государственные военные заказы. Казённые горные заводы пришли по свидетельству берг-инспектора Владимира Соймонова в расстройство. Действительно часть причин упадка уральской индустрии в первой четверти XIX века можно отнести к ситуации войны. Но и после для России победной войны с Наполеоном экономическое положение на Урале не улучшилось, экспорт чугуна по прежнему падал, как и его

³³ Неклюдов, указ. соч., с. 4

³⁴ Кафенгауз Б. Б., Война 1812 года и её влияние на социально-экономическую жизнь России // Вопросы истории, № 7, 1962, с. 69-80, здесь с. 69.

производство. Соймонов придерживался мнения о необходимости отделения горной части от министерства финансов и наделения её полной самостоятельностью. Министр финансов Канкрин видел главную причину упадка предприятий в их устарелом устройстве и управлении.

Имперская политика российской монархии была направлена не только во вне империи путём расширения территории государства, но и во внутрь империи, в её провинции. Административная консолидация внутренних провинций служила имперским целям во внешней политике. И екатерининские войны в XVIII веке и участие в антинаполеоновских коалициях увеличивали спрос государства на продукцию уральских заводов. Главным профитёром этой политики на Урале были династии горнозаводчиков, ставших частью имперской элиты. Однако же требования имперской политики и тормозили дальнейшее развитие индустрии на Урале. Предложение Соймонова о разделении государственной администрации и горного управления явилось попыткой корректива этого развития. Прерогатива имперских интересов заставляла правительство предпринимать шаги, которые по его мнению были необходимы для сохранения этих прерогатив так и для соблюдения экономических интересов владельцев горнозаводских округов. Эта же имперская политика привела в XVIII столетии тысячи новых поселенцев на Урал, создав там весьма смешанное и трудноконтролируемое население. Оно находилось в состоянии перманентного социального протеста. Государство XVIII века не находило иных решений кроме попыток принудительного дисциплинирования и отдельных шагов по улучшению положения горнозаводского населения. Александр I предпринял первую попытку, решить эту проблему в более широком масштабе путём отмены приписной системы.

Имперская экономическая консолидация Урала поставила правительство перед проблемой контроля непослушного населения. В эпоху Александра I правительство было вынуждено принимать решения, которые быть может не совсем согласовались с его представлениями о шагах, необходимых в условиях военного положения первых двух десятилетий XIX века. Но что могло бы быть альтернативой непринятия решений или возвращения к политике XVIII века? Новое пугачёвское восстание? В этом смысле александровская эпоха стояла перед проблемой, во всяком случае на Урале, интеграции локального общества в имперский проект.

Viktor Taki

Construction of Center and Periphery in the Reign of Alexander I. The Case of Bessarabia, 1812-1828

According to the peace treaty of Bucharest that concluded the Russian-Ottoman war of 1806-1812, the Ottoman Empire ceded to Russia the lands between the rivers Dniester, Prut, Danube and the Black Sea. The history of the early Russian policies in this territory, which soon came to be known as Bessarabia, offers an interesting entry to the more general problem of early administrative-political reform in the Russian Empire during the reign of Alexander I. This paper demonstrates that Alexander I's policy in the new province was conditioned by his attempts to accommodate the political aspirations of the elites of the Western borderlands and, at the time, elaborate an overall administrative-political framework for the entire empire. The tsar's experiment with Bessarabian autonomy took place in the context of the discussion about the ministerial/functional and the vicerojal/territorial types of government, which contributed to the emergence of distinct administrative formats in the center and the borderland regions.

The first measures on the administrative organization of Bessarabia were taken by the last commander of Russia's "Moldavian" Army Admiral P.V. Chichagov and the secretary of his diplomatic chancellery I.A. Kapodistrias. Their goal was to preserve the Russian influence over the Balkan peoples whose situation in the Ottoman Empire remained uncertain in the wake of the Russian-Ottoman war. Since the peace treaty of Bucharest hastily concluded on the eve of Napoleon's invasion of Russia stipulated the return of Serbia, Wallachia and most of Moldavia to the Ottoman Empire, Bessarabia had to serve as a refuge for those who compromised themselves in the eyes of the Ottoman authorities by their cooperation with

the Russians during the war. However, it was meant to be more than a compensation to the former Russian allies and clients. Like the Illyrian provinces of the French Empire on the opposite extreme of the Balkans, Bessarabia had to help project imperial influence in the region. In order to fulfill this function, the newly annexed province had to be a showcase of benevolent Russian rule.

In his letter to Alexander I, Chichagov characterized Bessarabia as “a beautiful country” that offers all sorts of advantages, yet “should be given some respite.” Alongside the suspension of taxes for a period of three years and the relieve from the military draft, Chichagov and Kapodistrias insisted on preserving the local institutions: “One should not do or arrange anything that would not be in accordance with local needs and local means.”¹ Accordingly, “The Rules for the Temporary Government of Bessarabia” that were elaborated by Kapodistrias in summer 1812 did not pursue the goal of bringing “the local institutions in accordance with the Russian ones”; instead they based provincial government upon the local laws and made Romanian the language of administrative affairs and the courts.² In parallel, the first civil governor of Bessarabia S.D. Sturdza was instructed to “draw the attention of the neighbouring peoples to this province.” “The last Russian-Ottoman war preoccupied the thoughts of Moldavians, Wallachians, Greeks, Bulgarians and Serbs,” noted the instructions, yet the conclusion of peace and the withdrawal of the Russian army to confront Napoleon in the north “could bring the spirit of these people down and allow our enemies to take over them.” It was therefore necessary to “preserve the attachment of these people to Russia and protect them from the influence of our enemies.”³

¹ Chichagov to Alexander I, August 6, 1812, *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva*, vol. 6 (1871), 28–29.

² “Pravila dlia veremnnogo upravleniia Bessarabiei,” A.N. Egunov (ed.), *Zapiski Bessarabskogo statisticheskogo komiteta*, vol. 3 (Kishinev: tipografia Oblastnogo Pravleniia, 1868), 109–110.

³ *Ibid.*, 111.

Bessarabia came to the attention of Alexander I again almost four years later. Upon the conclusion of the Congress of Vienna and his return from Europe, the emperor turned to the internal affairs that have long demanded his attention. According to Kapodistrias, who in the meantime became the Russian minister of foreign affairs, Alexander I devoted considerable time to the situation in Bessarabia, where administrative chaos and abuses of officials placed the ambitious vision of Chichagov and Kapodistrias on the verge of total failure. Kapodistrias explained this by "the vices characteristic of this country that had so far received only Moldavian, i. e. Turkish upbringing."⁴ To correct the situation, the emperor appointed the military governor of Podolia A.N. Bakhametiev as his viceroy in Bessarabia with the goal of "establishing a civil government in the province that would accord with its mores, customs and laws." The viceroy was authorized to address the emperor directly on all the questions pertaining to the administration of the region.⁵

An accompanying memorandum contained instructions on the formation of the government of the province. The viceroy was supposed to form it out of able inhabitants whose knowledge of the local traditions could contribute to the final definition of the provincial autonomy. "Can one really hope" asked the author of the document, "that the happiness of a people be based on constraint and that a people change its character and adjust it to a completely foreign form of government?"⁶ The most important task of the viceroy was the elaboration of a new Bessarabian Statute that had to replace the "Rules for the Government of Bessarabia" of 1813. The project of the Statute had to define the rights and the duties of all the classes of the population, stipulate the mode of election to the

⁴ Kapodistrias to Bakhametiev, June 4, 1816, K.P. Krzhanovskaia and E.M. Russev (eds.) *Istoria Moldavii*, vol. 2 (Kishinev: Gosizdat, 1957), 206.

⁵ See Vysochaishee povelenie, ob'avlennoie Komitetu Ministrov grafom Arakcheevym. O naznachenii v Bessarabskoi oblasti polnomochnogo namestnika. May 26, 1816, *Polnoie Sobranie Zakonov*, 1st series, vol. 23, no. 26289.

⁶ RGIA, F. 1286, op. 2, d. 70, l. 25.

provincial government and district administrators, provide for the dispensation of justice in Moldavian language and on the basis of local laws as well as contain provisions for the internal police and border guard service.⁷

The appointment of the military governor of Podolia as the Bessarabian viceroy was highly significant. Annexed to the Russian Empire as a result of the second partition of Poland, Podolia was a region dominated by the Polish nobility. During the first two decades following the annexation, relations between the Russian Empire and the Polish elite remained undefined, particularly taking into consideration Russia's confrontation with the Revolutionary and Napoleonic France. Alexander I responded to the creation of the Grand Duchy of Warsaw in 1807 by signalling to the Poles his intention to grant them wide autonomy.⁸ Despite the participation of the Poles in Napoleon's campaign against Russia, the tsar proceeded to create a constitutional Kingdom of Poland that was bound to the Russian Empire only by means of personal union.⁹ He also considered the possibility of incorporating into this new kingdom the territories that Russia had annexed in the course of the second and third partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth, which caused great discontent among the Russian nobility.¹⁰ In 1816, the policy of cooperation with the Polish elites in the Western borderlands was thus in full swing and the decision to confer the

⁷ Ibid., 30–33.

⁸ On Napoleon's policies in Poland, see Christopher Blackburn, *Napoleon and Szlachta* (Boulder, Colorado: East European Monographs, 1998). On St. Petersburg's policies in the "Polish" gubernias, see M.D. Dolbilov and A.I. Miller (eds.), *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii* (Moscow: Novoie literaturnoie obozrenie, 2006), 75–78. For a comparative study of the Russian, Austria and Prussian policies in the territories of the former Polish Lithuanian Commonwealth, see Pyotr Wadycz, *The Lands of Partitioned Poland, 1795–1918* (Seattle: University of Washington, 1993). On Alexander I's plans to offer the Poles an autonomy on the eve of Napoleon's invasion of Russia, see Adam Czartoryski, *Memuary kniazia Adama Chartoryzhskogo I ego perepiska s Aleksandrom I.* vol. 2 (Moscow: V.F. Nekrasov, 1913), 151–155.

⁹ On the creation of the Kingdom of Poland and its existence in the Russian Empire, see *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii*, 83–94; Frank W. Thackeray, *Antecedents of Revolution: Alexander I and the Polish Kingdom, 1815–1825* (Boulder, Colorado: East European Monographs, 1980).

¹⁰ *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii*, 90–91.

Bessarabian viceroyalty to the governor of Podolia meant that the emperor considered Bessarabia as part of Russia's Western borderlands.

The instructions given to Bakhmetiev confirm this hypothesis noting that the policy with respect to Bessarabia "is fully in accordance with the one that his Imperial Majesty chose to adopt with respect to other territories acquired during His reign."¹¹ This was a clear reference to the Grand Duchy of Finland and the Kingdom of Poland, which implied the Bessarabian nobility was supposed to play the same role in the provincial government as the did the Polish and Finish elites in their respective regions. The appointment of the Podolian governor as the Bessarabian viceroy indicated the emperor's willingness to respect the privileges of the Bessarabian nobility, as did his order to elaborate the Statute on the basis of the local laws, customs and traditions. It is thus possible to say that Bessarabian autonomy was in a certain sense conditioned by Alexander I's policies with respect of the Polish elites, which themselves represented a response to the Polish policies of Napoleon. There was not only a generic similarity, but also a direct connection: Bakhmetiev brought with him to Bessarabia his Polish chancellery, whose head, N.A. Krinitskii was the actual author of the Bessarabian Statute of 1818.¹²

The Bessarabian experiment of Alexander I was part of the broader process of institutional transformation of the Russian Empire in the early nineteenth century. The emperor paid attention to Bessarabia soon after his return from Europe, when he also signalled his intension to deal with the problems of internal organization of the empire. The appointment of the Bessarabian viceroy came at the time when the emperor considered the possibility of dividing entire empire into viceroyalties. This idea appears to be the exact

¹¹ RGIA, F. 1286, op. 2, d. 70, l. 25–26.

¹² F.F. Vigel', "Zamechania na nyneshnee sostoianie Bessarbii," F. F. Vigel', *Vospominania*. vol. 6 (St. Petersburg: Sytin, 1892), 4.

opposite of the reforms of the first part of his reign. Whereas the creation of ministries and of the State Council in 1802-1811 was a step towards greater centralization and bureaucratization, the division of empire into viceroyalties can be seen as a return to the "empire of the nobles" (*dvorianskaia imperia*) of Catherine the Great as it created the preconditions for the strengthening of the regional elites.

"The Project of the Institution of Viceroyalties" drafted either the minister of Police A.D. Balashev or by the Imperial Commissioner in the Kingdom of Poland N.N. Novosil'tsev presupposed the division of Russia into ten or twelve viceroyalties. The project drastically redefined the administrative space of the Russian Empire inasmuch as it elevated the viceroys to the rank of the ministers, empowered them to make changes in the local administration in order to eliminate abuses and even to suspend in some cases the decisions of the Senate and of the central ministries.¹³ The creation of the viceroyal chancelleries and the councils of viceroyalties that replicated the structures of central ministries on a regional level would certainly have contributed to the consolidation of existing regional elites and to the formation in those parts of the empire where they were still absent. The personal character of the viceroyal authority was potentially more conducive to the preservation of the local traditions.

At the same time, administrative decentralization did not automatically guarantee the preservation of local peculiarity and sometimes could lead to greater uniformity of the administrative practices. This applied, in particular, to the gubernia reform of Catherine the Great of 1775, which shifted much of the administrative work from the center to the provinces and, at the same time, led to the abolition of the peculiar local institutions in some of the borderland regions. The same logic characterized the Constitutional Charter of the

¹³ "Proiekt uchrezhdenia namestnichestv," arts. 32-33, 38, *Materialy sobrannye dlia Vysochaishe uchrezhdennoi Komissii o preobrazovanii gubernskikh i uezdnykh uchrezhdenii* (St. Petersburg: n/p, 1870), 17, 19, 33-34

Russian Empire that was elaborated in N.N. Novosiltsev's chancellery in 1818-1820. The charter represented a manifestation of the constitutional aspirations of Alexander I and presupposed the creation of representative assemblies. It likewise divided the empire into viceroyalties including several gubernias each "according to the population, distance and size and taking into consideration that mores, customs and particular local laws that bring people together."¹⁴

The Charter presupposed the creation of the regional counterparts to the central executive, legislative and judicial bodies. The legislative assemblies of the viceroyalties (sejms) had to take part in the elaboration of the local laws, whose final approval, however, depended entirely upon the emperor.¹⁵ Although legal and cultural peculiarities had to serve as the basis for the formation of viceroyalties, the project presupposed the abolition of the Polish constitutional charter of 1815 on the ground that it was unreasonable to have two constitutions in one empire.¹⁶ The Kingdom of Poland itself had to turn into one of the viceroyalties. The project of the Constitutional Charter thus represented an attempt to expand to the rest of the empire the political-administrative arrangements that were being tested in the Western borderlands. However, its implementation would have eliminated the peculiar status of Poland, Finland and Bessarabia within the empire by elevating the other regions to their level.

The Minister of Finance A.D. Guriev was the most active opponent of such experiments. An advocate of the separation of administrative and judicial authority, he opposed the idea of their unification in the hands of a viceroy. He was also against the idea of endowing the viceroys with both administrative and supervisory function. According to

¹⁴ *Gosudarstvennaia ustavnaia gramota Rossiiskoi imperii 1820 goda*. Edited by Theodore Schiemann (Berlin: Gottgeimer, 1903), 11.

¹⁵ *Ibid.*, 25.

¹⁶ The draft of the corresponding decree was published in George Vernadsky, *Gosudarstvennaia ustavnaia gramota Rossiiskoi imperii 1820 goda* (Prague, 1925), 42–43.

Guriev, the appointment of viceroys with such wide prerogatives would destroy the existing ministerial system of government:

“The unity of rules and action is the main foundation of the ministries. Each ministry must have its own sphere clearly defined, so that the *radii* could freely penetrate from the center to the very limits of the sphere and the minister could use each *radius* to translate his orders to the most distant limits of the state without the interference of any other authority (emphasis added).”¹⁷

In Guriev’s representation, a ministry emerges as some ideal centrally located controller totally commanding the homogenous and perfectly transparent administrative space which is undisturbed by regional and local concentrations of power and administrative regimes that the division of empire into viceroyalties would create. “If local circumstances require any deviations from the general order, they should reflect the care and circumspection of the central government rather than the insistence of the local administration.”¹⁸ According to Gur’ev, the latter would lead each territory to fight for its particular interests and each viceroyalty to present its own particular demands. Pointing to successful experience of administrative unification in England and France as well as the problems experienced by the heterogenous Spain and Austria, the Minister of Finance wondered whether it was worthwhile to “saw the seeds of divergent interests and introduce the elements of a federal system” in a country, which has always been unitary.¹⁹

Upon his arrival to Chisinau, Bakhmetiev focused on the elaboration of the Statute. The fruit of these efforts was the “Project of the Main Foundations for the Formation of the Bessarabian Province” that eventually became the Bessarabian Statute of 1818.²⁰ The Statute presupposed the creation of the Supreme Council consisting of the viceroy, the civil

¹⁷ A.D. Gur’ev, “Mnenie ministra finansov o proekte uchrezhdenia o namestnikakh, soobshchenom emu po Vysochaishemu poveleniiu,” *Materialy sobrannye dlia Vysochaishe uchrezhdennoi Komissii o preobrazovanii gubernskikh i uezdnykh uchrezhdenii* 48.

¹⁸ Ibid., 49.

¹⁹ Ibid., 50.

²⁰ *Zapiski Bessarabskogo statisticheskogo komiteta*, 147

governor of the province, the vice-governor, the presidents of the criminal and civil courts and four deputies from of Bessarabian nobility elected every three years. The Council represented both the highest administrative body and the court of the last appeal. Decisions that did not involve transgressing the existing laws were executed immediately although they could be appealed in the State Council or through the Minister of Justice. Most of the members of the criminal and civil courts of the province were to be likewise elected by the nobility as were members of the district administrative boards (*ispravinchestva*) and of the district courts.²¹

The project of the Statute thus built upon the “Rules” of 1813 and represented another step in the affirmation of the Bessarabian autonomy on the basis of local peculiarities. Following preliminary approval in St. Petersburg in 1817, the Statute was put into force in late April 1818, by Alexander I himself following his meeting with the representatives of the Bessarabian nobility. This made it akin to a contract between the emperor and the local elite. The latter secured wide participation in local administration on the basis of indigenous legal tradition and administrative practices. In return, the emperor expected that the representatives of the Bessarabian nobility not to consider “the national character” of the province and “the special form of its government” as a narrow estate privilege. In his official letter to Bakhmetiev, Alexander I stressed that “this enormous gift and all related benefits should it be limited to only one group of inhabitants. All should partake of that it in a just measure.”²²

Remarkably, the Statute was approved soon after the first session of the Polish Sejm at which Alexander I declared his intention to extend “the legal and liberal institutions” (*zakonno-svobodnye uchrezhdenia*) to all his domains. The Bessarabian Statute was thus the

²¹ *Ibid.*, 150, 152.

²² “Reskript Aleksandra I A.N. Bakhmetievu,” April 29, 1818, *PSZ*, 1st. series, no. 27357, vol. 35, 222.

first instance of realization of this plan, which makes it possible to consider it as a manifestation of the emperor's constitutionalism. The Statute was not formally a Constitutional Charter, but this was hardly a deviation from the local traditions and customs: despite strong Polish influences in Moldavia, relations between Moldavian princes (hospodars) and the boyars were not governed by formal legal documents comparable to Polish Pacta Conventa of 1572. Alexander I's own conflict with the Polish Sejm in the first half of the 1820s demonstrated that the emperor did not consider the Constitutional Charter that he had granted to the Kingdom of Poland to be equally binding upon him and the szlachta. The emperor tended to consider as products of his personal benevolence all legislative acts that stipulated forms of government in the borderland regions and defined the relations with the regional elites regardless of their formal legal status. This peculiarity of Alexander I's constitutionalism was well expressed by Speranskii who wrote that, in contrast to the constitution of other states "that emerge by fits and starts in deferent epochs and are often the products of violent perturbations, the Russian constitution will owe its existence to the benevolent inspiration of the central authority."²³

Alexander I did not have the chance to see the fruits of his Bessarabian experiment. This assessment was made by a different person - M.S. Vorontsov, who was appointed the governor-general of new Russia and Viceroy of Bessarabia in May 1823. The son of S.R. Vorontsov, the Russian ambassador to London and one of the most famous Russian anglophiles, M.S. Vorontsov was brought up in the spirit of respect from the British parliamentary freedoms. The attitude of the Vorontsovs towards the Polish question is illustrated by S.R. Vortontov's advice to his son not to buy lands in the "Polish" gubernias

²³ M.M. Speranskii, "Plan vseobshchego gosudarstvennogo obrazovania," in M.M. Speranskii, *Rukovodstvo k poznaiiu zakonov* (St. Petersburg: Nauka, 2002), 342.

because he believed that they should one day regain their independence.²⁴ Vorontsov junior must have treated the Polish aristocracy with respect since at the time of the Napoleonic wars he expressed the desire to serve in Podolia or Volynia and eventually, like Bkhamatiev, married a Polish aristocrat. After a series of clashes between Bakhmeteiv and his immediate successor in 1820-23 I.N. Inzov and the Bessarabian nobility, Vorontsov's appointment brought the latter into a state of euphoria and made it expect "complete freedom." And yet, it was Vorontsov who played the principal role in the drastic curtailment of the Bessarabian autonomy at the end of the 1820s.²⁵

In order to understand this somewhat paradoxical outcome one has to take into consideration the difference between the first and the third Bessarabian viceroys. Whereas Bakhmetiev was the governor of a province which was traditionally dominated by the Polish nobility on the basis of historical privilege and a peculiar legal tradition, Vorontsov combined Bessarabian vicereignty with a government of a region that for half a century constituted a space of colonization policies. Whereas the placement of Bessarabia together with the Western borderlands went together with an emphasis on "historical privileges" and local customs, its reclassification as part of New Russia during the 1820s put forward the discourse of the civilizing mission.²⁶ Vorontsov's predecessors in Odessa, Duke of Richelieu and A.F. Lanzheron were rather typical "enlightened administrators" who operated within framework of "the civilizing mission." Neither of them was directly involved in the

²⁴ M.I. Mikeshin, *Mikhail Vorontsov. A Metaphysical Portrait in a Landscape* (St. Petersburg: n.p. 1998), 42. <http://ideashistory.org.ru/pdfs/mikvoren.pdf>. Last accessed: 02.20.17.

²⁵ See Anthony Rhinelander, *Prince Michael Vorontsov. Vice-Roy to the Tsar* (Montreal: McGill University, 1990) 67–93.

²⁶ This is a nice illustration of the difference between governor-general of Western borderlands and those of the steppe regions. Whereas the primary task of the former consisted in securing the loyalty of the local elites, the latter focused on colonization. In a similar way, Kimitaka Mazuzato finds to speak about "ethnopolitician" and "economic" governors-general with reference to the second half of the nineteenth century. See Kimitaka Mazuzato, "General-gubernatorstva Rossiiskoi imperii. Ot etnicheskogo k prostranstvennomu podkhodu," I. Gersimov et. als. (eds.), *Novaia imperskaia istoria postsovetskogo prostranstva* (Kazan: Tsentri issledovaniia natsionalizma i imperii, 2004), 427–458.

administration of Bessarabia. However, Richelieu played an important role in the resettlement of the Nogais from the Budzhak steppe (the southernmost part of Bessarabia) in 1807 which opened this space for Bulgarian, German and Russian colonists.²⁷ As for Lanzheron, his memoirs of the Russian-Ottoman wars of 1787-1791 and 1806-1812 represented a characteristic portrayal of Moldavia and Wallachia as “barbarian”, “despotic” and liable to improvement only through rational and enlightened rule.²⁸ One also cannot fail to notice that Vorontsov’s Polish wife, E.K. Branitskaia, was G.A. Potemkin’s niece. In the words of F.F. Vigel’, the appointment of Vorontsov as the governor-general of New Russia and viceroy of Bessarabia thereby looked like his “coming into possession of his rightful inheritance.” This helps to explain why Vorontsov continued Potemkin’s approach and ultimately came to view Bessarabia as a space of colonization rather than of nobility-based self-rule.

Vorontsov did not curtail the Bessarabian autonomy single-handedly. He quickly found support in the person of the deputy minister of Interior D.M. Bludov. The latter became convinced that “crying abuses” in the Bessarabian administration reported by Vorontsov’s subordinates reflected not so much the pitfalls of particular individuals, as “the beautiful customs, and noble ways of this dear country” and that it was a big mistake to turn them into the “fundamental laws.”²⁹ As a ministerial official, Bludov particularly did not like Bessarabian Supreme Council, which “concentrated all kinds of authorities and branches of administration and could thus be used to paralyze the course of government.” Bludov was

²⁷ On the resettlement of the Nogais from Bessarabia, see Willard Sunderland, *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on Russian Steppe* (Ithaca: Cornell University, 2004), 112.

²⁸ См. Langeron A.F. *Journal des campagnes faites en service de Russie // Documente privitoare la istoria rominilor*. București: Academia Română și Ministerul Cultelor și Instrucțiunii Publice, 1889. Supplement I. vol. 3. 160-392. Russian edition: “Zapiski grafa Lanzherona. Voina s Turtsiei, 1806–1812 gg. Russkia starina, no. 6 (1907), and subsequent

²⁹ D.M. Bludov to M.S. Vorotsov, December 29, 1823, *Arkhiv kn. Vorontsova*, vol. 38, 295. Bludov essentially repeated the idea from Vorontsov’s own letter to him from December 4, 1823, *ibid.*, 291.

also skeptical of the project of codification of the Bessarabian laws that was initiated by Kapodistrias.³⁰ Fortunately, the provisional character of Alexander I's approval of the Bessarabian Statute in 1818 left the possibility to implement reforms that would "bring the province closer to the institutions that exist in the interior of the empire in order to gradually eliminate the differences between provinces and achieve the uniformity of laws and administration that would ultimately bring about the unity of mores and interests that desirable everywhere and especially in Russia given her unprecedented expanse."³¹

Supported by Bludov, Vorontsov appointed a committee for the elaboration of a new Statute. This project was received and approved by the Committee of Ministers in November 1824 and in 1826 the draft of the new Statute was submitted to the consideration of State Council. During his extended stay in St. Petersburg in 1826-28 Vorontsov did not spare time and effort in order to convince the emperor and the members of the Council of the advantages of the new document.³² The Bessarabian Supreme Council was replaced by the Council of the Province with only one elected member (the Bessarabian marshal of nobility). All the rest were members *ex officio* or appointed by the Senate on the suggestion (*po predstavleniiu*) of the governor-general. In comparison to the Statute of 1818, the new settlement reduced by more than a half the number of elected officials in the provincial administration. The elected positions were distributed in such a way as eliminate any pockets within the local administration that would be beyond the effective control of the viceroy. With the exception of the provincial and district marshals of the nobility, all elected positions were concentrated in the provincial and district courts. By contrast, all administrative positions were to be filled by appointment. A special section of the new

³⁰ Ibid., 296-297.

³¹ Bludov to Vorontsov, October 8, 1823, Ibid., 289.

³² Rhineland, *Prince Michael Vorontsov*, 70.

statute stipulated the relations between different parts of the provincial administration as well as its overall subordination to the Russian Senate, the ministries and the viceroy in the administrative, fiscal and judicial affairs.³³ Within five years, Russian replaced Romanian as the language of official correspondence (*deloproizvodstvo*).

The drastic curtailment of Bessarabia autonomy at the end of the 1820s was often interpreted as the result of centralization and bureaucratization of the imperial government in the second quarter of the nineteenth century. Undoubtedly, Bludov's words about the necessity to bring institutions and laws of different parts of the Russian Empire closer to each other illustrate the logic of administrative uniformization. However, it has been demonstrated that the decisive role in the curtailment of the Bessarabian autonomy belonged to the viceroy rather than to the deputy minister of Internal Affairs. Nicholas I's reign was certainly marked by bureaucratization and the reduction of the role of the provincial nobility in local administration. However, the principle measures in this respect followed and not preceded the decision to reduce Bessarabian autonomy. At best, this nascent tendency could facilitate Vorontsov's project which reflected his own desire to establish firm control over local administration.

At the same time, it is important to stress that Vorontsov did not turn Bessarabia into a Russian gubernia. During the period under consideration and in the decades that followed, it continued to a borderland province. However, the period of 1812-1828 is important inasmuch as it defined what kind of borderland Bessarabia was going to be. Whereas Kapodistrias envisioned Bessarabia as a showcase of the Russian Empire in the Balkans and Alexander I viewed it as part of Russia's Western borderlands and an element of an attempt to reorganize imperial governance on new principles, for Vorontsov Bessarabia was part of

³³ "Vysochaishe utverzhdennoie mnenie Gosurastvennogo Soveta," March 11, 1828, *PSZ*, 2nd series, no. 1864.

New Russia. As a successor of the grand project of Catherine the Great and Potemkin, Vorontsov viewed Bessarabia as part of the space of colonization.

In a more general sense, the history of Bessarabian autonomy and its curtailment makes it necessary to reconsider the conceptual duality “autonomy – centralization,” which is often used in the description of imperial absorption of a new province. One should not perceive the history of Russian empire-building through the prism of eternal centralism that inevitably prevails over local peculiarities and circumstances. The process of assimilation does not always follow the linear logic of replacement of the local institutions and administrative practices by those that exist at the center. The imperial center itself is not a pre-existing core that gradually absorbs the borderlands. Instead, both the center and the peripheries emerge simultaneously alongside each through the application of distinct administrative formulas.

Until the end of the 1820s there were no irreversible difference between the administration of the borderland regions and what would eventually become known as “internal gubernias.” Catherine’s reform of 1775, which delegated much of the authority to the viceroys and the provincial nobility, left few differences between the Mogilev and the Riazan gubernias from a purely administrative point of view. Although Alexander I combined the establishment of central ministries with the grants of wide autonomy to the newly annexed territories, the second part of his reign passed in the attempts to extend viceregal government and “the legal and liberal institutions” to the entire Russian Empire, which would have necessarily trivialized the privileges of the Polish, Finish and Bessarabian elites. Only the failure of this attempt and a comprehensive revision of Alexander I’s administrative legacy by the Committee of December 6, 1826, established by Nicholas I, produced a familiar

combination of the ministerial government in the historical core of the Russian Empire and the viceroynal/governor-general one in the borderland regions that would persist until 1917.

Konstantin Troianovsky

„A Volhynian Revolution“: an episode from the history of relations between the Polish Nobility and Imperial Government in the Age of Alexander I

In 1883 *Kievskaja Starina*¹ published a 122 pages-long text under the title “Volhynian Revolution”. It was presented as a series of authentic letters written in 1818 by a certain Opytov, a Russian official with the rank of statskiy sovetnik, which were addressed to his acquaintance – a certain countess Starozhilova². Opytov while traveling from St. Petersburg to Vienna to Rome passed through the province of Volhynia where on request of the countess he made inquiries about the events of 1815-1816 in a result of which the Volhynian governor Mikhail Komburley (the alleged relative of Starozhilova) was removed from his office. In Volhynia he met a Russian official who recounted the story of a Polish conspiracy that brought down Komburley. The main theme of the letters is the development of the plot organized by Volhynian Polish landlords under the leadership of gubernia’s marshal of nobility B. Gizycki and his brother-in-law senator A. Iliński. The objective of the plotters was to remove Russian gubernial and district administrators and substitute them with Polish officials. As the main weapon the plotters chose slander and compilation of unjust complaints to St. Petersburg about abuses of power by local authorities. As a result of this grand intrigue Volhynian governor Komburley lost his office and went to trial without any guilt. The letters’s apparent purpose was an apology of Komburley whom the author presents as innocently suffering from vile Poles. Historians of the past and the present treated this source as an authentic document dated as indicated in the letters. N.P. Chulkov, author of the article entry on Gizycki in the Russian Biographical Dictionary called it “a contemporary pamphlet”³. Daniel Beauvois writes that “the testimonial of this traveler is interesting in that that it is more openly than official reports represents stereotypes” held by the Russian conservatives⁴.

¹ Kievan Past (in Russian: Киевская старина) was a historical, ethnographic and literary magazine. It was published in Kiev between 1882-1907.

² Киевская старина. 1883. С. 121-144, 319-365, 774-828.

³ Русский биографический словарь. СПб., 1916. Т. 5, С. 175-177.

⁴ Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793 – 1914). М., 2011, С. 213.

However, the absence of first names of addressee, artificially sounding surnames of the author and his correspondent (*Опытов*, графиня *Старожилова*) and other details throw a shadow of doubt on the authenticity of these letters. Ksenia Egorova thinks that the letters are a literary work that reflects real events in a grotesque form⁵. I would agree with this statement. Yet the exceptional richness of detail and good knowledge of events demonstrated by the author of the text make me think that it was based on the authentic sources, probably a diary, letters or oral narrative of Komburley or someone close to him. Yet one of the main questions about this text that will remain unresolved until the original manuscript will be found is whether it was written before or after the Polish uprising of 1830-1831. The rhetoric used in the text very closely follows patterns of semi-official and unofficial Russian discourses on the Polish issues dominant after 1831.

The events of 1814-1815 that took place in Volhynia are not well known in historiography. The episode with "Volhynian revolution" can be viewed as a case study to examine power relations between the tsar as the supreme authority, central and local imperial administration, and local noble corporation in the lands of former *Rzecz Pospolita*.

Mikhail Komburley (*Михаил Иванович Комбурлей, 1761-1821*) was a son of a Greek officer who made a career under prince G.A. Potemkin in Novorossiya. Before being appointed as a governor of Volhynua in 1806 M.I. Komburley served as a marshal of nobility in Ekaterinoslav gubernia and a short stint (1,5 years) as a governor of Kursk. Having proved himself as energetic and effective administrator, in April 1811 Komburley was made a senator and in January 1813 was endowed with the authority of a governor general in Volhynia. In the first years of his governorship Komberley established amicable relations with local aristocrats who as a sign of their gratitude for his care of gubernia presented him with a golden snuff-box with gems.

With the start of Napoleonic wars borderland Volhynia became an arena of large-scale logistical operations of the Russian army. 1812 was a pinnacle of wartime strain for the province. The troops of the 2nd army of Bagration, the 3d ("observation") army of Tormosov, the Danubian army of Chichagov and the 30 000 strong Malorossiyan militia operated in

⁵ Егорова К. Письма о волынской революции: конспирологические мотивы как ключ к пониманию текста // Тезисы докладов на семинаре «КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ». Санкт-Петербург, 16-17 ноября 2015 г. DOI: <http://www.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=7a2CoShxDjU%3D&tabid=36>

Volhynia. In the same year a quarter of *gubernia* was occupied by the troops of the Grande Armée's Austrian corps under prince Schwarzenberg. In October 1814 the 100 000-strong Russian army passed through the province on its way back home from France. The burden of supplying these armies fell onto the peasants and their landlords. Soldiers of the stationed or passing armies quartered in villages. For their provision the troops needed enormous amount of food supplies, vodka and firewood for the personnel, oats, hay, forage for the horses. Local landowners were obliged to supply the transport horses and oxes as well as their drivers recruited from serf peasants (who very often did not return home). To prise supplies or services from the landowners the local police often organized various forms of *экзакуция*. To make disobedient landlords more pliable additional soldiers were stationed in their peasant houses and their number doubled each day until the demands were satisfied.

The system of purchasing supplies from landowners was not always effective. Often the military resorted to requisitions. To build hospitals and soldier barracks military and gubernia's authorities also drew on local resources. The detrimental side-effect of army quartering and concentration of masses of people was outbreaks of plague that affected peasant population as well. As a result the relative economic prosperity of Volhynia was seriously undermined. Many landlords who received no money but only receipts from army quartermasters for the grain supplies were nearly bankrupt. Moreover, to the gentry's chagrin, overzealous Komburley did not accept any excuses in sequestering land estates of those nobles who went into tax arrears. Many of such landowners felt bitter irony about this situation because they held quartermasters' receipts that far exceeded the sum of their tax arrears. The governor was also the main driving force behind sequestration of estates owned by nobles who went abroad even with official permissions. From now on tensions between Komburley and local nobility began to mount.

In 1814 nobilities of each imperial province were allowed to elect delegates to congratulate the tsar with the victory over Napoleon and the establishment of peace in Europe. In June 1814 Volhynian nobility elected delegates to St. Petersburg and in August of the same year the head of delegation, senator count Józef August Iliński (*Август Иванович Ильинский/Илинский, 1766-1844*), submitted a memorandum to Alexander I with a description of the current deplorable state of Volhynia. Most importantly Iliński complained about abuses and rampant corruption of local police. His main point was that nobility of the

province suffered not so much from the burden of taxes and wartime expenses but from the manner they are collected. Extortions of local police nearly double the amount of taxes and services required by the state. Nobles are so terrified by the threats of vengeance that do not dare to petition higher authorities about “abuses” of administration at the district level. In the name of all nobility of the province Iliński asked the tsar to redress grievances and send to Volhynia an inspector selected from senators originating from the former Polish-Lithuanian lands. He prince Czartoryski, counts Oginski, Worcell, Stroynowski. The latter two senators along with Iliński were natives of Volhynia and possessed large land estates there.

Alexander passed the memorandum to the Committee of ministers which in September 1814 delegated the investigation of nobility’s grievance to the Volhynian gubernia’s authorities that is Komberley. However such bureaucratic move did not satisfy the petitioners. In January 1815 senator Iliński addressed the Committee’s chairman count Nicholas Saltykov with a letter. He complained that Komburley demanded that all those landowners who had grievances should present them personally at Zhitomir, gubernia’s capital town. Otherwise they had to sign a remission of claims and hand it over to the district police at home. Governor’s ruse was clear – Komburley hoped that landowners would be reluctant to undertake a journey to the capital city located at the far eastern corner of gubernia.

Another important signal that drew St. Petersburg official’s attention to Volhynia came from the military quarters. Field marshal M. Barclay de Tolly sent to the tsar reports of general A. Langeron about large scale smuggling of goods in Volhynia and corruption at the infamous Radzivillov customs house.

On 9 January 1815 the Committee of ministers decided to send to Vohlynia a senator on an inspection mission. Initial choice was A.U. Bolotnikov but because of his illness, Friedrich Wilhelm von Sievers (*Федор Федорович Сиверс, 1748-1823*) – former governor of Courland and a senator of the 4th department, was appointed. Gubernias’ inspections by two or, usually, one senator was an established practice in the Russian empire perceived by the ruling elite as an instrument to repair wrongs of local administration⁶. For instance, in 1815

⁶ On senatorial inspections of gubernias pls. see: Бикташева А.Н. Казанское губернаторство первой половины XIX века. Бремя власти. М., 2014.

four other provinces (Kazan, Kostroma, Penza, Tula) of the empire were inspected by the senators.

The initial stage of inspection did not forebode anything bad to the Volhynian gubernial administration. In April 1815 Sievers reported to St. Petersburg that upon inspecting most of the government agencies in Zhitomir he found file-keeping and carrying on of business well in order. In governor Komburley he found a person "just, energetic, diligent and loyal to the Emperor and the Fatherland". To support this statement the inspector indicated that out of 1247 landowners who were questioned by the police, 921 acknowledged that they had no claims to the state treasury. Many of the most esteemed aristocrats told Sievers that they received protection at the hands of the governor. Sievers summarised main points of nobles' grievances as indignation at the local police that extort bribes from the landowners.

In the end of April Sievers left the gubernia's capital to travel to Radzivillov – a town with the customs house on the Austrian border, to investigate whether reports of smuggling operations were true. On his way to Radzivillov the senator inspected several district towns. In each location where he stopped Sievers encountered a local marshal accompanied by a crowd of petitioners complaining about oppressions of the police and gubernia's crown authorities. Bartłomiej Gیزیcki (*Варфоломей Каэтанович Гижицкий, 1775-1826*), gubernia's marshal of nobility, claimed that before Sievers arrived in Zhitomir, land captains (*земские исправники*) and sheriffs (*городничие*) pushed many landowners to write letters to the governor that they had no claims on the treasury. Now in the presence of the top governmental inspector nobles were more comfortable to express their grievances.

As the complaints of the local nobles piled up the inspector's opinion of Komburley changed. At the end of May 1815 Sievers wrote to the minister of justice that he completely altered his attitude towards Komburley. Sievers reported to the tsar that the nobles have "great dissatisfaction" with the governor. They believed that Komburley unfoundedly doubts their loyalty to Russia. This attitude of the governor is the cause of "undeserved censure" from the government and oppression by local administration.

In mid-July after Sievers returned to Zhitomir from the inspection tour of district towns, Gیزیcki handed over to him a general petition on behalf of all Volhynian nobility. It

summarized the previous written complaints and contained 84 points. The majority of concerns mentioned in the petition were devoted to compensation of wartime expenses and losses, easing of tax burden and improving landowners' economic well-being, restraining of imperial officials and ensuring wider participation of nobility in administration of the gubernia. Most importantly petitioners demanded that Komburley, vice-governor A.D. Khrushchov and other crown officials be discharged of their offices.

Earlier Bartłomiej Gیزیcki asked Komburley to allow nobles to assemble in district towns and submit their complaints. The governor did not openly refuse to this proposal but responded that every noble could address him personally with any grievances. Yet when Gیزیcki repeated his appeal and stated that Volhynian nobles definitely want to assemble in district towns to discuss their *sosłowie* needs, Komburley rejected it and turned to the ministers' Committee for endorsement. Reporting to St. Petersburg that he was not sure of district marshals' and their deputies' (*chorążowie*) commitment to Russia, the governor craftily played up a card of Polish nobles' disloyalty to Russia demonstrated in 1812. Before and during Napoleonic invasion several dozens of Volhynian landowners defected and joined the armies of the enemy. On 12 June 1815 the government supported Komburley's decision and instructed him to monitor marshal's activities.

Komburley got again a good pretext to report about Gیزیcki's suspicious activities when the marshal asked the nobles to collect money for the needs not known by the imperial authorities. The Committee of ministers not only forbade nobles to raise money, but ordered the governor to remove Gیزیcki from office unless he explains the purpose of the fund-raising. It appears that Komburley managed to stir cunningly the top government officials against Gیزیcki.

Komburley continued to demonize the leader of Volhynian nobility as the prime agent of subversive activities. He informed the government that in July Gیزیcki organized marshals'

assembly in Zhitomir, where he persuaded them to sign already prepared unjust complaints and instigated them against the gubernia's administration. Touching the delicate chords the top-officials' insecurity fears, Komburley warned that things may be gone out of control in his gubernia.

However the growing conflict between the marshal and the governor ended abruptly after Gizycki was summoned in June 1815 by the emperor's order to the army of Field marshal Barclay de Tolli. Relieved governor asked the government to confirm in the marshal's office count Jan Choloniewski who was not particularly known for his involvement in Volhynia's public life and who preferred to spend much time abroad. Choloniewski was the most comfortable candidate to Komburley. In his favour the governor passed over two district marshals - Henryk Iliński (son of senator Iliński) and Malynski who were elected back in 1814 by the nobility to be the 1st and 2nd candidates to the office of gubernia's marshal after Gizycki. Agreeing with the main motive expressed by Komburley - to avoid further disrespect on behalf of nobility towards authorities, the government confirmed Choloniewski on the 13th of July.

After this decision local nobility's demonstrated open indignation at Komburley. General major Gizycki was a highly honoured leader of the Volhynian nobility. In August 1814 he was elected as gubernia's marshal at the regular nobles' assembly. Shortly before this he was elected along with senator Iliński and several other notables of Volhynia to be a member of delegation to St. Petersburg. After the audience with Alexander I he was summoned back to military service. However, in January 1815 in response to the petition of Volhynian nobles the tsar allowed him to resume the office of the nobility's marshal.

The presence of the senator-inspector in gubernia added to noble's spirit of self-esteem. When in May 1815 Komburley banned the communications practice employed by the marshals it caused an uproar. Marshals got accustomed of sending circular letters (*kursorji*) on issues of public interest either directly to the landowners or through lower police officers with the envelopes sealed. From now on district marshals were obliged to send off all circulars by means of local police that should have been informed of their content. Considering this prescription as the intrusion into the local affairs of the nobility and a sign of distrust, seven districts marshals handed in a protest to Sievers a petition of resignation. Yet, the ministerial committee supported Komburley's decision, but did not accept marshal's resignation.

Komburley has also received moral support from the Senate. Already after Gizycki moved to the army, the Senate having considered Komburley's report on Gizycki's activities,

resolved that (by now the former) marshal should have been relieved of his office and committed to trial for “insolence” against the governor.

Feeling a threat not only from the local Polish elite, but from the diligent inspector, Komburley cunningly managed to stir the Committee of ministers against Sievers himself. He reported several times that the inspection causes disturbances that could lead to general unrest. Citing refusal of several Polish nobles to provide quarters, food and horse carts to the military, the governor wanted to prove that ‘the grievances campaign’ under Sievers’ patronage undermines imperial power in the province. It is true that Sievers routinely resorted to heavy-hand measures. When inspecting the town of Berdichev he ordered in a company of soldiers to round up Jews involved in the sale of smuggled goods and omitted from tax rolls. As vice-governor Khrushchov reported that the inspector ordered to post in Jewish schools announcement to the effect that those who did not comply with the requirements of authorities would be shot down.

Sievers positioned himself as quite independent from the ministers in St. Petersburg. After sending a report of 21 April about the development of inspection the Committee for more than two months did not receive anything from him. Sievers felt responsible only to inform the tsar himself. In contrast Komburley frequently reported to the ministers about what Sievers did in critical light.

One incident caused ministers’ particular indignation with arbitrariness of the senator-inspector. Sievers restored count Iakov Bulgari as the chief of the Radzivillov customs district without even notifying the minister of finance. Then he allowed Bulgari to take a leave and dispatched him to Alexander I in Vienna.

Komburley asked the permission to travel to St. Petersburg presumably to defend himself, yet he had to stay in his gubernia until the completion of the Sievers inspection.

At the end of July in order to resolve the growing tensions in Volhynia the Committee of ministers recommended to Sievers to finish inspection and return to St. Petersburg. Simultaneously Sievers himself wrote to Saltykov that his inspection is almost finished. He admitted that his previous opinion about Komburley completely altered. Describing “abuses” in gubernia, Sievers dispatched to St. Petersburg the original complaint of the nobility with the demand to remove the governor and other crown officials. Sievers reported that

Komburley makes an effort to hinder his current investigation in Berdichev of the smugglers's organisation. He suggested that Komburley and Khrushchow be discharged even before the completion of the investigation.

Sievers defied the Committee and stayed in Volhynia to continue his inquiry in Berdichev. He had a pretext that the Committee could not ignore. The senator informed the ministers that he received secret papers from the emperor on the smuggling affair and was awaiting resolutions on his reports. The ministers had to swallow the pill. They had nothing to do but grudgingly acknowledge Sievers' secret task delegated to him by the emperor, but warned him not to interfere into current administration of gubernia and expressed concern that the inspector's judgements about officials' guilt are often unfounded.

Meanwhile Komburley bombarded the Committee with reports of Sievers arbitrariness and biased approach. He wrote that several officials were discharged on the basis of complaints not supported by any documentary evidence. The governor insisted that nobility's complaints in his respect contain nothing but slander and defamation. He tried to convey to St. Petersburg an idea that Gizycki and "a party of intriguers" who cobble up hundreds of complaint, taking advantage of Sievers benevolence, create a dangerous atmosphere of disobedience.

Loosing patience the Committee on 21 August 1815 passed a resolution that appeared to be in favor of Komburley. Sievers was reminded to wrap up his inspection of Volhynia and to hurry up to the capital in order to present personally findings of his investigation. At the same time Komburley was allowed to take a leave and travel to St. Petersburg as soon as the government would appoint an official to act as the civil governor. The Committee acknowledged that in view of the Sievers findings, vice-governor Khrushchow could not fill this position. On 18 September the Committee appointed the governor of the neighboring gubernia of Podolia count Armand Charles Emmanuel de Saint-Priest to act as the temporary head of Volhynia for the time Komburley would be on leave in St. Petersburg. It seems that the Committee took into account the wishes of the nobility which in its petition referred to an example of prudent and just governorship in the neighbouring Podolia. Yet this decision was not unanimous and was taken in accordance with the majority opinion. Three members of the Committee: N.S. Mordvinov, A.K. Razumovsky and A.S. Shishkov thought that Komburley should stay in Zhitomir for two reasons: to keep control over the

administration of the province in the current difficult circumstances and to avoid rumors that his leave was the result of the Sievers' inspection.

Being busy with settling the affairs of Europe the tsar did not interfere into the Volhynian problem until November 1815. He regularly received reports from Sievers and met with the people who were dispatched from Volhynia – Henryk Iliński, Bartłomiej Giżycki, count Bulgari. After signing in Warsaw the constitution of the Kingdom of Poland, Alexander I reacted to the on-going wrangling between Sievers and the ministers' Committee. On 28 November 1815 the emperor signed a decree to the Senate. Taking side with Sievers the tsar rebuked the ministers for an intention to revoke the inspector who had not finished his investigation. Komburley and Khrushchov were relieved of their offices and were to be considered under investigation.

In the final stage of his mission Sievers carried out an investigation of the illegal fund organized by Jewish merchants in the town of Berdichev to pay off local police and customs authorities for letting into Russia the smuggled goods. Sievers charged Komburley and Khrushchov for not only knowing and taking no action but for patronizing this illegal operation. According to the inspector's findings, a range of middle and top-level gubernial officials regularly received money from the fund and profited from selling off the smuggled goods.

Investigation led Sievers to compile a list of charges against Komburley which implicitly indicated his corruption and graft. Aside from mismanagement and negligence of police "abuses" the inspector accused him of complicity in the Berdichev smugglers' fund. In Berdichev and Radzivillov the inspector uncovered 2500 Jews (about half of the total population of these towns) not included in the tax rolls. Further investigations in 5 districts found that over 70 thousand male souls of Jews and peasants were omitted from the tax rolls.

On 21 January 1816 the emperor charged the Senate to examine the case of "abuses in Volhynia gubernia". By now Alexander perceived Komburley as a corrupt official and treated his critique of Sievers' activities as an effort to cover up his crimes. The tsar expressed his trust to the inspector and forbade to accept complaints from Komburley. His case was heard first in the 5th department of the Senate and then in the State Council.

Because of the of dissent of opinions in these institutions the trial over the former governor dragged on until his death in October 1821.

It seems that Volhynian nobility that delivered three senators of the empire was very acute to the changes in the Russian political situation and in the tsar's sentiments. They chose a fortunate time to approach the imperial throne with their appeals when Alexander I was about to start fulfilling his long-time pro-Polish intentions. After the creation of Kingdom of Poland the tsar was willing to do favour for his Polish subjects within the empire. In April 1816 B. Gizycki was appointed as a Volhyninan governor. Yet he was not the first Pole to attain such a high administrative position. In January 1816 prince Franciszek Ksawery Drucki-Lubecki was appointed a governor of Grodno. The new pattern was quickly followed in other Polish gubernias of Vilno, Minsk and Podolia. It is well known that the Russian emperor was deliberating on the idea of joining the Polish provinces of the empire with the Congress kingdom. Yet Alexander understood that this ardent wish of the Polish nobility would be seriously⁷ opposed by the Russian imperial nobility. In these circumstances the tsar through practical and symbolic actions tried to demonstrate that he gradually will fulfill the wishes of his Polish subjects.

Alexander addressed the concerns of the Volhynian noble and appeared to be sympathetic to their needs and requests. He restored their right to elect the member of the police and made some other changes in administrative regulations. Special "liquidation" commissions were to set up in each province with the task to take store of requisitions made by the troops and to compensate the landowners' wartime expenses. To redress the grievance of the Volhynian nobles and to elaborate measures to improve the economic status of gubernia the tsar set up s special committee headed by Sievers.

Drawing on the analysis of the documentation of senatorial revisions and administration of the Kazan gubernia in the first decades of the 19th century prof. A.N. Biktasheva concludes that the situation in this province could be characterized as the duality of power⁷. A governor as a representative of the central authorities *ex officio* pursued the state interest that have not always correspond to the *soslovie* concerns of provincial nobility led by the marshal. Certainly a similar situation we see in Volhynia. However its geographical location as a strategic western borderland added significant specifics. The conflict of two

⁷ Бикташева А.Н. Казанское губернаторство. С. 169, 255.

senators – the inspector and the governor general was closely monitored in St. Petersburg and was only resolved with the intervention of the tsar himself who decisively took side of them. Massive removal of gubernial officials, including governors and vice-governors as a result of senatorial inspection was not rare. However in Volhynian gubernia such a move (with the subsequent appointment of a Pole as a governor) could also be seen as a symbolic gesture in a politically sensitive region.

Владимир Бобровников

Ориентализм и империя в александровскую эпоху: создание горцев-туземцев на Кавказской пограничной линии

В александровскую эпоху у Российской империи и ее новых подданных на Северном Кавказе сложились довольно сложные отношения. В регионе империя столкнулась с так называемыми горцами-мусульманами (некоторые из них несмотря на свое наименование жили на равнине или в предгорьях), представлявшими настоящую мозаику самых разнообразных политических образований от ханств Дагестана и княжеств Большой Кабарды до «вольных обществ» и иных союзов «демократических» племен в горах Дагестана, Чечни и Черкесии. В предыдущие царствования отношения империи с горцами складывались гораздо спокойнее. В конце XVIII и самом начале XIX в. между ними был заключен целый ряд федеративных договоров, последний из которых, состоявшийся в Георгиевске в самом начале правления Александра I, в 1802 г., устанавливал верховную власть империи над ханствами и «вольными обществами» дагестанских горцев на условиях невмешательства российских властей во внутреннюю жизнь горских владений. Американский историк Шон Полок удачно назвал эту систему отношений «империей по приглашению» (*empire by invitation*): империя приглашала владельцев и союзы общин жить под ее покровительством на своих южных границах¹. Постепенное строительство Кавказской укрепленной линии между Черным и Каспийскими морями и сгон горцев с части принадлежавших им прежде земель, которые отводились под русские укрепления и казачьи станицы, вызвали ответное вооруженное сопротивление горцев. Они начали регулярно устраивать набеги на линию. Кроме того, часть горцев, ставших врагами империи и получивших за это наименование «немирных», переселялась за линию, на территорию Закубанской Черкесии и в горы Дагестана и Чечни, откуда они продолжали вести вооруженные действия против империи и ее подданных из числа местных жителей.

¹ Sean Pollock. 'We Slavishly Request': Invitations to Empire and Russian Political Patronage in the Balkans // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 1, no. 4 (Fall, 2000), p. 751-768.

Именно в александровское царствование за всем Кавказским краем утвердилась в России дурная слава разбойничьего гнезда, сохранившаяся в сознании россиян до настоящего времени. Военные, путешественники, православные миссионеры эпохи Кавказской войны 1817-1864 гг. поразительно единодушно писали о кавказских горцах как о «природных разбойниках и ворах». Следует, правда, оговориться, что и на других восточных окраинах империи русские обнаруживали в характере населяющих их «племен» непонятную страсть к набегам, грабежу и убийствам. Эта особенность горцев и других «диких азиатцев» в русской литературе XIX в. получила в дореволюционной русской литературе наименование «хищничества»². Во избежание кривотолков следует сразу оговориться, что сами по себе насилия, совершавшиеся на Кавказе в период присоединения региона к Российской империи, не будут рассматриваться в этой работе. Автор не собирается опровергать и тем паче обосновывать тезис «горского хищничества» ссылками на то, «как это было на самом деле». Предметом работы является скорее формирование этого стереотипа и его место в дискурсе ориентализма, в немалой степени определявшем реформы по «умиротворению» кавказских горцев в александровской России и в более поздние эпохи. Другой задачей работы является изучение превращения замиренных горцев в категорию туземцев-мусульман российского Кавказа.

Покорение Кавказа в российской беллетристике

В первой трети XIX в. взоры российского общества были прикованы к Северному Кавказу не менее, чем сегодня, в период двух кровавых российско-чеченских войн и вызванной ими волны терроризма, отозвавшейся по всей России и далеко за ее пределами. Тогда причина внимания заключалась в затяжной Кавказской войне (1817–1864), которую Россия вела за обладание этим регионом. Военные и гражданские чиновники, служившие на Кавказе, были к тому же очарованы этим горным краем, окутанным дымкой романтики в глазах образованной русской публики первой половины XIX в. В правление Александра I и его преемника Николая I господствовавший в европейской литературе и науке романтизм немало повлиял на восприятие Кавказа в

² *Леонтович Ф.И.* Адамы кавказских горцев. Вып. I. Нальчик, 2002 (перепечатка одесского издания 1882 г.). С. 146–148, 156; 339–340 (библиография по Северо-Западному Кавказу). Вып. II. С. 167–168; 311 (библиография по Центральному и Северо-Восточному Кавказу). Подробнее о дискурсе горского хищничества см. в моей кн.: *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М., 2002. С. 16–40.

России. Кавказские горы восхищали русское общество своей кажущейся первобытностью и свободой, а вместе с тем ужасали своей дикостью и коварством населяющих их горцев. Эти чувства прекрасно выразил юный Лермонтов:

И дики тех ущелий племена,
Им Бог – свобода, их закон – война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро – добро, и кровь – за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.
(Измаил-бей)

Такие представления распространялись в русском обществе прежде всего через художественную литературу. Кавказу вообще повезло с русской классикой, как верно заметила современная исследовательница русской литературы XIX в. Сьюзен Лейтон³. Кто только не писал о нем! И прежде всего Пушкин и Лермонтов. Юношеская поездка Пушкина на юг России подарила читающей России романтическую поэму «Кавказский пленник», очаровавшую публику описанием дикой горной природы, воинственных черкесов и любви прекрасной черкешенки к русскому пленнику. Так и не добравшись до Кавказа, молодой Пушкин развил на воображаемых кавказских материалах байроновский сюжет про край дикой свободы, «где рыскает в горах воинственный разбой». В горах Кавказа ему удалось побывать, и то проездом, только через много лет, во время путешествия в Арзрум в 1829 г. После этого он задумал оставшуюся незавершенной поэму про черкеса-христианина (в сохранившемся наброске превращенного в «немирного чеченца»), изгнанного отцом за отказ от предписанных горским обычаем кровной мести и грабежа (Тазит). Еще значительно было влияние романтических стихов и прозы Лермонтова, чьи хрестоматийные образы «злого чечена» из «Казачьей колыбельной» или необузданного абрека Казбича из «Героя нашего времени» во многом определили восприятие Кавказа в России.

³ Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge, 1994.

Свой вклад в создание романтического образа Кавказа внес плодовитый беллетрист А. Бестужев-Марлинский, выведший в одной из своих повестей вошедшего в поговорку дикого, но благородного разбойника Аммалат-бека. Переведенный в Кавказскую армию из сибирской ссылки, в которую он попал за участие в восстании декабристов, писатель не скрывал своего восхищения и опасений перед горцами. «Там над головой путника вьется разбойник воздуха орел, – писал он, – там рыщет разбойник лесов – волк и разбойник гор – черкес; припав за камнем, готовит им и себе добычу». Склонность горцев к грабительским набегам на соседей, Бестужев-Марлинский объяснял отсутствием самых необходимых средств к жизни. По его мнению, в бесплодных теснинах кавказских гор «хищничество есть... единственное средство одеться и вооружиться... Как вы хотите, чтобы человек, храбрый от привычки, потому что осужден от колыбели выбивать свое существование у грозной природы, чтобы человек сильный, и к этому всему нищий, не хотел присвоить себе все, что ему по силам? На грабеж идет он как на охоту, и добыча, взятая из зубов опасности, для него и плата за труд, и слава за подвиг, и приманка на будущие набег»⁴.

Романтическое увлечение горцами было не чуждо и наблюдавшим за ходом русского завоевания Кавказа писателям и публицистам из Западной Европы, как времен александровского царствования, так и более позднего времени. Шамиль, в течение более четверти столетия сопротивлявшийся российскому продвижению на мусульманский Восток, превратился во французской и английской публицистике в «благородного дикаря», не пожелавшего променять свободу родных гор на золотые оковы самодержавной России. В этом стиле выдержаны корреспонденции Маркса и Энгельса о восточном вопросе, публиковавшиеся во время Крымской войны (1856–1857) в американской газете «New York Herald Tribune». Подобные оценки и воззрения не сложно найти и у западноевропейских историков, например в знаменитой «Истории XIX в.» под редакцией Лависса и Рамбо, авторы которой, перевирая кавказские реалии, писали про соединение под знаменами национально-освободительной черкесско-лезгинской армии Шамиля суннитов и шиитов на Кавказе⁵.

⁴ Марлинский А. Русские повести и рассказы. Ч. 8. СПб., 1837. С. 203–204.

⁵ История XIX века. Под ред. Проф. Лависса и Рамбо. Пер. с фр. Под ред. Е.В. Тарле. Т. 4. М., 1938. С. 371–372.

Знаменитый романист Александр Дюма-отец, отправляясь в 1858 г. на Кавказ, обещал читателям своего журнала «Монте-Кристо» «подвести их к скале, где был прикован Прометей..., посетить стан Шамиля, этого другого Титана, который в своих горах борется против русских царей». Чтобы не обмануть ожиданий знаменитого литератора, принимавшим его русским военным даже пришлось инсценировать набег горцев, принятый Дюма «за чистую монету» и описанный им впоследствии в одном из восьми томов его пространных и фантастических воспоминаний о России и Кавказе.

Общие настроения, господствовавшие в обществе времен Кавказской войны, ярко охарактеризовал российский военный и востоковед-лингвист барон П.К. Услар. «В эпоху романтизма, – писал он, – и природа, и люди на Кавказе были непонятны... Горцев не могли мы себе представить иначе, как в виде людей, одержимых каким-то беснованием, чем-то вроде воспаления в мозгу, – людей, режущих налево и направо, пока самих их не перережет новое поколение беснующихся. И было время, когда эти неистовые чада нашей поэтической фантазии приводили в восторг часть русской читающей публики!.. Горцы, которые в те блаженные времена учились чему-нибудь и как-нибудь в Петербурге, сами всячески подделывались под Аммалат-беков, Казбичей и т.п...»⁶.

От обожания Кавказа путешественники и военные, побывавшие в регионе, нередко переходили к не менее неумеренному порицанию жителей края. Характерно в этом смысле высказывание русского натуралиста, публициста и теоретика славянофильства Н.Я. Данилевского: «Кавказские горцы – и по своей фанатической религии, и по образу жизни и привычкам, и по самому свойству обитаемой ими страны – природные хищники и грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставлять своих соседей в покое»⁷. Сравнивая жителей горных ущелий Кавказа с шотландскими горцами, опоэтизированными в романах Вальтер Скота, Данилевский, не разделяя романтического обожания гайлендеров, надеялся, что на Кавказе Россия пойдет по пути прагматичной Англии, и на корню уничтожит этот не менее экзотический, но и столь же разбойный вертеп.

⁶ [Услар] П.К. Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 4–5.

⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995. С. 31.

Похожих взглядов придерживались многие дореволюционные историки и этнографы. Даже такой объективный автор, как создатель знаменитой исторической географии Кавказа С.М. Броневский, писал, что горцы «приобретение корысти силой оружия вменяют себе за честь... яко драгоценный дар почитают вольность, которую употребляют часто во зло, делая набеги и грабежи против друг друга и в окружных странах»⁸. Такими представлениями руководствовались русские военные, руками которых было осуществлено завоевание Кавказа, в частности герой Отечественной войны 1812 г. генерал А.П. Ермолов, с именем которого связано начало Кавказской войны.

Интересно, что к взгляду на горца-мусульманина как на извечного хищника склонялась и местная мусульманская элита, перешедшая на службу в российскую администрацию края. Зять имама Шамиля и сын его духовного наставника 'Абд ар-Рахман Гази-Кумухский пишет в своих воспоминаниях о жителях Аварии в Нагорном Дагестане как о «народе высокомерном, преступном, никому другому не подчиняющемся... Это причина убийств и набегов, всяческого кровопролития особенно до появления в Дагестане трех имамов»⁹. Похожие мысли высказывал приставу Руновскому после своего пленения и сам Шамиль: «Я употреблял против горцев жестокие меры. Много людей было убито по моему приказанию.., – признавался бывший имам, – Бил я и шатоевцев, и андийцев, и тадбуртинцев (присоединившиеся к имамату сельские союзы горцев Южной Чечни и Северного Дагестана. – В.Б.); но бил я их не за преданность русским. Вы знаете, что тогда они ее еще не высказывали, а за их скверную натуру, склонную к грабительству и разбоям... И вы (русские. – В.Б.) будете бить их за ту же склонность, которую им очень трудно оставить»¹⁰.

Сетования на «горское хищничество» стали общим местом в мусульманских хрониках из Дагестана XIX в. В этом отношении показательны высказывания Хаджжи-'Али из дагестанского селения Чох (Гаджи-Али Чохского, 1819–1895), секретаря имама Шамиля, позднее перешедшего на сторону русских. В своем сочинении о деяниях

⁸ [Броневский С.М.] Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, на Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича донине. СПб., 1996. С. 28.

⁹ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. Л. 38а–38б.

¹⁰ Дневник полковника Руновского, состоящего приставом при Шамиле во время его пребывания в гор[оде] Калуге с 1859 по 1862 год // Акты Кавказской археографической комиссии. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1422.

имама Шамиля он писал: «Горцы дики, как сама природа, окружающая их, и хищны, как звери»¹¹. Преступные наклонности горцев Хаджжи-'Али объясняет забвением ими «благородных законов шариата» и общим падением нравов под влиянием распущенных и преступных правителей средневековья. «Когда в 200 году хиджры (VIII в. н.э. – В.Б.) Абумуслим Шамский¹² покорил и силой оружия заставил горцев принять мухаммеданскую веру, Дагестан сделался рудником ученых и храбрых, – пишет он далее, но – поколения и ханы сменялись, а с ними изменялось и положение горцев, они начали приходить в упадок, каждый стал предаваться своим страстям.., одни сделались разбойниками, другие – ворами, стали делать набеги на Гурджистан, Туне и Мосок¹³, а с этим вместе возникли междоусобные брани и родовая вражда племен. По словам историков, земля Дагестана сделалась смесью крови, драк и раздоров... Теперь же корень войны, беспорядков и смут пресечен могуществом русских»¹⁴.

Равным образом дагестанский правовед и историк того времени Хасан-эфенди Алкадари писал в стихах, предворяющих его знаменитую хронику «Асар-и Дагистан»:

Вырвались лезгины¹⁵ на свободу, потревожили весь свет...

Рассыпались как дикари, всюду проливая кровь¹⁶.

Подобно Хаджжи-'Али Чохскому Алкадари возлагал надежды на смягчение нравов горцев на эпоху русского правления, положившую конец войнам и смутам на Кавказе. В том же стихотворном предисловии к своей хронике он призывает горцев «бросив меч, взяться за перо», учиться самим и отдавать в школы детей, скорее приобщаться к достижениям современной цивилизации – железным дорогам,

¹¹ *Гаджи-Али*. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1995. С. 24.

¹² Абу Муслим или Абд-ул-Муслим – полулегендарный исламизатор Дагестана и Восточного Кавказа, в образе которого слилось несколько миссионеров и воителей за веру (*гази*) арабского, тюркского, иранского и местного происхождения. В исторической памяти мусульман Восточного Кавказа этот популярный герой был контаминирован со знаменитым религиозным деятелем Арабского халифата VIII в. Абд ар-Рахманом Абу Муслимом (уб. 755). Подробнее см. в работе: *Бобровников В.О., Сефербеков Р.И.* Абу Муслим у мусульман Восточного Кавказа (к истории и этнографии культов святых) // *Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе*. Под ред. С.Н. Абашина и В.О. Бобровникова. М., 2003. С. 154–214.

¹³ Речь идет о набегах горцев Дагестана и Чечни на равнинные земли Восточной Грузии (Кахетии) и долины Терека.

¹⁴ *Гаджи-Али*. Сказание очевидца о Шамиле. С. 24.

¹⁵ Зд. горцы Дагестана вообще. Этот топоним раннесредневекового происхождения превратился в название крупнейшего народа нахско-дагестанской языковой подгруппы на юге Дагестана лишь в ходе советских национальных реформ XX в.

¹⁶ *Гасан-эфенди Алкадари*. Асари-Дагестан. Махачкала, 1995. С. 32. Пер. А. Гасанова.

пароходам и прочим чудесам техники и прогресса. Только после окончания Кавказской войны и утверждения русского владычества

Для дагестанцев открылись двери к просвещению¹⁷.

Теперь, по мнению историка, они могут возродить высоты книжной культуры ислама, утраченные ими в период смут.

Жалобы на «хищничества» кавказских горцев продолжались вплоть до первой четверти XX в. Даже у крупнейших дореволюционных ученых горный Кавказ ассоциировался прежде всего с горским разбоем. Знаменитый этнограф Лев Штернберг в обзорной статье о чеченцах, опубликованной в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона (1903), среди характерных признаков этого народа выделял «подозрительность, склонность к коварству и суровости». По его словам, «неукротимость, храбрость, ловкость, выносливость, спокойствие в борьбе – черты чеченцев, давно признанные всеми даже их врагами. В обыкновенное время идеал чеченцев – грабеж. Угнать скот, увести женщин и детей, хотя бы для этого пришлось ползти по земле десятки верст и при этом рисковать своей жизнью – любимое дело чеченцев»¹⁸.

Империя превращает замиренных горцев в туземцев

Негативные клише о «разбойном» Кавказе в немалой степени определяли как методы покорения региона, так и способы управления им. Печальную известность получили слова императора Николая I, обращенные к заменившему Ермолова командующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу: «Предстоит Вам... усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»¹⁹. Представление о благородных кавказских разбойниках и первобытной дикости региона разделяли многие военные и гражданские чиновники середины XIX – начала XX в. К ним принадлежали такие заметные фигуры, как военный министр Д.А. Милютин и наместник кавказский великий князь Михаил Николаевич,

¹⁷ Там же. С. 32–33.

¹⁸ Ш[тернберг] Л. Чеченцы // Энциклопедический словарь под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXXVIII. СПб., 1903. С. 786.

¹⁹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1959. С. 58.

серьезно уверенный, что «большинство кавказских мусульман находится в самом детском состоянии цивилизации»²⁰.

Сложившийся в общественном мнении метрополии образ горца-дикаря predetermined методы покорения обоих регионов и способы управления ими. Генерал А.П. Ермолов, с именем которого связано начало Кавказской войны (1817 г.), и его преемники были уверены, что говорить с горцами можно только на языке силы, как с неразумными малыми детьми. Гуманные методы, по их мнению, годились только для Европы, а не на «диком» Востоке, к которому они относили и Кавказ. «Немирные горцы» выдавливались Кавказской армией в горы Дагестана и Чечни, а на Западном Кавказе за Кубань.

Присоединение Кавказа к России было совершено руками военных. Они же первоначально управляли регионом. До 1844 г. высшей военной и гражданской властью на русском Кавказе был командующий Отдельным Грузинским (впоследствии Кавказским) корпусом, главный штаб и ставка которого находились в Тифлисе. На Кавказе надолго сохранилась память о деяниях «проконсула Кавказа» Ермолова. При этом немалыми полномочиями обладали начальники флангов и даже участков Кавказской линии – прикрывавшей южные рубежи империи укрепленной цепи крепостей и казачьих станиц, которая в эту эпоху постепенно перерезала весь регион по крупным рекам и Главному Кавказскому хребту. Нередко они представляли на местах высшее начальство империи.

Организация местного управления, сложившаяся в годы Кавказской войны, была довольно сложной и запутанной. До начала 1860-х гг. разные районы русского Кавказа с предгорными территориями Юга России не имели единой администрации, налогообложения и судопроизводства. Наряду с территориями, находившимися под прямым российским управлением, которые управлялись по общим законам империи, на Северо-Восточном и отчасти Центральном Кавказе сохранялись мусульманские владения и союзы горских общин под российским протекторатом. Здесь действовало косвенное управление. Власть, суд и сбор налогов были сосредоточены в руках

²⁰ Отзыв Кавказского наместника Вел. кн. Михаила Николаевича управляющему делами Кавказского комитета В.П.Буткову от 12 августа 1864 г. по поводу проекта издания газеты для мусульман Северного Кавказа // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. М., 2000. С. 211.

местных владельцев или сельских старшин, действовавших под контролем российских офицеров Кавказской армии²¹.

После завершения завоевания Северный Кавказ был разделен на территории, находившиеся под военным и гражданским управлением. В Закавказье, подобное деление было введено раньше. Перешедшие под русский протекторат царства и княжества Грузии и мелкие ханства иранского Азербайджана еще в первой трети столетия были поставлены под контроль российских военных. В 1846–1849 гг. более «цивилизованное», по мысли имперских законодателей, Закавказье было поделено, как и внутренняя Россия, на губернии. Система управления колонией оставалась мозаичной. На русском Кавказе мусульмане не составляли большинства. Здесь были районы с давним преобладанием христиан разных конфессий – православных в бывшем Картли-Кахетинском царстве и прежних княжествах Грузии, армяно-григориан – на территории бывшей иранской Восточной Армении. На Северном Кавказе имелись общины горских евреев-иудеев и кочевавшие на его восточных границах полуседлые племена калмыков-буддистов. К тому же империя переселяла в Закавказье армянских иммигрантов из Османской империи и общины христианских сектантов из России, выполнявшие во время войн с Турцией роль буфера. Значительные территории в долинах рек Терек и Кубань во времена Кавказской войны были закреплены за казачьими станицами, приписанными к Кавказской линии. Представители разных конфессий и этнических групп нередко занимали одни и те же земли, особенно в Восточном Закавказье. Они были разделены по этно-территориальному признаку на национальные республики только в Советском Союзе.

Замиранные туземцы-мусульмане Северного Кавказа получили в империи правовой статус туземцев или инородцев. Изначально инородческий дискурс не имел чисто этнических коннотаций и касался, прежде всего, управления мозаичной колониальной периферией России XVIII – начала XIX в., где он сложился. Правовая категория российских *инородцев* охватывала еще не полностью инкорпорированное в российское государство население пограничных окраин и «глубинки» внутренней России (включая бывшее пограничье Московского царства, как это было в случае с инородцами Волго-Уральского региона и Предкавказья). Связь инородцев с азиатской

²¹ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа. С. 153.

периферией для меня многое объясняет. Это понятие означало, правда, еще не россиян, но уже не «чужих» иностранцев, а своих, хотя иноверных, иноплеменных и считавшихся довольно «дикими» подданных, которых империя собиралась сама цивилизовать и воспитывать в духе гражданственности.

Взглянув на карту Российской империи, несложно заметить, что инородцы были «привязаны» к целому ряду укрепленных пограничных линий, выросших из «засечных черт» Московского царства. Это в основном Сибирская, а чуть позднее и Кавказская линии XVIII–XIX вв. Судя по исследованиям недавнего времени²², имперская география линий сильно отличалась от внутренних губерний России. Это были своего рода государства в государстве. Кордонные линии были подвижными, по мере продвижения создавались новые, а старые оказывались на территории внутренних губерний и постепенно упразднялись. С их помощью российские власти пытались отгородиться от «Востока», представлявшегося законодателям эпохи Просвещения и колониальных империй «диким» и «хаотичным» пространством. «Инородческое население» противопоставлялось «полноценным» подданным, «цивилизованным» представителям метрополии и рассматривалось (как и занимаемые им территории – «те земли») в качестве «становящихся» подданных или граждан, а их земли относятся к разряду осваиваемых. По мере продвижения империи на «Восток» на ее укрепленных границах появлялись все новые инородцы.

На западных и юго-западных рубежах империи укрепленных пограничных линий было немного. В основном они были связаны с противостоянием Крымскому ханству и османам. Как правило, здесь не было и инородческих подданных. Случай с причисленными в 1835 г. к российским инородцам евреями западных окраин представляет скорее исключение из общего правила²³. На азиатском востоке и юге

²² См., например: *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский фронт России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 174–177, 188–191; *Jersild A.* Orientalism and Empire. P. 17–19, 32–37.

²³ Вместе с тем, в XVIII столетии евреи в какой-то степени были связаны географически с бывшим российско-османским степным фронтиром Малороссии и Бессарабии. Часть еврейских местечек была связана с укрепленной линией Псков-Смоленск-Брянск (1706–1708) на польских рубежах и Украинской линией (1731–1735). Как и восточные инородцы, российские евреи сохранили к XIX в. обособленный правовой статус среди подданных империи. К тому же, российские законодатели разделяли страхи перед опасностью для русской государственности как евреев на западе, так и некоторых племен восточных инородцев, с которыми империя долго воевала на Востоке (в Казахской степи и Туркестане, горах Кавказа). По их мысли, эти риски должен был нейтрализовать замкнутый инородческий правовой статус.

укрепленные пограничные линии играли иную роль. Они не только прикрывали империю от вражеских набегов, но и формировали имперское пограничное пространство. Здесь империя столкнулась в XVIII – XIX вв. с неевропейскими режимами подданства, ускользающими от имперского контроля территориями без городов (на Северном Кавказе и в Казахской степи) и населением (кочевники Туркестана либо горцы Кавказского края), находившимся одновременно в подданстве разных государств и привыкшим свободно пересекать государственные границы. Здесь власти сталкивались с так называемыми «двое-» и «троеданцами», платившими натуральную подать (*ясак*) енисейским киргизам или монгольским Алтын-ханам, джунгарскому контайше и русскому царю²⁴.

Одной из задач все дальше продвигавшегося на Восток имперского фронта в духе просветительской правительственной идеологии была цивилизация инородцев, подъем уровня их гражданственности. С другой стороны, нужно было оградить и цивилизованное общество от эксцессов еще не привыкших к современной культуре «азиатских дикарей». Поэтому столь большое внимание, например, на Кавказской линии с конца XVIII в., уделялось их паспортизации. Здесь признавшим власть империи кочевникам и «мирным горцам» запрещалось покидать пределы своих селений и совершать перекочевки без подорожных билетов, по которым они могли либо перемещаться по русским владениям вдоль линии, выезжать за ее пределы на срок не более двух месяцев и, наконец, въезжать во внутренние губернии России от одного до четырех месяцев.²⁵ Впрочем, подавляющее большинство «натуральных» подданных, тех же русских крестьян, также не имело свободы передвижений по империи, оставаясь прикрепленными к земле своих помещиков. Это было общей законодательной нормой империи до начала эпохи реформ и крестьянской колонизации Сибири и Туркестана конца XIX – начала XX в.

До 1820-х годов у временных восточных поданных России не было единого правового статуса и даже названия. В XVII – начале XIX в. их называли «ясачными (или

²⁴ Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. СПб., 1885. С. 321; *Потанин Г. М.* Материалы для истории Сибири. М., 1867. С. 69; *Бутанаев В. Я.* Этническая история хакасов XVI–XIX вв. М., 1990. С. 28, 39–40, 43.

²⁵ *Охонько Я. Н.* Управление инородцами Северного Кавказа по Учреждению для управления Кавказской области 1827 г. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 3. С. 124. См. также: *Бобровников В. О.* Мусульмане Северного Кавказа. С. 41–45.

яшными) людьми либо народами», с XVIII в. инородцами или иноверцами, иногда также *туземцами*, а чаще всего по той земле или племени, к которому их относили имперские законодатели и чиновники (буряты, кабардинцы, киргизы, ногайцы, якуты и проч.).²⁶ М.М. Сперанский (и готовивший черновик инородческого законодательства будущий декабрист Г.С. Батеньков) предложившие для них обобщающее понятие инородцы, похоже, взяли его из единичных указов петровского и екатерининского времени. Знаменитый Устав «Об управлении инородцев» 1822 г. определил правовой статус инородцев, приписанных к территориям вокруг Сибирской линии и ее ответвлений в Восточной Сибири. В том же 1822 г. за ним последовал «Устав о сибирских киргизах» для пограничного кочевого и оседлого населения Казахской степи, в 1824 г. – «Устав об оренбургских киргизах», а в 1827 г. – «Учреждение управления Кавказской областью»²⁷. На год раньше принятия устава Сперанского, в 1821 г., появились правила Российско-Американской компании, даровавшие права отдельного инородческого по сути сословия алеутам и креолам русской Америки. Под последними здесь понимались потомки от смешанных браков русских поселенцев и коренных жителей региона²⁸.

Проекты 1822 и 1827 гг. в значительной степени копировали Устав 1822 г. Важно отметить, что оба они (в отличие от Устава 1824 г. и правил 1821 г. Российско-Американской компании) были выработаны Сибирским комитетом, неординарным центральным институтом империи, отвечавшим за восточные окраины России. Сибирский вклад в строительство империи конца XVIII – XIX в. на Кавказе и в Средней Азии заслуживает более пристального специального рассмотрения. Пока он еще недооценивается. Как юридическая категория временных российских подданных инородцы Кавказского края, Казахской степи, а в будущем Степного края и Туркестана

²⁶ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). Собрание I. Т. 1. № X.161, XVI.43, XVIII.45; Т. II. № 1163; Т. III. № 1526, 1542. О покорении неясачных иноземцев и обложении их ясаком. Ст. 9, 21–23; Т. IV. № 1800, 1822. О нечинении ясачным обид и защищении их от нападений иноземцев. Ст. 5, 6, 10, 11, 16, 19, 20, 50, 61; Т. V. № 3410; Т. VII. № 4793, 5075, 4983, 5007; Т. VIII. № 5481; Т. IX. № 6581. §. 20, № 6407; Т. XII. № 9210; Т. XV. № 11191; Т. XIX. № 13944; Т. XXVII. № 20771, §. 8, 9.

²⁷ № 29126. Об управлении инородцев // ПСЗ. Собрание I. Т. XXXVIII. СПб., 1830. С. 394–417; № 29127. Устав о сибирских киргизах // Там же. С. 417–433; № 878. Учреждение для управления Кавказской областью // ПСЗ. Собрание II. СПб., 1830. № 17300. С. 145–154.

²⁸ Подробнее об этом см. яркое исследование перипетий инородческого вопроса в русской Америке: *Люрман С.* От алеутов и креолов к черным и белым: Южная Аляска между двумя империями // *Ab imperio*. 2001. № 3.

получили права, организацию власти и закона на основе сибирской модели Сперанского, которая не утратила правового значения до крушения империи в 1917 г.

Что означало инородческое управление по Сперанскому? Это все разные формы косвенного управления руками местных элит и с использованием местных систем обычного (и мусульманского) права под контролем российских военных, в число которых на протяжении XVIII–XIX в. частично инкорпорировались и инородческие элиты. Система инородческого управления сложилась в конце александровского и начале николаевского царствования. Но на практике оно продолжало вводиться в действие на российском Кавказе и в Туркестане уже в другую эпоху – вскоре после так называемых Великих реформ 1860-х годов. Именно к этому времени было завершено «умиротворение» Кавказского края и начато присоединение Туркестана, завершённое к началу 1880-х годов. Наверное, по причине того, что завоевания и создание режимов косвенного управления для инородцев так затянулось, при реализации инородческого проекта на восточных окраинах сменился сам язык, а вместе с ним отчасти и дискурс инородческой политики. Попытки организовать и реорганизовать управление на завоеванных территориях Кавказа и Средней Азии диктовались совершенно другой логикой, нежели Устав Сперанского. Эта логика основывалась на понятии единой гражданственности для всех подданных империи, унификации прав и обязанностей, системы управления, налогообложения и т.д.

В положении по управлению Кавказского края 1827 г. вместо инородцев речь идет о туземцах, «*туземном населении*». То же правило остается в силе для кочевых и оседлых инородцев во «Временном положении об управлении Закаспийской области», завоеванной после «замирения» Кавказа Кавказской армией. Но в «Положении об управлении Туркестанской областью» (версии 1892 г.) наряду с кочевыми и оседлыми туземцами упомянуты и инородцы²⁹. При этом, для народов Сибири и Дальнего Востока, а также казахов Степного края («степняки») термин туземец по-прежнему

²⁹ Свод законов Российской империи. Т. II. СПб., 1912. С. 377, 380, 399–401, 419–422, 425–456. В «Положении об управлении Туркестанской областью» понятия *туземец*, *туземный* встречаются 68 раз, а *инородец* – всего дважды: при упоминании об административной высылке из региона Туркестанским генерал-губернатором «порочных инородцев» и разборе в мировых судах гражданских исков между туземцами и инородцами, проживающими в русских переселенческих поселениях. В «Положении о Степных областях» 1891 г., туземцы употребляются наряду с инородцами как синонимы. Здесь устойчивость термина инородец, возможно, объясняется влиянием сибирского инородческого законодательства, где термин не утратил былых позиций до начала XX в.

употреблялся редко, хотя и был занесен в законодательство³⁰. Понятие туземец входит не только в обиход законодательства, но и в неофициальный словарь российской администрации окраин. По крайней мере, авторы, писавшие об инородческом населении окраин империи во второй трети XIX в., обычно называют их туземцами. Например, Аполлон Руновский в дневнике о пребывании Шамиля в Калуге, ссылается на «обычаи кавказских туземцев». Для него признавшие власть империи «мирные горцы» это «мирные туземцы», в свою очередь делящиеся на «горцев», «армян», «(горских) евреев³¹». В описании норм обычного права инородцев Кавказского края, изданной в Тифлисе в 1899 г., дается следующее определение «туземцев»: «Под именем туземцев в областях, губерниях и округах ведения военно-народного управления (вида инородческого косвенного управления. – В.Б.) подразумеваются собственно коренные жители данной области, губернии или округа, а в областях Карсской и бывшей Батумской и водворенные в оных переселенцы из Турции»³². В официальном и неофициальном языке русского Туркестана этого периода термин туземец также вытесняет инородца.

Термин туземцы вместе с термином инородцы использовался еще на самом раннем этапе освоения Сибири, Степного края и азиатского Севера³³. Но со сменой эпох его значение в контексте российского владычества на восточных окраинах империи менялось. Введенное Сперанским в общеимперское законодательство понятие инородец было ближе к сословной и фискальной классификации³⁴. В нем была заложена идея постепенности перехода от дикого к общему для российских подданных гражданскому состоянию. По тонкому замечанию Юрия Слезкина, разные категории инородцев были определены Батеньковым и Сперанским как открытые законодательные категории³⁵. В 60-е годы XIX в. от такой идеи постепенности отказались. С точки зрения крестьянской и иных либеральных реформ 1860-х годов, происходивших под знаменем равенства гражданских прав, понятие это стало звучать

³⁰ Свод законов Российской империи. Т. II. СПб., 1912. С. 531–586.

³¹ Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время его пребывания в гор. Калуге с 1859 по 1862 год // Акты Кавказской археографической комиссии. Т. XII. Тифлис, 1904.

³² Адагы Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. С. 57–58.

³³ Соколовский С.В. Категория «коренные народы» в российской политике, законодательстве и науке // Этнометодология. Вып. 5. М., 1999.

³⁴ Слокум Дж.У. Кто и когда были «инородцами»? С. 505.

³⁵ Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 104–105.

для продолжателей Сперанского слишком архаично. Под натиском пореформенной идеи гражданства с равенством прав и обязанностей граждан инородец уходит из официального и неофициального языка мусульманских окраин империи, уступая место туземцам. При этом он оставался в неофициальном и полуофициальном языке – особенно среди националистических и православных идеологов³⁶.

Не случайно, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля понятие «туземный», а вместе с ним и «туземец, туземка», образуют отдельное словарное гнездо с общим значением «уроженец,.. природный житель страны», а инородцы ограничены исключительно коренными народами Сибири и отнесены к одному из значений общего понятия «иной» и помещены как синонимы между его частными вариантами «иноплеменный» и «инославный» (иноверный)³⁷. Нелишним напомнить, что одной из любимых идей националистической российской публицистики пореформенного времени было утверждение о том, что в отличие от многих колониальных держав Запада российская колонизация была направлена не на уничтожение и искоренение населения колонизируемых земель, а на его «природнение», превращение «чужих» в «своих»³⁸. Если в изначальном юридическом понимании термин был нейтрален, то к концу XIX в. он приобрел обидный для его носителей оттенок и был распространен на всех без исключения нерусских подданных империи³⁹. Критериями отнесения к инородцам стали этническое происхождение и родной язык. Тогда же российская (и отчасти инородческая) публицистика и ученые заговорили о необходимости избавиться от этого анахроничного термина в законодательстве империи. При этом споры об инородцах на рубеже веков велись практически исключительно на русском языке. Суммируя оппозиционные официальной версии мнения по инородческому вопросу в 1910 г., известный этнограф

³⁶ См., например: *Миролюбов М.А.* О положении русских инородцев. СПб., 1901.

³⁷ Туземный // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1935 (репринт второго издания). С. 452; Иной, Инородец // Там же. Т. 2. М., 1935.

³⁸ См. недавние яркие работы на эту тему, посвященные репрезентациям «другого», правда, не восточных, но и на западных окраинах поздней Российской империи: *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010; *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

³⁹ *Корф С.А.* Инородцы // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1911. Т. 19. С. 487. Ср. сноски 68 и выходящие из этого определения понимания инородцев в письмах В.И. Ленина и в советской этнографической школе (у Т.А. Жданко) в сносках 53, 83. *Слокум Дж.У.* Кто и когда были «инородцами»? С. 530, 531, 529.

и исследователь инородцев Дальнего Востока Л. Штернберг, относясь по происхождения к западной группе инородцев (евреям), выразил мнение о сумбурности понятия и отсутствии его «практической пригодности» для имперского законодательства и политики на окраинах⁴⁰.

Терминологическая путаница позднего имперского времени отразилась и в попытках создания новых инородческих классификаций конца XIX столетия, например известного географа и путешественника Семенова-Тяньшанского или уже упомянутой статьи Якоби 1894 г. в Брокгаузе-Ефроне. Общий список инородцев империи из последней работы поражает несоразмерностью типов пограничного (или бывшего пограничного) населения, подразделенного на 13 категорий инородцев⁴¹. С одной стороны в список вошли отдельные народы, отнесенные в ходе советских национальных реформ к национальным меньшинствам: чукчи, будущие ненцы (самоеды Архангельской губернии), калмыки и прочие. Некоторые из них еще не получили официального имени, и назывались по закрепленной за ними территории, как будущие алеуты («инородцы Командорских островов»), ногайцы («инородцы, кочующие в пределах Ставропольской губернии»). С ними в списке соседствуют бывшие подданные упраздненных вассальных мусульманских ханств и владений вроде Внутренней орды (Букевского ханства) и ордынцев Закаспийской области. Наконец, в списке есть и конфессиональные группы – евреи как иудейские подданные империи, а также буддисты-калмыки. Все прочие инородцы разделены на несколько общерегиональных категорий: инородцы Сибири, кочевники Степного генерал-губернаторства (кочующие в областях Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской); оседлое население русского Туркестана (дореволюционные сарты, позднее разделенные на узбеков, таджиков и другие народы советской Средней Азии); горские племена Кавказа.

Если приглядеться к списку 1894 г., видно, что выстроен он не по географическому принципу и не по хронологии присоединения к империи новых

⁴⁰ Штернберг Л.Я. Инородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах / Ред. А.И. Кастелянский. СПб., 1910. С. 531–532

⁴¹ Якоби А.М. Инородцы // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XIII. СПб., 1894. С. 224. Учитывая неофициальный статус издания, в обзоре Якоби можно видеть попытку переосмыслить карту империи, используя принятый в ней архаичный словарь. В эти годы появляется несколько инородческих классификаций, одна из которых принадлежала известному российскому географу Востока П.П. Семенову-Тян-Шанскому.

пограничных областей, а по степени интегрированности в имперские структуры управления и принципу гражданской эволюции от варварства к цивилизации. Внизу эволюционной лестницы российских инородцев имперский законодатель поставил наиболее «диких», по его мнению, и «несовершенно зависевших от России» чукчей (2) и дзюнгорцев (3) Томской области, плативших империи ясак, торговавших с ее подданными и (к 1822 г.) периодически перемещавшихся за границы империи. В конце XIX в. к этой категории относили и инородцев на территориях Монголии и Китая, входивших в сферу влияния России. За ними следуют имевшие постоянного места жительства «бродячие туземцы» Сибири и Дальнего Востока (1, 4–5). Чуть выше идут чуть «более развитые» для принятия российского гражданства кочевники (6–9). Лестницу инородческих типов венчают оседлые инородцы Туркестана, Закаспийской области и Кавказского края, и, наконец, евреи (10–13). При оценке такого эволюционистского подхода нужно учитывать временный характер инородческих режимов управления на окраинах. Составители проектов по управлению туземцами и инородцами Кавказа, Степного края и Туркестана подчеркивали переходный характер туземного законодательства, например военно-народного управления, как средства подготовить постепенный переход новых туземных подданных страны к общим законам империи⁴². Подобная метаморфоза, действительно, случилась в Закавказье, где косвенное управление почти повсеместно было заменено на общегражданское губернское в 1840–1860-х годах, или среди оседлых инородцев Волго-Уральского региона. Вместе с тем, были и случаи обратного движения от цивилизации к дикости. Мятежи, вызванные введением в 1840 г. на юге Дагестана российских судов, вынудили распустить эти суды в 1848 г. и перейти к режиму косвенного управления под контролем российских военных⁴³.

Под влиянием этих дискуссий в конце XIX – начале XX в. понятие инородец возвращается в имперское законодательство уже в значении нерусских подданных России. Эта метаморфоза была вызвана поземельной и школьной реформами национализировавшейся империи. Столыпинские законы рубежа веков говорят о поземельном устройстве «крестьян и инородцев» на казенных землях Сибири, Особые

⁴² Свод законов Российской империи. Т. II. С. 423; см. также: Рейнке Н. Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1912. С. 7–10.

⁴³ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа. С. 153.

совещания обсуждают контроль над школьным образованием инородцев⁴⁴. В этих законопроектах, как верно отметил Слокум, видно влияние неформального уничижительного понимания инородцев как неразвитых нерусских жителей России⁴⁵.

Российские и зарубежные корни инородческой политики на Кавказе

Джон Слокум (вместе с Н.В. Сориным-Чайковым⁴⁶) верно ищет корни понятия инородцы в законотворчестве политиков и ученых XVIII столетия. В этом отношении даже такой знаток инородческой политики империи как Михаил Ходарковский ошибся, выводя его из XVII в. В какой-то степени такой ошибке виноваты дореволюционные публицисты и историки конца XIX – начала XX в., нередко допускавшие анахронизмы, рассуждая об отношении России с инородцами в допетровскую эпоху, начиная с нашествия на страну «инородческих орд» татаро-монголов⁴⁷. До XVIII в понятие инородец ни в Сибири, ни во внутренней России не употреблялось. Самоедов-ненцев, чукчей, калмыков и прочих будущих инородцев восточного фронта страны называли в XVI–XVII вв. туземцами или «ясашными иноземцами», понимая под этой категорией население, признававшее русскую власть и платившее ей натуральные подати (*ясак*)⁴⁸. В отличие от «иноземцев» туземцы не рассматривались ни как пришлый элемент, ни как безусловные граждане государства. В число инородческого населения в Сибири и Казахской степи могли входить и так называемые русские ясашные. К ним относили русских переселенцев, купивших у аборигенов обложенные ясаком земли. К ним могли относиться и вернувшиеся в российское подданство беглые, как например, старообрядцы-«каменщики» из Бухтармыинского урочища, скрывавшиеся прежде в горах (камнях) Алтая, но прощенные Екатериной II и поступившие в ясак в 1791 году⁴⁹. В конце XVIII – начале XIX в. «иноземцы» как категория имперского учета и преобразований уступили место инородцам, о которых только что шла речь, а во

⁴⁴ Программа реформ П.А. Столыпина: Документы и материалы. Т. 2. М., 2002.

⁴⁵ Слокум Дж.У. Кто и когда были «инородцами»? С. 516–518.

⁴⁶ Слокум Дж.У. Кто и когда были «инородцами»? С. 507, 526.

⁴⁷ Градовский А. Начала русского государственного права / 2-е изд. Т. I. СПб., 1892. С. 394–395.

⁴⁸ Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900. С. 19; Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы). М., 1997. *Passim*.

⁴⁹ Мамсик Т.С. Новые материалы об алтайских «каменщиках» // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибир.и. Новосибирск, 1982. С. 254.

второй трети XIX столетия – туземцам, а в начале XX в. – этническим критериям описания и учета населения страны.

Российская политика по отношению к туземцам не представляла собой чего-то уникального и неповторимого. Аналоги ей можно найти в других великих колониальных державах Европы XIX в. Не говоря про переводы с французского, многие творцы инородческого законодательства вдохновлялись примерами французских законодателей и публицистов, писавших о колониях великих держав. Как известно, сам Сперанский создавал свой проект под немалым влиянием работы об испанской Америке французского дипломата и публициста аббата Прадта, объяснявшего отсталость колоний испанской Америки неуместным перенесением на их почву европейских установлений, совершенно не подходивших, по его мнению, для местных «дикарей»⁵⁰. Слокум ошибается, находя французский эквивалент понятию инородцы в слове *allogènes*. Это понятие, действительно, встречается во французском названии «Лиги инородческих народов России», основанной в 1916 г. литовским националистом Юозасом Габрисом в эмиграции, в Швейцарии, в 1916 г. Но в этом случае мы имеем дело с переводом с русского на французский язык. Связь с зарубежной инородческой политикой можно прощупать через туземцев (франц. *indigènes*, англ. *indigenous, natives*), с управлениями которыми был связан целый ряд режимов на фронтире колониальных режимов Англии и Франции. Рассмотреть все аналоги инородческим режимам российской империи за рубежом на страницах одной работы не представляется возможным. Поэтому, оставив в стороне британскую Индию, Канаду, русскую, а затем американскую Аляску и многие другие любопытные примеры, посмотрим на параллели инородческого управления с французским Алжиром второй трети XIX в.

Система, подобная российскому варианту военно-народного управления для кочевых инородцев и оседлых туземцев Кавказского края и закаспийской области Туркестана, вводилась французами в Алжире. Здесь она получила название «туземной» или «арабской политики». Присоединение Алжира к Франции, как Кавказа и Туркестана к России, было совершено руками военных. Они же первоначально управляли обоими регионами. Поэтому в обоих случаях режимы косвенного управления туземцами

⁵⁰ Слезкин Ю. Арктические зеркала. С. 102–103.

разрабатывались военными властями и проводились в жизнь военными. Последние обладали в пограничье нередко неограниченной властью, что вызывало сильные расхождения между законодательными нормами инородческой и туземной политики и ее местным колониальным воплощением. На Кавказе надолго сохранилась память о деяниях «проконсула Кавказа» Ермолова. При этом довольно большими полномочиями обладали и начальники флангов и даже участков Кавказской линии – прикрывавшей южные рубежи империи укрепленной цепи крепостей и казачьих станиц, которая в эту эпоху постепенно перерезала весь регион по крупным рекам и Главному Кавказскому хребту. Нередко они представляли на местах высшее начальство империи. Похожее положение сложилось в Алжире 1830–1845 гг., когда на всех оккупированных территориях был установлен военный режим. Как вспоминал Пейн, военный начальник в Бу-Саада, «я чувствовал себя едва не королем и обладал неограниченной свободой рук. Великие племена всадников Ходны, эти кочевники Улед Наиль, не знали другого начальника кроме меня и не слушались никого другого»⁵¹.

Истоки анализируемой системы управления нужно искать в Османской империи и зависимых от нее мусульманских государствах XVI–XVIII вв. В частности, после завоевания Магриба полицейские и судебные функции по управлению завоеванными землями турки передали части местного населения. В таком случае они не меняли ни системы управления, ни суда, ни обычного права местного берберского и арабского населения. На государственную службу принимались целые племена. Они образовывали освобожденную от податей «туземную» армию и полицию (*махзен*), в обязанности которой входил сбор налогов со всех прочих сельских общин и племен, отправление правосудия и подавление возмущений против османского владычества⁵². В первой половине XIX в. англичане ввели подобную систему управления в некоторых индийских княжествах, оказавшихся под английским протекторатом. На первых порах сходная «туземная администрация» сохранялась во французском Алжире. Похоже, что и русские военные, впервые применившие военно-народное управление на Кавказе, переняли ее у турок, как англичане и французы. Однако по мере завоевания и колонизации мусульманских регионов Востока европейцы все больше реформировали османскую систему косвенного управления. Внешне ее институты как будто оставались

⁵¹ *Уасоно Х.* Bureaux arabes // Encyclopédie berbère. Т. XI. Р., 1992. С. 394–395. Р. 1658.

⁵² *Иванов Н.И.* Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984. С. 205.

прежними. Но постепенно организация туземного суда и власти неузнаваемо изменилась под влиянием новой, колониальной идеологии.

После завершения завоевания и Алжир, и Кавказ были разделены на территории, находившиеся под военным и гражданским управлением. Введение в Алжире первых гражданских территорий, управлявшихся по законам метрополии, было начато по королевскому ордонансу 18 апреля 1845 г. Основной частью страны, населенной туземцами-мусульманами, в 30–60-е гг. управляли военные. Здесь действовало косвенное управление. Власть, суд и сбор налогов были сосредоточены в руках местных владельцев, действовавших под контролем российских офицеров. В 1845 г. Алжир разделили на три провинции – Алжир, Оран и Константина. Каждой управлял французский дивизионный генерал. Провинции состояли из военных подразделений (*subdivisions militaires*), а последние – из кругов [палаток] (*cercles*) кочевого и полuosедлого «туземного населения».

Как и в Кавказском крае Российской империи в 30–70-е годы XIX в., в Алжире шла борьба между сторонниками противоположных способов решения «туземного вопроса». Европейские колонисты, обосновавшиеся на плодородных равнинах на побережье, предлагали согнать алжирских мусульман с их земель, т.е. осуществить план, подобный тому, что был проведен в 60-е годы XIX в. на Северо-Западном Кавказе генералом Н.И. Евдокимовым, командующим войсками Кубанской области. Военные предлагали разделить территорию Алжира на «гражданские» и «военные» территории и сохранить за туземцами их земли и обычаи на «военных» землях, куда доступ колонистам был бы запрещен. Похожий проект был осуществлен в дореволюционном Дагестане. Наконец, гражданские власти предлагали уничтожить право и суд туземцев, которые должны быть ассимилированы французами⁵³. Колонистов и гражданских чиновников преследовал страх перед «туземной» мусульманской угрозой, подобный тому, что чувствовался у ряда русских чиновников в Туркестане и на Кавказе. Довольно ярко и откровенно его выразил Жером Бонапарт, возглавлявший в 1858–1860 гг. французское министерство Алжира и колоний. «Нам противостоит, – писал он, – вооруженная и живучая нация, пыл которой следует умерить при помощи ассимиляции». Министр не скрывал, что ставит перед собой цель «расчленения и

⁵³ Бобровников В.О. Современный мир глазами феллаха (Северная Африка XIX–XX вв.). М., 1998. С. 58–61.

растворения арабского народа (т.е. алжирских туземцев-мусульман. – С.А., В.Б.) (*la dislocation du peuple arabe et la fusion*)»⁵⁴.

Завоевание Францией Алжира и Магриба, как и российское продвижение на Кавказ и в Среднюю Азию, по своему характеру носило колониальный характер. Главным признаком колонии в обоих случаях был туземного населения (*indigénat*), автономного, ущемленного в правах по сравнению с гражданами метрополии или Центральной России. Туземный кодекс был отменен в Алжире лишь в 1945 г., а на Кавказе после революции 1917 г. Массовая колонизация значительной части земель Алжира, Закавказья и Северо-Западного Кавказа в последней трети XIX в. соединяла и Алжир, и Кавказ с Туркестаном с метрополиями. Вместе с тем, особенно в Алжире она способствовала созданию общин европейских колонистов, которые нередко противопоставляли себя метрополии, отстаивая свое право на равные привилегии с жителями метрополии или центра империи. Русские переселенцы Кавказского края не имели перед туземцами-мусульманами тех привилегий, какими обладали колонисты в Алжире. Наконец, важно отметить высокий статус обоих регионов, выделявший их из других колониальных владений. Алжир занимал первое место среди заморских территорий Франции, хотя система и режимы управления здесь неоднократно и часто менялись. То же можно сказать о Кавказском наместничестве 1844–1881 гг., восстановленном между двумя русскими революциями (1905–1917).

При Наполеоне III система управления Алжиром неоднократно менялась. В 1858 г. должность генерал-губернатора была упразднена. Создавалось специальное Министерство Алжира, штаты которого вместе с высшей алжирской администрацией были ненадолго переведены в Париж, но в 1860 г. возвращены в г. Алжир. Тогда же был восстановлен и пост генерал-губернатора, на который был назначен влиятельный в Париже маршал Пелисье. Император строил обширные планы упрочения власти Франции в Северной Африке с предоставлением Алжиру еще большей автономии. В 1863 г. в письме к Пелисье Наполеон III так определил свои планы: «Алжир не просто колония, но арабское королевство. Под моим покровительством у туземцев должны быть равные права с колонистами. Я такой же император арабов, как и французов»⁵⁵.

⁵⁴ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа. С. 173.

⁵⁵ Collot C. Les institutions de l'Algérie durant la période coloniale (1830–1962). P., 1987. P. 8–9.

Планам этим не суждено было осуществиться, однако автономия военных властей Алжира в 1851–1870 гг. приближалась к положению «туземного» Кавказского наместничества в составе Российской империи⁵⁶.

Колониальный Кавказ и Восток в концепции Эдварда Саида

Чем можно объяснить устойчивость и влиятельность стереотипов о Кавказе в российском дореволюционной науке, политике и общественном сознании? Здесь на помощь нам может прийти хорошо известная концепция об ориентализме, созданная недавно умершим американским ученым палестинского происхождения Эдвардом Саидом (1935–2003) на примере Ближнего Востока. В 1978 г. Саид опубликовал книгу под этим названием, которая оказала революционное влияние на методологию и направление исследований зарубежного Востока. В 1995 г. вышло переработанное второе издание этой монографии⁵⁷.

Саид обратил внимание на устойчивость стереотипов о мусульманском «Востоке», созданных академической европейской наукой колониального времени, а затем воплощенных в жизнь европейскими и североамериканскими колонизаторами на землях покоренных ими неевропейских народов. Европейцы, а вслед за ними американцы и даже выходцы с мусульманского Ближнего Востока, получившие образование на Западе, настолько привыкли к такому образу, что считают его извечным. На самом же деле единый Восток – это творение востоковедов, своего рода фикция, смысл которой состоял не только в познании, но и в подчинении реальных «Востоков» колонизаторами. Саид справедливо замечает, что в истории знание и власть вообще часто бывают взаимосвязаны. В колониальную же эпоху востоковеды образовали своего рода замкнутую «гильдию», изучавшую колонизируемые неевропейские регионы и вместе с тем помогавшую имперской власти покорять их и управлять ими.

Саид определял ориентализм как своего рода язык или *дискурс*, основанный на системе властных институтов колониального характера. Основы ориентализма были

⁵⁶ Подробнее см.: *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа.

⁵⁷ *Said E.* Orientalism. New York, 1978; London, 2nd ed., 1995.

заложены в западноевропейских научных теориях эпохи Просвещения и развиты позитивистской наукой XIX в. Опираясь на идеи известного французского философа Мишеля Фуко о единстве знания и власти, а также концепцию *гегемонии* или воспроизводства власти Антонио Грамши, Саид пришел к выводу, что идеи Просвещения помимо прочего предусматривали господство Европы над всеми другими культурами и обществами мира, которое должно было быть достигнуто при помощи колониальной экспансии. Имперская власть Запада была связана и подкреплена эпистемологическим порядком, основанным на сконструированных Западом представлениях о неевропейских частях света, подчеркивавших культурную дистанцию, инаковость «Другого» в отличие от Европы.

Черты изобретенного ориенталистами Востока (*Oriens*), как писал Саид, чем-то напоминают образ Кавказа, предстающий из собранной нами в этой главе цитат. Во-первых, он представляет собой антипод Запада. Развитому, гуманному, демократичному и человечному Западу противостоит дикий, жестокий, деспотический и античеловечный Восток. В отличие от динамично развивающегося Запада Восток пассивен. «Азиатцы» выступают в кривом зеркале ориентализма как материал для изучения востоковедов-ориенталистов и преобразований колониальных политиков. Это существа без своей воли и истории. «Они не могут представить себя, они могут лишь быть представлены», – писал о них Карл Маркс. Здесь можно вспомнить и хрестоматийно известные строки Лермонтова про мертвый сон Востока, написанные в эпоху русского завоевания Кавказа:

«...Не боюсь я Востока! –

Отвечал Казбек, –

Род людской там спит глубоко

Уж девятый век,..

Все, что здесь доступно оку,

Спит, покой ценя...

.....

Нет! Не дряхлому Востоку

Покорить меня!»

В-третьих, образ Востока, как правило, социально опасен. Он не только противостоит, но и угрожает самому существованию Запада. Из этого утверждения происходят многочисленные фобии колониального времени, от пан-исламизма до пан-монголизма. Восток просто должен быть покорен и поставлен под власть Запада, иначе восточное варварство поглотит западную культуру и цивилизацию. Еще одна важная черта ориентализма состоит в убеждении об объективности созданного ориенталистами знания о Востоке. В его основу в XIX в. предпочитали класть тексты, пусть даже художественные, но не живых людей, знакомство с которыми лишь искажает общую картину Востока.

Время показало, что, что модель Саида продуктивна и провокативна. Она спровоцировала до сих пор не прекращающийся поток научных публикаций, посвященных критике колониальной науки и политики в Западной Европе. Через дискурс ориентализма, мы выходим на тему общего восприятия горцев-мусульман в окружающем мире времен колониальной и постколониальной глобализации. Ориентализм, оказавший немалое влияние на российскую политику и реформы на дореволюционном Кавказе, в свою очередь эволюционировал. В России, как и в Западной Европе, ориенталистский дискурс зародился в эпоху Просвещения, во время екатерининского царствования, когда в состав России вошла значительная часть Северо-Западного Кавказа. Свои характерные формы он обрел в эпоху колониальных завоеваний второй трети XIX в., в ходе которых в состав Российской империи вошел уже весь Кавказский край⁵⁸.

Используя предложенную Саидом модель для объяснения исторической мысли и политики в Российской империи, не следует бездумно переносить саидовские утверждения на материалы Кавказа и других регионов российского «Востока». Здесь уместно вспомнить о дискуссии, разгоревшейся в 2000 г. на страницах влиятельного нового журнала по американской русистике «Критика». На его страницах известные специалисты по разным регионам российского «Востока» спорили о пределах применения концепции Саида, задаваясь вопросом, «была ли русская душа у

⁵⁸ *Jersild A.L.* Orientalism and Empire: North Caucasus Muslim Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal, 2002. См. также статьи американских историков-русистов, в неизвестном сборнике «Российский Восток» (Russia's Orient. Ed. by D. Brower and E. Lazerini. Bloomington, 1997).

ориентализма XIX в.»?⁵⁹ На примере русского востоковеда Григорьева Натаниэл Найт показал, что связи между наукой и политикой в действительности не вписываются в упрощенную формулу «социального заказа». Отвечая ему, Адиб Халид и Мария Тодорова отметили мозаичность ориенталистских видений и политик, их изменчивость в судьбах отдельных ученых, военных и политических деятелей колониальной эпохи.

Интерес представляет сформулированный на примере Балканских провинций Османской империи Милицей Бакич-Хэйдэн тезис о цепном развитии ориентализации (*nesting orientalism*) при котором в пограничных колонизируемых областях каждая из местных элит выступает в роли носителей ценностей цивилизации и просветителей своих более отсталых «восточных» соседей. Так в бывшей Югославии католики-хорваты ориентализировали находившихся под властью турок православных-сербов, которые в свою очередь подобным образом относились к обращенным османами в «азиатский ислам» боснийским мусульманам⁶⁰. Такой подход помогает понять логику рассуждений и действий мусульманских элит российского Кавказа, высказывания представителей которых мы рассмотрели выше на примере дагестанских хронистов и чиновников. Не случайно все эти высказывания относятся уже ко времени после перехода их на русскую службу. Если прежде мусульманская духовная элита апеллировала исключительно к утраченным горцами исламским ценностям, то после окончания Кавказской войны и российского покорения региона в ориентализирующей риторике местных мусульманских улемов все чаще звучат призывы к усвоению мусульманами достижений технического прогресса и прочих благ современной западной цивилизации.

Наследие ориентализма в российской науке и политике

После окончательного «умиротворения» региона ориентализм не потерял своего значения. Источники позволяют проследить блуждания этого имперского

⁵⁹ Kritika. Bloomington, 2000. Vol. 1. No. 4. Чуть позднее ее материалы были перепечатаны по-русски в журнале *Ab imperio* (2002. № 1). См. также: раздел «Восток империи: проблемы воображения и понимания» в недавно выпущенном томе: *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет*. М., 2005. С. 273–388.

⁶⁰ *Bakioe-Hayden M. Nesting Orientalism: The Case of Former Yugoslavia // Slavic Review. Washington, 1995. Vol. 54. No. 4. P. 917.*

дискурса на Кавказе и других восточных окраинах сначала Российской империи, а затем СССР. Как известно, после завоевания Кавказского края русская военная экспансия была направлена на земли Средней Азии. В покорении кочевых и оседлых мусульман этого региона приняли участие ветераны Кавказской войны. К их числу относился уже упоминавшийся выше генерал Комаров, с 1883 по 1890 г. управлявший Закаспийской областью (совр. Туркмения). Через Кавказскую войну прошли правители русского Туркестана генералы К.П. фон-Кауфман и М.Г. Черняев, многие из их приближенных. В завоевании Средней Азии отличились и выходцы из мусульманской военной элиты Кавказского края, в частности генерал Максуд Алиханов-Аварский родом из Нагорного Дагестана⁶¹.

Русские «кавказцы» не просто покоряли и управляли Туркестаном. Они также воодушевлялись благородной идеей цивилизации «дикого края», принесения ему «мира и процветания». При этом они исходили из усвоенных ими на Кавказе взглядов о мусульманском Востоке. В этом отношении любопытно привести замечание русского дипломата и первого посланника при Бухарском эмирате Н.В. Чарыкова, восхищавшегося «глубоким знанием азиатских обычаев... приобретенным на Кавказе», позволившим генералу Комарову почти бескровно присоединить к Российской империи стратегически важный Мерв⁶². Не стоит, конечно, думать, что кавказский колониальный опыт всегда помогал русским при покорении и управлении Туркестаном. В частности, смешанные адатно-шариатские суды-*мехкеме*, созданные здесь в 1866 г. по образу и подобию Дагестанской и Терской областей Северного Кавказа, оказались нежизнеспособными и были распущены. При этом усвоенные на Кавказе ориенталистские клише в немалой степени определили ход российских реформ на других восточных окраинах Российской империи, в первой очереди в Средней Азии.

Колониальный ориенталистский дискурс распространялся не только в пространстве, но и во времени. Он пережил создавшее его государство. Хотя в 1917 г. Российская империя прекратила свое существование, но в общественном сознании

⁶¹ См. их биографии в недавно выпущенном в Москве библиографическом словаре дореволюционных российских военных востоковедов (Восточная литература, 2005).

⁶² *Charykov N.V. Glimpses of High Politics Through War and Peace, 1855–1929. The Authobiography of N.V. Charykov, Serf-Owner, Ambassador, Exile. London, 1931. P. 173, 174–175.*

России надолго сохранился миф о Кавказе как царстве благородных разбойников, живущих по неизменным дедовским обычаям. Ориенталистские клише колониальной эпохи оказали влияние на целый ряд научных концепций XX столетия. Наиболее устойчивым оказалось чисто ориенталистское представление о неспособности мусульманских стран к развитию, их извечной антизападной ориентации.

Этот стереотип по разному преломился в разных научных школах кавказоведения. Ранняя советская историография 20-х – первой половины 30-х годов XX в. рассматривала включение Кавказа в состав Российской империи как колониальное порабощение, при котором классовые интересы царизма сомкнулись с устремлениями местных «феодалов». На российские преобразования XIX в. стали смотреть как на орудие империалистического порабощения и классовой эксплуатации горцев. Шамиль и другие руководители горского превратились в этом дискурсе в лидеров национально-освободительного движения. Такие взгляды определяли подход ученых из школы советского историка и политического деятеля М.Н. Покровского⁶³. Не подвергая сомнению основные ориенталистские клише дореволюционной литературы, он и его ученики переосмысливали их в рамках универсальной марксистской концепции.

Одной из тем ранней советской историографии стала апология абречества. В духе экономоцентричной марксистской схемы в ранней советской историографии понятие «хищничества» стало увязываться с экономической отсталостью горцев, подавленностью их двойным гнетом российских и местных эксплуататорских классов. Набеги горцев стали оправдывать нехваткой ресурсов, а действия абреков XIX–XX вв. – борьбой за освобождение от колониального гнета. Подобное марксистско-мальтузианское толкование «хищничества» присутствует, в частности, в книге о Дагестане краеведа Анатолия Скачко, в 1920-е годы представлявшего Дагестан в Президиуме ЦИК СССР.

«На суровых бесплодных скалах, где для безопасности строили селения, каждая горсть зерна добывалась тяжелым, упорным трудом, – писал он. – Каждый кувшин воды, и тот стоил большого труда, потому что его приходилось приносить из речки,

⁶³ См., например: *Покровский М.Н. Завоевание Кавказа // Его же. Дипломатия и войны царской России в XIX в. М., 1926.*

протекающей в ущелье, на глубине в несколько сот метров... Природные условия были таковы, что даже самым упорным трудом нельзя было вполне обеспечить всех потребностей, и приходилось изыскивать какие-либо источники их удовлетворения, лежащие вне горных ущелий... Оставался только один выход: пополнять недостатки скудного хозяйства в горах набегами на плодородные равнины. Налетать с гор неожиданным ударом, захватывать жизненные припасы и разное добро, угонять скот и жителей, чтобы обратить последних в рабов. Неизбежно это обратилось в систему, набеги сделались более или менее постоянным "отхожим промыслом", подсобным занятием, естественным приспособлением к обстановке народов, загнанных в бесплодные горы, не представлявшие достаточных ресурсов к жизни»⁶⁴.

Усиление влияния ориенталистского дискурса на советское кавказоведение произошло в конце 30-х – 40-е годы. В это время в советской политике и науке произошел резкий поворот. Официальный курс поздней сталинской эпохи заключался в признании объективной ценности государственных традиций царской России. Широкие завоевания XIX в. получили положительную оценку. Присоединение Кавказа к Российской империи стало рассматриваться как «меньшее зло», открывшее путь к ускорению общественного развития региона, отмиранию в нем «феодално-патриархальных пережитков» средневековья. Имам Шамиль и другие руководители горского сопротивления российскому завоеванию XIX в. (в духе характерной для эпохи шпиономании) были объявлены ставленниками эксплуататоров и агентами зарубежных разведок. Длительное сопротивление Шамиля объяснялось внешней причиной – помощью Турции и Англии.

В конце 50-х – первой половине 80-х годов наиболее одиозные положения сталинской историографии были забыты. Историки отказались от чрезмерной архаизации дореформенного мусульманского общества. В рамках советской марксистской парадигмы кавказоведы послевоенных десятилетий выдвинули тезис о том, что накануне российского завоевания кавказские горцы стояли на стадии не первобытности, а относительно развитого феодализма. Вместе с тем существовала официальная установка о добровольном вхождении всех без исключения народов и окраин в Российское государство, дружбе народов и солидарности трудящихся,

⁶⁴ Скачко Ан. Дагестан. М., 1931. С. 31.

существовавших на территории Советского Союза во все исторические эпохи. От историков ждали обоснования этих официозных положений. Целый ряд тем, таких как колониальный характер российского продвижения на Кавказе, оставались закрытыми для исследования. В поздней советской науке, по верному замечанию В.В. Дегоева, явно назрел историографический кризис.

В 1983 г. осетинский историк М.М. Блиев предложил свой выход из этого кризиса. Оставаясь в границах марксистской схемы, он выдвинул гипотезу о том, что в период включения Северного Кавказа в состав Российской империи произошло столкновение двух разных формационных систем, одна из которых (Россия) находилась на стадии капитализма, имела развитую общественную структуру, государственность и экономику, а другая (горские кланы и сельские общины Северного Кавказа) представляла собой разновидность патриархальной раннефеодальной системы. Последние стояли на стадии «военной демократии» и добывали себе средства к существованию при помощи грабительских набегов на соседей: сначала на Закавказье, а затем на русские поселения на Северном Кавказе. Подобная «набеговая система» неизбежно вызвала состояние перманентной войны с Российским государством, в XIX в. принявшей форму «мюридизма»⁶⁵.

При всей оригинальности этой модели, в ней несложно заметить ориенталистские влияния колониальной эпохи. Недаром ее автор опирается исключительно на вторичные (порой сомнительные) материалы из лагеря русских завоевателей, полностью игнорируя недавно переведенные и изданные местные горские первоисточники. У Блиева нашлись отдельные единомышленники. Но подавляющее большинство кавказских и российских ученых восприняло теорию «набеговой системы» в штыки. В целом в постсоветской историографии продолжают господствовать подходы поздней советской школы: Кавказская война предстает как разновидность национально-освободительного движения, дореволюционное общество изображается переходным от феодализма к капитализму, а российское завоевание и реформы – как мощный толчок к такому переходу. Не утихающая полемика вокруг работ М.М. Блиева показывает, что современное кавказоведение

⁶⁵ Блиев М.М. Кавказская война, социальные истоки, сущность // История СССР. М., 1983, № 2; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

пока не может выйти из историографического кризиса. Она позволяет сделать еще один важный вывод: источником этого кризиса в немалой степени остается наследие ориентализма.

В то же время нельзя преувеличивать влияния отживших ориенталистских клише на современную российскую науку. Сегодня миф о дикости и тотальном разбое на Кавказе популярен в основном в российских и зарубежных средствах массовой информации, а также у далеких от Кавказа обывателей. Из ученых, занимающихся этим регионом, мало кто разделяет эти дикие представления. Даже подход Блиева и его сторонников определяется не одним только ориенталистским видением дореволюционной истории региона. В целом в современной отечественной исторической науке преобладают далекие от ориенталистских клише работы.

Несколько соображений об ориентализме на Кавказе в заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно отметить, что предложенное Эдвардом Саидом около трети века тому назад понятие ориентализма как восходящего к колониальной эпохе необоснованного увлечения восточной экзотикой и искусственного разделения исторического развития Востока и Запада, оно неплохо вскрывает сущность некоторых стереотипов колониального и советского мышления, ряд научных концепций и политических проблем. По сути российский Кавказ (как и Восток, по концепции Саида) представляет собой искусственно созданный европейскими учеными образ, своеобразную фикцию, смысл которой состоит не только в познании, но и в подчинении реальных «Востоков» колонизаторами. Как и на Ближнем Востоке, на Кавказе времен присоединения его к Российской империи складывается крайне негативный образ «туземцев-дикарей», продолжающий определять общественное мнение и отчасти политику России до настоящего времени.

Ориенталистский дискурс «горской дикости» формируется в России вместе с завершением покорения Кавказа. Кавказские горы восхищали русское общество своей кажущейся первобытностью и свободой, а вместе с тем и ужасали дикостью и коварством горцев, населявших неприступные горные ущелья. От обожания Кавказа они

переходили к не менее неумеренному порицанию жителей края. Такие представления распространялись в русском обществе прежде всего через художественную литературу. В классической русской беллетристике дань уважения ориентализму отдали Пушкин и Лермонтов, Бестужева-Марлинский. Романтическое увлечение Северным Кавказом было не чуждо западноевропейской науке и беллетристике. Наряду с общими ориенталистскими клише оно прослеживается в публицистике Дюма-отца, корреспонденциях Маркса о Кавказской и Крымской войнах. К взгляду на горца как на извечного хищника склонялась и мусульманская элита Дагестана и Кабарды, перешедшая на службу в российскую военную и гражданскую администрацию края.

Негативный образ кавказских горцев, сложившийся в сознании российского общества колониальной эпохи в немалой степени определил не только методы покорения региона, но и способы управления им. Покорение региона в период Кавказской войны XIX в. Россией шло одновременно с его научным изучением. Финансовую поддержку научным изысканиям в этом направлении правительство оказывало через Русское географическое общества, Кавказский отдел которого был создан в Тифлисе еще в 1851 г. Географическое общество неизменно сотрудничало с Кавказским наместничеством при разработке законопроектов для горцев-мусульман. Его корреспондентами были русские военные и представители местной мусульманской военной и духовной элиты, ставшие на русскую службу. Все они испытали немалое влияние романтической школы русской истории конца XVIII – начала XIX в.

В ориентализме на российском Кавказе отразился обмен великих держав XIX в. опытом колониального знания и управления. Опыт колониального управления, полученный Россией на Кавказе, использовался в других регионах Российской империи, в частности в Средней Азии, где на территории Закаспийской области в последней четверти XIX в. была предпринята неудачная попытка создания аналогичных кавказским институтам власти и закона. Власти Кавказского наместничества пристально изучали опыт цивилизаторских проектов французов в Алжире и англичан в Индии. В свою очередь последние использовали в колониальной политике опыт российских реформ на Кавказе. На региональные формы дискурса повлияли перемещения ориенталистских идей, проектов и собственно ориенталистов между разными

регионами империи. Свой вклад в распространение и развитие ориенталистского дискурса внесли крупные российские политики и востоковеды, карьера которых была связана с Кавказом XIX в.

Через дискурс ориентализма, мы выходим на тему общего восприятия мусульман Кавказа в окружающем мире времен колониальной и постколониальной глобализации. Можно обнаружить как параллели в восприятии колониальных окраин в метрополиях того времени, так и своеобразие отношения к Кавказу в дореволюционной России. Ориентализм, оказавший немалое влияние на российскую политику и реформы на дореволюционном Кавказе, в свою очередь эволюционировал. В России, как и в Западной Европе, он зародился в эпоху Просвещения, во время екатерининского царствования, когда началось продвижение империи на Кавказ. Свои характерные формы он обрел в эпоху колониальных завоеваний первой трети XIX в., в ходе которых в состав Российской империи вошли Закавказье и Северный Кавказ. Колониальный ориенталистский дискурс пережил создавшую его эпоху. Он повлиял на целый ряд российских и зарубежных научных концепций XX столетия. Наиболее устойчивым оказалось чисто ориенталистское представление о неспособности мусульманских стран к развитию, их извечной антизападной ориентации. Этот стереотип по-разному преломился в разных научных школах кавказоведения.

